

Микляева А.В.

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СПб, 2014

УДК 159.9

ББК 88.5

М 59

**Монография рекомендована к печати кафедрой психологии человека
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена**

Рецензенты:

Коржова Е.Ю., доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Посохова С.Т., доктор психологических наук, профессор, первый проректор, проректор по научной работе Института специальной педагогики и психологии им. Р. Валленберга

Микляева А.В.

М 59 Психология межвозрастных отношений. Монография. – М.: СВИБТ, 2014. – М. Издательство Перо, 2014. – 159 с.

ISBN 978-5-00086-081-6

В монографии представлена авторская концепция межвозрастных отношений как социально-психологического феномена, а также результаты эмпирических исследований, верифицирующие и иллюстрирующие ее основные положения.

Для широкого круга специалистов в области социальной психологии и смежных дисциплин, а также для начинающих исследователей, аспирантов, магистрантов и студентов соответствующего профиля.

ББК 88.5

ISBN 978-5-00086-081-6

© А.В. Микляева

© СВИБТ

Содержание

Введение	4
1. Предпосылки социально-психологического подхода к изучению межвозрастных отношений	10
2. Социально-психологический подход к изучению межвозрастных отношений	28
2.1. Предпосылки социально-психологической концепции межвозрастных отношений	28
2.2. Основные положения социально-психологической концепции межвозрастных отношений	37
2.3. Модели межвозрастных отношений	50
3. Межвозрастные отношения в системе «государство – человек как представитель возрастной группы»	59
3.1. Практики взаимодействия между государством и людьми как представителями возрастных групп	61
3.2. Возрастные представления как социально-психологический феномен	66
3.3. Модели межвозрастных отношений, реализующиеся в системе «государство – человек как представитель возрастной группы»	76
4. Межвозрастные отношения во взаимодействии между возрастными группами	78
4.1. Практики взаимодействия между возрастными группами	79
4.2. Возрастные стереотипы как социально-психологический феномен	81
4.3. Модели межвозрастных отношений во взаимодействии возрастных групп	97
5. Межвозрастные отношения в межличностном взаимодействии людей	104
5.1. Практики межличностного взаимодействия людей как представителей возрастных групп	105
5.2. Возрастные установки как социально-психологический феномен	106
5.3. Модели межвозрастных отношений в межличностном взаимодействии	114
Заключение	122
Список литературы	131
Приложение	158

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в различных областях научного знания констатируется повышение интереса к отношениям между людьми разных возрастов, которое обусловлено трансформациями возрастной структуры современного общества, проявляющимися в постарении населения, резком росте социального расслоения между возрастными группами, усилении социальной уязвимости молодых и пожилых людей и т.д. (Бочаров В.В., 2001; Вдовина М.В., 2008; Пучков П.В., 2006; Levitt S., Dubner S., 2005; Nelson T.D., 2005 и др.). Эти трансформации создают предпосылки для усиления эффектов социального неравенства возрастных групп, формирования интолерантных практик межвозрастного взаимодействия, преодоление которых сегодня рассматривается в качестве одной из важнейших задач развития современного социально-ориентированного общества.

Всплеск интереса к проблематике межвозрастных отношений способствует тому, что этот феномен сегодня активно изучается многими гуманитарными науками, в том числе и психологией. Межвозрастные отношения сегодня активно изучаются, прежде всего, в рамках возрастной психологии, предметом которой являются возрастные характеристики людей, обусловленные общими закономерностями психического развития в онтогенезе. Исходной предпосылкой возрастно-психологических исследований является анализ возрастных признаков человека как преимущественно индивидуальных характеристик, которые определяют развитие его психического потенциала по законам универсальных биологических процессов (роста, созревания, старения), протекающих в тех или иных социально-исторических условиях (Ананьев Б.Г., 1980; Обухова Л.Ф., 2006; Рыбалко Е.Ф., 2001 и др.).

Многолетние исследования в области возрастной психологии демонстрируют высокую продуктивность такого подхода для изучения психологического содержания возрастных периодов жизни человека, описания «среднестатистических» психологических различий между людьми разных возрастов. Однако для описания психологических закономерностей отношений, разворачивающихся между людьми разных возрастов, сведений о возрастных особенностях психического развития людей зачастую оказывается недостаточно. Наиболее ярко этот факт иллюстрируют кросскультурные различия в практиках межвозрастных отношений на фоне сходных траекторий онтогенетического психического развития их субъектов, описанные специалистами как в области психологии (Кле М., 1991; Сапогова Е.Е., 2005; Толстых А.В., 2001 и др.), так и смежных наук (Аръес Ф., 1999; Мид М., 1988 и др.).

Привычная для возрастной психологии трактовка возраста как фактора онтогенетического развития психики не позволяет объяснить указанные различия, а также многие другие феномены межвозрастных отношений (например, возрастную дискриминацию, межвозрастную сепарацию и т.д., проявляющиеся в различных сферах жизни), поскольку в фокус внимания исследователей сосредоточивается на характеристиках отдельного человека как

субъекта этих отношений. Между тем, специалистами в области социальной психологии, в предметном поле которой феномен отношений между людьми занимает одно из ключевых мест, показано, что в процессе взаимодействия людей возникают качественно новые характеристики, имеющие социально-психологическую природу и несводимые к характеристикам взаимодействующих субъектов (Андреева Г.М., 2008). Отношения взаимодействующих людей представляют собой функцию не только их индивидуальных психологических характеристик, но и всех социальных связей, в которые они включены, в число которых входят как непосредственные межличностные контакты, так и опосредованные связи с большими социальными группами и обществом в целом (Панферов В.Н., 2009). Таким образом, психологическая характеристика отношений между людьми разного возраста предполагает анализ возрастной структуры общества в целом, положения в ней отдельных возрастных групп и принадлежащих к ним людей, что позволит рассматривать возраст как один из регуляторов социального взаимодействия и значимый фактор, опосредующий отношения между людьми как представителями различных возрастных групп.

Такая исследовательская позиция в изучении межвозрастных отношений довольно давно получила распространение в смежных с психологией науках, прежде всего, в социологии, философии и культурной антропологии. Психология сегодня только начинает исследовать социально-обусловленные эффекты межвозрастных отношений. Мировая практика подобных исследований, зародившаяся в 1970-х г.г. усилиями американских психологов, насчитывает уже несколько десятилетий; отечественные исследователи обратились к более или менее систематическому изучению социально-обусловленных эффектов межвозрастных отношений лишь на рубеже XX-XXI веков. При этом социально-психологические исследования проблематики межвозрастных отношений сталкиваются с целым рядом трудностей.

Во-первых, необходимо отметить многозначность используемых в психологии трактовок категории «возраст», являющейся ключевой для осмысления содержательной стороны феномена межвозрастных отношений, и, в частности, доминирование психофизиологического подхода к трактовке возрастных признаков человека, рассматриваемых в качестве детерминант его социального поведения. Традиционный для возрастной психологии подход к трактовке возрастных признаков человека предполагает анализ возрастных признаков человека как фактора, с необходимостью предопределяющего траекторию его развития. Как уже было отмечено выше, этот подход, будучи весьма продуктивным для обобщенной характеристики возрастных изменений психического потенциала человека, существенно ограничивает возможности изучения межвозрастных отношений. В смежных с психологией науках сегодня убедительно показана ограниченность подобной трактовки возраста человека для изучения отношений между людьми разных возрастов, а также продемонстрирована необходимость анализа возрастных признаков человека в контексте их осмысления и конструирования социальной общно-

стью (Веселкова Н.В., 2008; Елютина М.Э., 2002; Зима Е.Г., 2012; Карабанова О.А., 2010; Смолькин А.А., 2004; Хозина Ж.В., 2000; Чеканова Е.Б., 2005; Щеглова С.Н., 1999; Чернышова Е.В., 2008; James A., Quorstrup A.P.J., 1997; Priestley M., 1998 и др.).

Во-вторых, следует отметить распространенную в современной психологической науке практику анализа как явлений одного порядка фактов, характеризующих проявления межвозрастных отношений различного уровня обобщенности (в общественных, межгрупповых и межличностных отношениях). В этой практике проявляются трудности в различении уровней анализа межвозрастных отношений. В результате, при описании эффектов межвозрастных отношений часто сопоставляются результаты, иллюстрирующие отношения разной степени обобщенности, и сведения, характеризующие отношения одной степени обобщенности, используются для интерпретации данных, полученных на других уровнях социально-психологического анализа (чаще всего, это проявляется в интерпретациях межличностных отношений между людьми разных возрастов в терминах межгрупповых отношений).

В-третьих, необходимо упомянуть распространенную практику интерпретации в терминах межвозрастных отношений содержательно не соответствующих им социально-психологических феноменов (например, межпоколенческих отношений в семье, статусно-иерархических отношений в профессиональной сфере и т.д.). Подобные содержательные рассогласования, на наш взгляд, вызваны трудностью выделения собственно межвозрастных отношений в реальном взаимодействии людей, и влекут за собой «подмену» изучения собственно межвозрастной проблематики анализом по сути других аспектов взаимодействия людей.

Анализ научной литературы (как психологической, так и смежных с психологией дисциплин) показывает, что в современной науке сложились предпосылки для преодоления обозначенных выше трудностей, позволяющие разработать психологическую концепцию межвозрастных отношений. На наш взгляд, наиболее благоприятные условия для развития психологической концепции межвозрастных отношений возникают в контексте интерпретации проблематики межвозрастных отношений через призму социально-психологического знания, поскольку отношения между людьми, частным случаем которых являются межвозрастные отношения, составляют одну из его предметных областей. В рамках социальной психологии накоплен большой объем знаний об уровнях анализа, структуре, психологических детерминантах отношений людей, которые могут быть продуктивно использованы в процессе построения целостной концепции межвозрастных отношений. Помимо этого, методологическая база социальной психологии открыта для реализации принципов социально-конструкционистского подхода, который позволяет реализовать задачу трактовки возраста человека в контексте его осмысления и конструирования социальной общностью.

Исходные теоретико-методологические положения концепции межвозрастных отношений, опирающиеся на достижения современной социальной психологии, содержат решение обозначенных выше спорных моментов.

Во-первых, в рамках новой социально-психологической концепции межвозрастных отношений расширяются привычные для психологии трактовки категории «возраст», что позволяет учесть его социальные детерминанты (Бочаров В.В., 2001; Кон И.С., 1988 и др.). Благодаря этому возраст может рассматриваться не только как фактор развития, но и как основание для социальной категоризации в процессах взаимодействия людей. При таком подходе в качестве фактора, опосредующего развитие межвозрастных отношений, целесообразно анализировать возрастные категории, представленные в обыденном сознании и используемые для регуляции межвозрастных отношений в реальных практиках взаимодействия людей как представителей тех или иных возрастных групп (Климова С.Г., 2002; Сабкаев А.А., 2009; Ширков Ю.Э., 2009; Fry C. L., 2003). Межвозрастные отношения в этом случае могут быть определены как разновидность социально-психологических отношений, которая представляет собой отношения между людьми, являющимися представителями тех или иных возрастных групп.

Во-вторых, социально-психологическая концепция межвозрастных отношений предполагает их рассмотрение как феномена, проявляющегося в отношениях разной степени обобщенности. Изучение межвозрастных отношений предполагает дифференцированное описание их характеристик на макро- (Смелзер Н., 1998), мезо- (Андреева Г.М., 2008) и микроуровнях (Perdue C. W., Gurtman M. V., 1990) анализа социальной реальности, поскольку закономерности развития межвозрастных отношений, выявляемые на каждом из этих уровней, имеют выраженную специфику и описываются различными социально-психологическими характеристиками: социальными представлениями, социальными стереотипами и социальными установками соответственно (Клецина И.С., 2004).

В-третьих, для решения вопроса о критериях дифференциации межвозрастных отношений среди отношений других видов, в рамках социально-психологической концепции межвозрастных отношений предполагается рассматривать актуализацию возрастной идентичности субъектов этих отношений. Благодаря актуализации возрастной идентичности именно возрастные категории становятся значимыми для интерпретации происходящего (Baumeister R., 1986; Weiss D. Lang F. R., 2012), и сопряженные с ними социально-психологические характеристики начинают выступать регуляторами развития отношений (Garstka T.A., Schmitt M.T., 2004; Hummert M. L., Garstka T. A., Ryan E. V., 2004 и др.).

Необходимо отметить, что использование потенциала социально-психологического знания для анализа проблематики отношений между людьми разного возраста предопределяет обозначение последних термином «межвозрастные отношения». Для социально-психологического подхода к изучению отношений характерен анализ отношений, разворачивающихся

«между» субъектами (Поздняков В.П., 2012). Соответственно, отношения между людьми как представителями возрастных групп в рамках социально-психологического исследования целесообразно называть «межвозрастными», вне зависимости от того, принадлежат ли субъекты этих отношений к разным возрастным группам, или являются представителями одной возрастной группы, поскольку это всегда отношения *между* ними.

На основании вышеизложенного можно сформулировать проблему исследования, которая заключается в противоречии между традиционной для психологии трактовкой возраста как фактора, предопределяющего психическое развитие отдельно взятого индивидуума, и социально-психологическими интерпретациями роли возраста в регуляции отношений между людьми, опосредованных системой социальных связей субъектов и в силу этого имеющих «надындивидуальную» природу. Преодоление этого противоречия возможно благодаря использованию при анализе проблематики отношений между людьми, представляющими те или иные возрастные группы, достижений социальной психологии в области исследования социально-психологических отношений.

Проблема межвозрастных отношений носит междисциплинарный характер, что позволяет использовать в процессе социально-психологического анализа межвозрастной проблематики не только психологические знания, но и сведения, накопленные другими науками.

В частности, значимыми в этой связи являются антропологические исследования роли возрастных признаков в организации жизнедеятельности различных общностей, кросс-культурных различий в системах возрастного устройства общностей, возрастном структурировании жизненного пути человека, в содержании различных возрастных этапов (Геннеп А., 2002; Леви-Брюль Л., 1999; Мид М., 1988; Роуз Ф., 1989 и др.). Данные исследования позволили отойти от традиционного понимания возраста как исключительно биологического атрибута человеческого существования и обратили внимание исследователей к изучению возраста как характеристики, определяющей позицию человека в отношениях с другими людьми и обществом в целом и выступающей регулятором этих отношений.

В рамках философских исследований предложена социо-культурная трактовка категории «возраст», позволяющая рассматривать возрастные признаки человека не только как продукт онтогенетического развития, но и как социально-конструируемый феномен (Елисеева Ю.А., 2008; Мухранова Е.Н., 2006; Рыбакова Н.А., 2000; Чеботарева Е.Э., 2002 и др.).

В социологии описано явление возрастной стратификации общества, предложены понятия «возрастной группы», «возрастной роли» и «возрастного статуса» (Смелзер Н., 1998; Eisenstadt S.N., 1956; Foner A., 1984; Railey M.W., 1986 и др.), «возрастно-ролевых ожиданий» (Панина Н.В., 1982; Neugarten B., 1968 и др.) и «возрастного символизма культуры» как отражения закономерностей возрастной стратификации общества в обыденном сознании (Кон И.С., 1988; Яковенко И.Г., 2006 и др.). Эти понятия могут рас-

смагиваться в качестве предпосылок социально-психологической трактовки «возраста» как регулятора отношений людей.

Психологические исследования проблематики межвозрастных отношений рассредоточены в различных областях научно-психологического знания (прежде всего, возрастной психологии, педагогической психологии, психологии труда, психологии личности, психологии семьи). В этих исследованиях описаны разнообразные факты, иллюстрирующие проявления межвозрастных отношений в различных сферах жизнедеятельности людей. В контексте нашего исследования наиболее значимыми представляются: описание отдельных эффектов межвозрастного взаимодействия (Дымов Е.И., 1980; Киселёва Е.Н., 1995; Коломинский Я.Л., 1976; Комлик Л.Ю., 2006 и др.); характеристика отдельных аспектов межвозрастных отношений в целостной структуре отношений личности с другими людьми (Arber S., Ginn J., 1991; Kite M.E., Deaux K., 1991; Rijswijk van W., Ellemers N., 2002; Slotterback C.S., 1996 и др.); анализ отдельных закономерностей процесса возрастной идентификации личности (Хасан Б.И., Тюменева Ю.А., 1995; Barrett A.E., 2005; O'Brien L. T., Hummert M. L., 2006; Schmitt M.T., Branscombe N.R., Silvia P.J., Garcia D.M., Spears R., 2006 и др.); содержательная характеристика возрастных стереотипов, типичных для различных культур (Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б., 2003; Солдатова Е.Л., 2007; Hummert M. L., Garstka T. A., Shaner J. L., 1997; Levy B.R., Slade M.D., Gill T.M., 2006 и др.); описание отдельных эффектов возрастной дискриминации (Rosen B., Jerclec T.H., 1976, Rothermund K., Brandtstedter J., 2003 и др.).

Необходимо подчеркнуть, что данные исследования выполнены в рамках различных предметных областей психологии, в силу чего в их основе лежат различные теоретико-методологические предпосылки. Это затрудняет соотнесение имеющихся данных и их интеграцию в единую теоретико-эмпирическую модель межвозрастных отношений, которая позволила бы более продуктивно изучать социально-обусловленные эффекты межвозрастных отношений. Для преодоления этого обстоятельства необходима разработка и теоретико-методологическое обоснование социально-психологической концепции межвозрастных отношений.

В данной монографии предложена авторская концепция межвозрастных отношений как социально-психологического феномена. В первой главе охарактеризованы научные предпосылки для разработки концепции межвозрастных отношений. Во второй главе сформулированы основные теоретические положения предлагаемой концепции. В третьей главе охарактеризован общественный аспект межвозрастных отношений, описан феномен возрастных представлений. В четвертой главе описаны закономерности межгрупповых межвозрастных отношений, дана характеристика возрастным стереотипам как социально-психологическому феномену. В пятой главе проанализирован межличностный аспект межвозрастных отношений, описан феномен возрастной установки.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВОЗРАСТ КАК КАТЕГОРИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Возраст представляет собой один из наиболее ярких междисциплинарных феноменов, который привлекает к себе внимание как естественных, так и гума-

нитарных наук. Это неудивительно, поскольку возраст – это неотъемлемое качество человека, атрибут человеческого существования, протекающего во времени. Понятие «возраст» позволяет отслеживать динамику, временной аспект проблемы развития абсолютно любого объекта, и в том числе человека. Однако анализ смыслового наполнения данной категории в современной научной литературе показывает, что она допускает многозначные трактовки. Это затрудняет интерпретацию результатов проведенных с опорой на нее теоретических и эмпирических психологических исследований.

В научной литературе представлены два принципиально различных подхода к пониманию возраста, благодаря чему сегодня выделяется хронологический (синонимы – абсолютный, календарный) возраст и условный возраст (возраст развития). Хронологический возраст – это показатель, отражающий количество временных единиц, отделяющих момент возникновения объекта от момента измерения его возраста (Бочаров В.В., 2001), он определяется в абсолютной шкале времени, исчисляемого оборотами Земли вокруг Солнца. В подобном ключе, в частности, дается определение «возраста человека» в Большой Российской Энциклопедии, где предлагается трактовать это понятие как период от рождения человека до того или иного отсчитываемого момента его жизни (Большая Российская энциклопедия, 2007). Такой подход к определению возраста позволяет использовать «возраст» как демографическую категорию, применимую для решения общих и частных задач статистического анализа процессов, происходящих в обществе. Однако показатель хронологического возраста отражает только формальную сторону жизни человека в ее временном аспекте, не обращаясь к ее содержательным сторонам (Fry C.L., 2003).

В противовес этому условный возраст определяется путем установления места объекта в определенном эволюционно-генетическом ряду, в некотором процессе развития. Он устанавливается на основе тех или иных качественно-количественных показателей, которые и определяют его специфику (Бочаров В.В., 2001). Определение возраста развития получило название периодизации. Периодизация представляет собой попытку структурировать течение времени, выделить в нем определенные хронологические периоды, имеющие какое-либо содержательное значение, унифицировать и стандартизировать этапы развития человека (Абульханова К. А., Березина Т. Н., 2001).

Исследователи считают, что, в силу своей содержательности, понятие условного возраста появилось в языке раньше, чем идея о хронологическом возрасте. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что и в русском, и

во многих других языках слово «возраст» произошло от слова «рост» – развитие (Толстых А.В., 1988). Как отмечает И.С. Кон, «хронологическая грамотность» людей стала повышаться лишь в последние 200-300 лет, в связи с «институционализацией» возраста, законодательным закреплением различных возрастных норм, регламентирующих обучение, военную службу и т.д., в контексте решения государством задачи контроля за социальной интеграцией индивидов (Кон И.С., 1988).

В силу неравномерности и гетерохронности различных траекторий развития человека, в качестве относительно самостоятельных аспектов условного возраста выделяются, как минимум, биологический, психический и социальный возрасты, которые, как показывает анализ литературы, могут рассматриваться в контексте онтогенеза и/или жизненного пути – основных линий индивидуального развития человека.

Биологический возраст определяется как соответствие индивидуального морфофункционального уровня некоторой среднестатистической норме данной популяции, отражающее неравномерность развития, зрелости и старения различных физиологических систем и темп возрастных изменений адаптационных возможностей организма (Белозерова Л.М., 1999). Благодаря такому пониманию биологический возраст может рассматриваться как важнейшая интегральная характеристика адаптационных возможностей человека и эффективности функционирования его организма (Илющенко В.Г. 2003). Поэтому сегодня в антропологической литературе все более широкое распространение получает подход, согласно которому биологический возраст представляет собой положение индивидуума относительно его / ее потенциальной продолжительности жизни (Sterns H., Miklos S., 1995), а в качестве основного принципа дефиниции биологического возраста предлагается использовать показатель удаленности не от момента рождения, а от момента смерти.

Частными случаями биологического возраста являются скелетный возраст, зубной возраст, возраст полового развития и т.д. При этом хронологическая согласованность различных проявлений индивидуального развития максимальна на начальных этапах онтогенеза и снижается по мере взросления человека. Если в первые месяцы жизни временной диапазон прохождения определенной фазы развития исчисляется неделями, то хронологические вариации наступления фазы старости по отдельным показателям биологического возраста могут достигать десятилетий, что обусловлено, прежде всего, влиянием социально-средовых факторов (Павловская О.В., 1985). Очевидно, что биологический возраст в современной науке выступает, прежде всего, маркером онтогенетических аспектов развития.

Психический возраст представляет собой конкретную, относительно ограниченную во времени ступень психического развития индивида и его развития как личности, характеризуемую совокупностью закономерностей физиологических и психологических изменений, не связанных с различием индивидуальных особенностей (Краткий психологический словарь, 1985). Он определяется путем соотнесения уровня психического развития с соответст-

вующими нормативными среднестатистическими симптомокомплексами (умственный, эмоциональный, рекреационный, нравственный, психосоциальный и т.д.).

Наиболее полное отражение проблема психического возраста получила в рамках культурно-исторической психологии и теории деятельности, где возраст рассматривается как целостное динамическое образование, структура, определяющая роль и удельный вес каждой частной линии развития (Поливанова К.Н., 2000). Теоретическим основанием этого подхода являются работы Л.С. Выготского, в которых в качестве критериев для определения возрастов рассматриваются новообразования, характеризующие сущность каждого возраста. Для каждого возраста существует своя специфическая «социальная ситуация развития», определенное соотношение условий социальной среды и внутренних условий формирования психики. Таким образом, структура возраста, по сути, отображает строение процесса развития (Выготский Л.С., 1983). При этом подчеркивается, что психический возраст определяется социальным пространством развития личности, которое задается, с одной стороны, условиями среды и, с другой стороны, историческим (не физическим) временем жизни личности (Асмолов А.Г., 1996). Характеристики возраста определяются конкретно-историческими условиями, в которых осуществляется развитие индивида, характером воспитания, особенностями его деятельности и общения (Фельдштейн Д. И., 1996). В этой связи интересным представляется подход В.И. Слободчикова, согласно которому «понятие возраста... не является отражением некоей реальности (того, что есть), оно не имеет отражательного статуса и смысла» (Слободчиков В.И., 1991, с. 41). Он позволяет рассматривать возраст не как отражение процесса развития, а как его форму.

В целом, необходимо отметить, что наиболее популярным контекстом анализа проблемы возраста в психологии является исследование развития психики в онтогенезе, то есть формирования психических структур, подчиненного определенным общим для всех закономерностям.

Другой ракурс психологического изучения феномена возраста предложен Б.Г. Ананьевым, который, анализируя возраст в ряду первичных индивидуальных признаков, предложил рассматривать его не только как основную единицу периодизации онтогенеза, но и как критерий для выделения отдельных этапов жизненного пути личности (Ананьев Б.Г., 1968). Благодаря этому в современной психологии возраст человека понимается как функция биологического, исторического и психологического времени, обеспечивающая конвергенцию двух основных линий развития человека: онтогенетическую эволюцию и жизненный путь (Степанова Е.И., 2002).

Социальный возраст преимущественно изучается в рамках социологии и антропологии. Он понимается как набор нормативных ролевых характеристик, производных от возрастного разделения труда и социальной структуры общества, и определяется путем соотнесения уровня овладения индивидом определенными социальными ролями с тем, что является статистиче-

ски нормальным для его сверстников в конкретной общности (Бочаров В.В., 2001; Кон И.С., 1988). В качестве аспектов социального возраста выделяют школьный, брачный, пенсионный и т.д. возрасты. Освоение социальных ролей происходит в процессе социализации личности, поэтому показатели социального возраста человека задают основания для периодизации, прежде всего, жизненного пути, а не онтогенетическое развитие. Схожее содержание вкладывал в понятие «*культурного возраста*» Л.С. Выготский, понимая под ним показатель уровня освоения культурных норм и правил, достигнутых человеком (Выготский Л.С., 1983).

Особняком в «перечне возрастов» человека стоит так называемый *субъективный, или психологический возраст* (в некоторых работах последних лет он называется «*когнитивным*»). В учебных пособиях по психологии его традиционно рассматривают в контексте аспектов условного возраста человека (например, Реан А.А., 2002; Сапогова Е.Е., 2005 и др.), однако, на наш взгляд, это не совсем правомерно. Если биологический, психический и социальный аспекты возраста развития описываются путем соотнесения тех или иных характеристик человека с определенными нормативными показателями, обладающими определенной степенью объективности, то субъективный возраст, представляя собой феномен самовосприятия (Сергиенко Е.А., 2012), формируется (а не определяется) человеком исходя из субъективных, зачастую значимых только лишь для него оснований.

Субъективный возраст отражает тот временной аспект развития человека, который протекает не в физическом, а в психологическом времени, отражая временной контекст становления личности (Мухина В.С., 2006), с одной стороны, и являясь одним из аспектов ее регуляторного потенциала (Абульханова К. А., Березина Т. Н., 2001; Болотова А.К., 1997), с другой. В исследованиях Е.И. Головахи и А.А. Кроника было показано, что субъективный возраст человека представляет собой функцию субъективной личностной реализованности человека и, в отличие от других аспектов возраста развития, является сугубо внутриличностной переменной (Головаха Е.И., Кроник А.А., 2008). Аналогичные идеи можно встретить в работах А.В. Толстых, указывающего на «находимость-вненаходимость» возрастного самосознания человека, являющуюся основным механизмом самореализации личности (Толстых А.В., 2000).

Обозначенные моменты не позволяют рассматривать субъективный возраст в ряду других аспектов условного возраста. В гораздо большей степени этот феномен соотносим, например, с появляющейся в последние годы в литературе категорией «возрастной идентичности» (например, Белопольская Н.Л., 2009; Иваненков С.П., 1999 с.и др.).

Различные аспекты условного возраста находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. На это указывают отдельные исследования, посвященные изучению соотношения биологического, психического и социального возрастов в процессе человеческого развития. Так, например, было показано, что на начальных этапах онтогенеза человека наблюдается прямая связь между созре-

ванием центральной нервной системы и формированием свойств темперамента (Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В., 1999), а также между биологическим возрастом ребенка и уровнем его школьной готовности (Войнов В.Б., 2003). С другой стороны, выявлены многозначные связи между психическим (преимущественно умственным) возрастом и уровнем овладения человеком отдельными социальными ролями, в том числе возрастными (Белопольская Н.Л., 2009, Сократова Е.В., 2005). Однако подобные исследования построены в контексте онтогенетической трактовки категории «возраст», которая предполагает жесткую обусловленность индивидуального развития видовой программой.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ВОЗРАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ

Необходимо отметить, что обозначенные выше исследования касаются взаимосвязи различных аспектов условного возраста на начальных этапах онтогенеза. Сегодня считается установленным, что механизмы развития в детстве более однозначны и в меньшей степени подвержены влиянию социума, чем на более поздних этапах онтогенеза. Как уже указывалось выше, эта закономерность признается в связи с проблемой биологического возраста, в частности показано, что по мере взросления диапазон нормативного развития расширяется благодаря влиянию социальных факторов. То же самое можно сказать и о психическом возрасте: именно по этой причине классики отечественной и зарубежной психологии развития (Выготский Л.С., 1983; Эльконин Д.Б., 1960; Пиаже Ж., 1994 и др.) останавливались в своих периодизациях развития на рубеже 14-17-летнего возраста. Таким образом, по мере взросления человека роль социальных факторов в его развитии последовательно возрастает на фоне снижения значимости факторов, имеющих биологическую природу.

Значение социальных факторов прослеживается уже в процессах биологического развития, где они оказывают существенное влияние на траектории взросления и старения, что выражается, например, в изменении продолжительности жизни (Урланис Б.Ц., 1978), границ фертильного возраста (Минаев А.И. 2007), происходящих по мере изменения социально-исторической ситуации.

Психический возраст также взаимосвязан с социальным контекстом развития. На это указывают, в частности, различные геронтопсихологические исследования, в которых показана прямая взаимосвязь между сохранением интеллектуальной продуктивности и уровнем социальной активности пожилого человека (Краснова О.В., Лидерс А.Г., 2002), выявленная антропологами культурная специфичность психологических проявлений так называемого «кризиса подросткового возраста» (Мид М., 1988) и т.д.

Роль социальных факторов в формировании социального возраста человека не требует дополнительных комментариев. Очевидно, что структура возрастнo-специфических ролей, задающая ориентиры для оценки социального возраста человека, культурно- и исторически-специфична. Это нагляд-

но видно, в частности, на примере границ брачного возраста, пенсионного возраста и т.д.

В целом, возрастной процесс не может рассматриваться исключительно как естественное свойство человека, зависящее от видовых особенностей его организма, вне социальных и культурно-исторических условий, в которых он протекает. Как подчеркивал Б.Г. Ананьев, возраст человека представляет собой конвергенцию биологического, исторического и психологического времени (Ананьев Б.Г., 1968). В идее возраста находит отражение социокультурно-обусловленный способ наложения пространственно-временных закономерностей физического мира на развертывание человеческой жизни, что позволяет данной категории выполнять функцию ментальной универсалии, презентующей результаты развития субъекта (Елисеева Ю.А., 2008). Необходимо подчеркнуть, что такая презентация будет иметь смысл только в конкретном социально-историческом контексте, в любых других условиях она будет абсолютно неинформативна, что наглядно иллюстрируется, например, психологическими и культурантропологическими исследованиями содержания детства и старости (Аръес Ф., 1999; Блонский П.П., 1934, 2000; Мид М., 1988 и др.). В этой связи трудно не согласиться с утверждением А.В. Толстых о том, что «существуют не возрасты жизни, а история возрастов жизни, вне и без которой анализ возрастных особенностей человека может быть лишь позитивным описанием наличных данностей» (Толстых А.В., 2000, с. 49).

На рисунке 1 представлено соотношение различных трактовок категории «возраст» в современной науке:

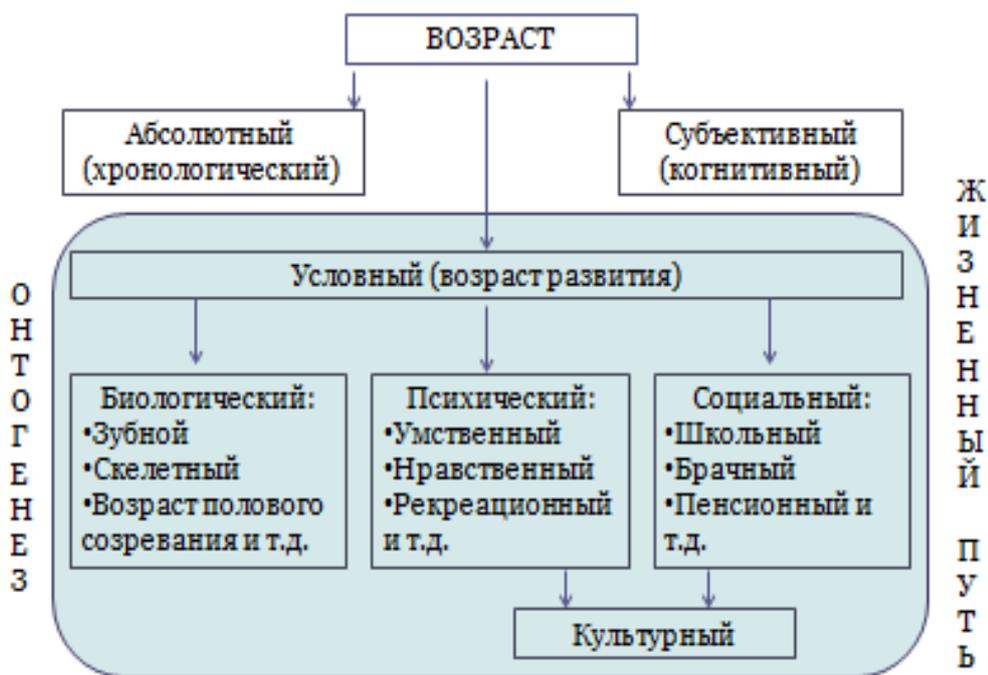

Рисунок 1. Трактовки категории «возраст» в современной науке

Приведенные выше рассуждения с необходимостью приводят к утверждению о многозначной детерминированности возрастных признаков человека. В частности, они дают основания для утверждения о том, что возраст человека участвует в регуляции процессов его развития, а также в регуляции системы взаимодействия человека с социумом в целом, другими людьми и самим собой. Участие возраста человека в регуляции его развития убедительно показано в возрастной психологии, в частности, благодаря описанию феномена «социальной ситуации развития» (Выготский Л.С., 1983), в которой сформулирована трактовка возраста как меры социально-обусловленной «нормативности» развития. Однако для описания роли возраста в регуляции взаимодействия людей и развития отношений между ними такой трактовки, характеризующей возраст как меру индивидуального развития, оказывается недостаточно, поскольку феномены взаимодействия и отношений между людьми имеют надиндивидуальную природу, и их детерминанты в этой связи целесообразно искать явлениях социального порядка.

ВОЗРАСТ КАК РЕГУЛЯТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ

Опираясь на достижения этологии и антропологии, можно отметить, что на ранних этапах социогенеза возрастные характеристики человека были тесно сопряжены с его социальным статусом, благодаря чему возраст являлся одним из важнейших регуляторов социального взаимодействия людей.

В ходе эволюционного развития человека возрастной и социальный статус первоначально были практически неотделимы друг от друга, что сохраняется, в частности, у животных, живущих в иерархически организованных семейных сообществах (Лоренц К., 1998). Для человека-представителя бесписьменной культуры указание на принадлежность к тому или иному возрастному классу также имело социальный смысл, поскольку оно четко указывало его место в системе социальной стратификации общества (Социологический энциклопедический словарь, 1998). Первоначально появление возрастных классов было отражением естественного половозрастного разделения труда, и переход человека из одного возрастного класса в другой определялся изменениями его трудоспособности. При этом в разных культурах выделялось разное количество возрастов. В некоторых существовало только две возрастные степени. По мнению антропологов, большее число выделяемых культурой возрастов обеспечивало большую устойчивость возрастной структуры общества и снижало вероятность межвозрастных конфликтов (Смелзер Н., 1998).

Однако впоследствии, в силу стратификационной значимости возрастных признаков, произошла дифференциация возрастного и социального статуса человека, позволяющая общности регулировать состав «высших» и «низших» (в плане социальной иерархии) возрастных классов вне зависимости от реальной демографической ситуации. Наиболее действенным механизмом подобной регуляции стали обряды перехода (инициации), посредст-

вом которых возрастные классы стали по сути «разновозрастными», объединяя людей не по возрастному признаку, а по закрепленному за ними социальному статусу (Геппен А. ван, 2002; Роуз Ф., 1989). Благодаря им «старейшинами» могли становиться члены средних возрастных групп, обладающие необходимыми материальными ресурсами, а не самые пожилые индивиды; с другой стороны, «ребенком» мог оставаться объективно зрелый человек (Геппен А. ван, 2002). Таким образом, в процессе усложнения форм организации общественного устройства возраст оказался не гарантией, а лишь предпосылкой достижения высокого социального статуса, а статус возрастного класса, в свою очередь, определялся возможностью сосредоточить в своих руках контроль над материальными ресурсами.

Вопрос о том, какие возрастные классы имели самый высокий статус на начальных этапах социогенеза, сегодня, по всей видимости, может считаться дискуссионным, хотя в предыдущем столетии, после того, как английским этнографом У. Риверсом был предложен термин «геронтократия», было широко распространено убеждение в том, что наиболее высоким социальным статусом обладали пожилые люди. Согласно современным представлениям, особое положение пожилых людей было всего лишь одним из элементов организации властных отношений. Например, А.А. Смолькин указывает на то, что социальный статус того или иного возрастного класса зависел от типа хозяйственной системы, господствующей в соответствующей общности (Смолькин А.А., 2004). В общностях с хозяйственной системой «немедленного возврата», где результат является немедленным следствием вложенного труда, доминировали представители тех возрастных групп, которые были способны обеспечить достижение этого результата, то есть молодые люди. В общностях с системой «отсроченного возврата» обязательно наличествует определенная социальная иерархия, связанная с необходимостью трансляции опыта (в мировоззренческом и инструментальном планах), и здесь одна из заметных управленческих ролей, наряду с представителями возрастного класса взрослых, начинает принадлежать «совету старейшин».

Вполне естественно, что ни в первом, ни во втором случае социальный статус «детей» не был высоким, и детство рассматривалось как малоценный период жизни. Как отмечает Ф. Арьес, «открытие детства» как отдельного значимого этапа жизненного пути человека случилось только в XVI-XVII столетии в связи с развитием гуманистической мысли и институционализацией государством воспитательных функций (Арьес Ф., 1999; Митрофанова С.Ю., 2004; Иконникова С.Н., 1999).

Статус пожилых людей, напротив, в тот же период начал претерпевать негативные изменения. Обобщая точки зрения этнографов, социологов, антропологов и историков (Мид М., 1988; Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г., 1999; Baumeister R., 1986; Branco K.J., Williamson J. B., 1982; Cuddy A.J.C., Norton M.I., Fiske S.T., 2005; Hagestad G.O., Uhlenberg P., 2005; Nelson T.D., 2005), можно выделить отдельные причины этой трансформации, которые не

утрачивают своей актуальности на протяжении нескольких последних столетий. К их числу относятся:

- увеличение темпов научно-технического прогресса, которое приводит к обесцениванию опыта прошлых поколений в глазах последующих;
- изобретение печати и увеличение грамотности населения, что снизило значимость изустной передачи опыта и традиций;
- введение законодательно закрепленного пенсионного возраста, ассоциированного с представлениями о снижении трудоспособности пожилого человека;
- прогресс в медицинской сфере, приведший к увеличению продолжительности жизни и, как следствие, к увеличению экономической нагрузки на общество, обеспечивающее пенсионеров;
- возрастная сегрегация, дифференцирующая возрастные группы в плане возможности доступа к тем или иным ресурсам, которыми располагает общество;
- трансформация структуры семьи, приводящая к разрыву традиционных межпоколенческих связей.

Отдельного внимания заслуживает возраст, соотносимый с переходным этапом от детства к взрослости. Его историческое «открытие» связывают с периодом 2-ой половины XIX – начала XX века, то есть этот возраст является самым «молодым». Такое положение дел антропологи рассматривают, во-первых, как следствие осмысления детства в качестве особого периода жизни человека, которое привело к поляризации современного общества на детей и взрослых, резкому контрасту детских и взрослых норм поведения (Бенедикт Р., 2007; Мид М., 1988), что потребовало выделения отдельного времени жизни, предназначенного для осуществления перехода от детства к взрослости. Во-вторых, важную роль сыграла утрата инициаций как важнейшего инструмента социального созревания личности, перевода человека из одного возрастного статуса в другой, что привело к размыванию четких социальных границ возрастов (Проценко Л.М., 2001; Шевченко Ю.С., Добридень В.П., 1998). В итоге, в отличие от других возрастных этапов, на сегодняшний день подростничество/юность/молодость имеет самые неопределенные (в сравнении с другими возрастами) границы (Кле М., 1991; Ремшмидт Х., 1994 и др.), а также крайне неоднозначное нормативное содержание (Омельченко Е.Л., 2000; Шабанов Л.В., 2002).

Таким образом, возраст является традиционным средством регуляции социального взаимодействия. Исторически (меж)возрастные отношения играли значительную роль в выстраивании структуры общества, организации взаимодействия между людьми как «обладателями» разных возрастов. Важно подчеркнуть, что традиционно возрастная категория, которой обозначался тот или иной человек, является более значимой, чем его реальный хронологический возраст, возрастными-индивидуальными особенностями организма и психики и т.д. Из этого следует важный вывод: возрастные категории не только (а применительно к послеподростковым этапам жизни, возможно, и не столь-

ко) *отображают* возрастно-обусловленные особенности человека, но во многом *определяют* их, являясь тем самым не только средством описания, но и конструирования реальности. Приведенные рассуждения можно резюмировать знаменитым высказыванием Х. Ортега-и-Гассета, согласно которому «... внутри жизненного пути человека возраст – это заданный образ жизни» (Ортега-и-Гассет Х., 2000, стр. 263).

В целом, феномен возраста представляет собой не только природную характеристику развития человека, но и социальный конструкт, позволяющий интерпретировать его жизненный путь через призму представлений общности о временном измерении физического мира. Возрастной процесс, помимо особенностей видовой организации человеческого организма, определяется социальными и культурно-историческими условиями, в которых он протекает. Конструкт возраста в конкретных культурно-исторических условиях выполняет функцию презентации результатов развития человека, являясь тем самым значимым фактором регуляции взаимодействия человека с социумом в целом, другими людьми и самим собой, причем возрастные конструкты не только отражают закономерности развития человека, но и определяют их, что особенно ярко проявляется в динамике развития людей, находящихся на послеподростковых этапах жизненного пути. Все это позволяет рассматривать возраст в качестве значимого аспекта регуляции отношений между людьми. Необходимо отметить, что в смежных с психологией науках такая трактовка возраста является достаточно распространенной.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗРАСТА КАК РЕГУЛЯТОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ В СМЕЖНЫХ С ПСИХОЛОГИЕЙ НАУКАХ

Исследования возраста как регулятора взаимодействия людей сегодня, как правило, являются прерогативой социологии. Еще в 1920-х г.г. П.А. Сорокин отмечал, что «возрастной признак человека причинно связан с рядом психосоциальных свойств индивида, оказывающих влияние... на все его поведение, а через поведение – на всю его социальную жизнь» (Сорокин П.А., 1993). Однако активное изучение этой проблемы началось во второй половине XX века, когда сформировались две основные исследовательские парадигмы, которые условно можно назвать стратификационной и социокультурной.

Стратификационная парадигма исследования возраста как регулятора социального взаимодействия опирается на идеи S.N. Eisenstadt, M.W. Railey, A. Foner и др. В ее основе лежит феномен стратифицированности общества. Система возрастной стратификации делит людей на «старших» и «младших», причем понятие старшинства имеет не только описательное, но и статусное значение, обозначает асимметрию прав и обязанностей. В рамках теории возрастной стратификации предполагается, что возрастные группы в целом обладают различным социальным статусом, поскольку благодаря возрасту люди различаются по таким социальным признакам, как социальная

значимость деятельности, образ жизни и материальное положение (Смелзер Н., 1998). Как указывает И.С. Кон, элементами системы возрастной стратификации общества являются возрастной состав и структура населения (социально-демографический аспект), возрастная структура общественной деятельности (социально-экономический аспект) и возрастная структура общественных организаций (социально-политический аспект). На их основе формируются формальные и неформальные возрастные роли, то есть предписываемые обществом функциональные нагрузки каждого жизненного этапа, организующие «социальное расписание» жизни человека. Каждая возрастная роль сопряжена с соответствующим возрастным статусом – положением в обществе, которое человек занимает в соответствии со своим возрастом (Кон И.С., 1988).

Таким образом, оказывается, что возраст человека определяет доступность или недоступность для него тех или иных социальных функций. Между возрастными свойствами индивидов и структурой возрастной стратификации общества существуют сложные взаимосвязи. С одной стороны, индивиды разного возраста различаются по своей способности выполнять те или иные социальные роли. С другой стороны, возрастные слои различаются по тем социальным ролям, которые должны выполнять их представители (см. рисунок 2):

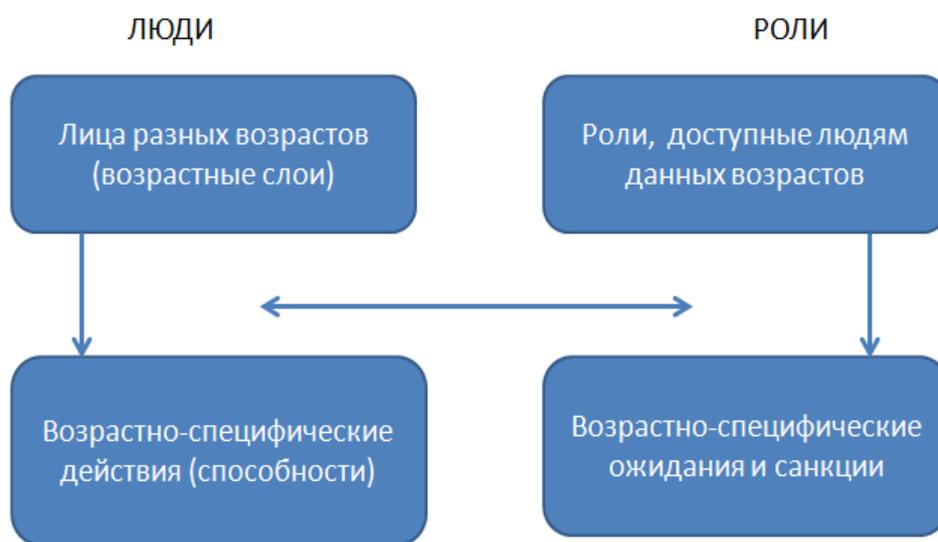

Рисунок 2. Система возрастной стратификации общества (М. Майли, М. Джонсон, А. Фонер; по: Кон И.С., 1988)

Изменение любого элемента системы возрастной стратификации оказывает влияние на все остальные составляющие. Так, например, последовательное увеличение числа пожилых людей, которое наблюдается в нашей стране на протяжении последнего столетия (Левинсон А.Г., 2005), с необходимостью приводит к возникновению вопроса об изменении границ пенсионного возраста с целью увеличить период активной трудовой деятельности

человека и тем самым снизить экономическую нагрузку на систему социального обеспечения. Исследования аналогичной тенденции в США показало, что на фоне увеличения численности существенно (почти в полтора раза за последние полвека) возрастает экономическая зависимость пожилых людей от взрослых (Смелзер Н., 1998).

Как указывает М.В. Riley, последовательный переход человека из одного возрастного слоя в другой сопряжен со сменой нормативных предписаний, предъявляемых ему обществом, и, следовательно, с изменением его социального статуса (Railey M.W., 1986). При этом, по утверждению S.N. Eisenstadt, хронологический возраст предполагает не детальное описание социальной роли, а лишь общую канву для ролевого конструирования, формулирует основные тенденции развития (Eisenstadt S.N., 1956).

Идея анализа феномена возраста через призму проблемы конструирования социальной реальности в настоящее время получает большое распространение не только в западной, но и в отечественной социологии и социальной философии. Традиционно наибольший интерес вызывает проблемы социального конструирования старости (Веселкова Н.В., 2008; Елютина М.Э., 2002; Смолькин А.А., 2004; Хозина Ж.В., 2000; Чеканова Е.Б., 2005; Чернышова Е.В., 2008; Priestley M., 1998 и др.). Однако в последние годы возрос интерес к проблематике конструирования социумом других возрастов: детства (Зима Е.Г., 2012; Карabanова О.А., 2010; Поливанова К.Н., 2012; Щеглова С.Н., 1999; James A., Quortrup A.P.J., 1997 и др.) и взрослости (Игнатова Н.Ю., 2005; Криворученко В.К., Яковлев И.Г., 2012 и др.).

Социокультурная парадигма исследования возраста как регулятора социального взаимодействия основана на представлении о том, что каждый конкретный человек организует свой жизненный путь посредством возрастных социальных норм и экспектаций, существующих в обществе (Neugarten B, 1968). Предполагается, что возрастные нормы и экспектации закреплены в культуре и являются отражением возрастной стратификации общества в обыденном сознании. Для обозначения такого отражения И.С. Кон предлагает использовать термин «возрастной символизм культуры», обозначающий систему представлений и образов, в которой культура воспринимает и осмысливает возрастную стратификацию общества. Возрастной символизм является подсистемой культуры и включает в себя несколько взаимосвязанных элементов:

- нормативные критерии возраста – терминологию, обозначающую периодизацию жизненного цикла с указанием длительности и задач его этапов;
- аскриптивные возрастные свойства – возрастные стереотипы;
- символизацию возрастных процессов – представление о том, как происходит переход индивида из одной возрастной группы в другую;
- возрастные субкультуры – специфические наборы признаков и ценностей, по которым представители данной возрастной группы осознают и утверждают себя в качестве «мы», отличного от остальных возрастных общностей.

И.С. Кон отмечает, что эти элементы тесно связаны с возрастной стратификацией общества: нормативные критерии возраста соответствуют стадиям жизненного цикла и структуре возрастных слоев, аскриптивные возрастные свойства являются культурно-нормативным аналогом возрастных различий и свойств возрастных классов, символизация возрастных процессов отражает реальные социально-возрастные процессы, а особенности возрастных субкультур производны от практики межвозрастных отношений (Кон И.С., 1988).

В итоге, каждая возрастная ступень должна рассматриваться как уникальный культурно-исторический феномен, содержание которого может быть понято только посредством анализа системы возрастного символизма соответствующей культуры, отражающего способы осмысления жизненного пути человека и возрастной стратификации общества, что наглядно показано результатами многочисленных культур-антропологических исследований (Мид М., 1988; Леви-Брюль Л., 1990; Фрезер Дж., 1980; Элиаде М., 1996 и др.).

Таким образом, в рамках социокультурной парадигмы исследования предполагается, что человек конструирует свое собственное развитие в соответствии с распространенными в обществе представлениями о содержании тех или иных возрастных этапов. Возраст рассматривается как основание для совокупности институционализированных или традиционных ролей, сложившихся в общественной практике применительно к разным возрастным группам.

Важно, что возрастные представления имеют не только описательный, но и нормативно-предписательный характер, закрепленный в системе возрастнорольевых ожиданий. Соотношение реального и предписанного рольевого комплекса определяет как социальный статус индивида, так и его личностное благополучие. Под воздействием возрастнорольевых ожиданий у человека формируется представление об одобряемых обществом формах его поведения в прошлом, настоящем и будущем, ориентирующее и направляющее развитие. При этом культура транслирует не сами по себе роли, а целые сценарии, в которых содержится пакет соответствующих ролей (Яковенко И.Г., 2006), в нашем случае возрастных.

В рамках социокультурной парадигмы утверждается, что специфика категоризации людей по признаку возрасту, определяющей осуществление межвозрастных отношений, отражается в структуре языковых конструкторов через название возрастных этапов, обеспечивающих воспроизведение возрастных границ. Название социальной группы часто предшествует ее реальному конструированию и структурированию отношений к ней (Ильин В. И., 1996; Saporta S., 1991), а также самоотношению представителей группы (Savundranayagam M. Y., Ryan E.B., 2008). Подтверждение этому можно обнаружить в филологических исследованиях, посвященных анализу содержания различных возрастных категорий.

В дипломном исследовании З.П. Матисовой, проведенном на стыке филологии и социальной психологии, указывается на то, что русский язык достаточно беден в отношении количества слов, обозначающих различные возрастные категории. Говоря об именах существительных, можно отметить слова «младенец», «дитя», «мальчик»/«девочка», «подросток» («юнец» - применительно к мальчикам), «ребенок» (родовое понятие для всех предыдущих), далее выражены гендерные различия: «юноша»/«девушка», «мужчина»/«женщина» (позже с эпитетом «пожилой/ая»), «старик»/«старуха». В качестве существительного используется также прилагательное «взрослый», являющееся антонимом к понятию «ребенок» (Матисова З.П., 2012).

Как указывает Н.В. Крючкова, концепты возраста (детство, отрочество, молодость, зрелость, старость) принадлежат к числу базовых концептов в картине мира социума и обладают значительным оценочным потенциалом (Крючкова Н.В. 2006). Согласно результатам филологических исследований (Крючкова Н.В., 2006; Рудакова О.И., 2007), в современной европейской культуре устойчиво закрепился оценочный континуум «молодость – старость», причем первый полюс сопровождается позитивными коннотациями (красота, здоровье, энергичность, перспективность и т.д.), а второй – негативными (болезнь, беспомощность, слабоумие и т.д.). Аналогичные оценочные континуумы существуют и в других культурах. Например, в языке индейцев намбиквара есть слово со значением «молодой и красивый» и другое слово, которое обозначает «старый и уродливый» (Пайнс Э., Маслач К., 2001). Однако, как свидетельствуют антропологические и лингвистические данные, этот континуум не является культурно- и исторически-универсальным феноменом.

Так, М.Э. Елютина показывает, что этимология слова «старость» в европейских языках не сопряжена исключительно с негативными коннотациями. В русском языке она восходит к славянскому «старый» – «крепкий». В английском языке словом «ageing» обозначается одновременно и «старение», и «взросление». Немецкое «alter» (старость) тесно связано с «eltern» – «родители» (Елютина М. Э., 1998). Концепт «детства» в русском языке, напротив, вопреки ожиданиями оказывается этимологически окрашенным отрицательными коннотациями. В частности, как показывает В.В. Абраменкова, этимология слова «ребенок» восходит к слову «раб» (Абраменкова В.В., 2008).

Оценочный потенциал возрастных концептов проявляется и в определениях более дробных этапов жизненного пути человека, характерных для конкретной общности, отражая не только модальность оценок этих этапов, но также и их статус в структуре возрастных отношений. Например, поморы русского севера, в общности которых возраст являлся основным критерием при дележе добычи, называли детей «зуйками», по аналогии с птицами, питающимися отбросами (Тюгашев Е.А., Попкова Т.В., 2003). Слово «отрок» в праславянских языках буквально означает «не имеющий права говорить», то есть не имеющий права участвовать в принятии важных для семьи или общины решений (Толстых А.В., 1988).

В целом, результаты филологических исследований наглядно демонстрируют, что слова, используемые для обозначения возрастов, выражают не только календарные сроки жизни людей, но и связанные с ними роли и социальные статусы.

Таким образом, усилиями антропологов, социологов и филологов (см. рисунок 3) продемонстрировано, что комплексный анализ феномена «возраст» невозможен без учета проблематики отношений между возрастными группами, составляющими возрастную структуру общества, поскольку в противном случае категория возраста будет трактоваться исключительно в онтогенетическом ключе.

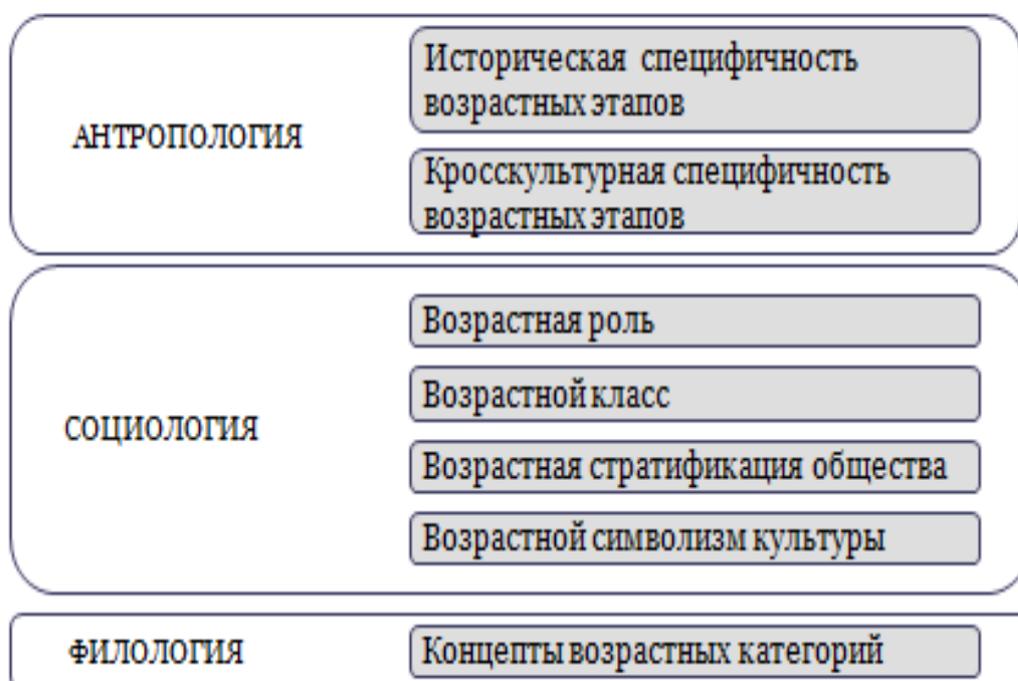

Рисунок 3. Основания для социально-психологической трактовки категории «возраст» в смежных с психологией науках

Именно эта проблематика, на наш взгляд, и определяет социально-психологический аспект феномена возраста, создавая пространство для возникновения предпосылок социально-психологического изучения межвозрастных отношений.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗРАСТА КАК РЕГУЛЯТОРА ВЗАИМОДЕЙ- СТВИЯ ЛЮДЕЙ В ПСИХОЛОГИИ

Однако приходится признать, что отечественные психологические исследования, претендующие на изучение межвозрастных отношений, преимущественно основываются на сугубо онтогенетической трактовке возраста как меры индивидуального развития. Они концентрируются, прежде

всего, вокруг психолого-педагогической проблемы организации разновозрастного общения детей в учебной или досуговой деятельности и базируются на том, что фактическая разновозрастность существует и внутри возрастных этапов (Попова С.В., 2008).

В этих исследованиях показана положительная роль разновозрастного взаимодействия для воспитания и обучения детей дошкольного (Давидчук А.Н., 2000; Захарова О.Л., 2006; Комлик Л.Ю., 2006) и школьного (Доронова Т.Н., Щур В.Г., Якобсон С.Г., 1989; Киселева Е.Н., 1995; Кон И.С., Лосенков В.А., 1974; Остапенко А.А., 2005; Попов М.А., 1983; Соловьев О.В., 1997; Хомик В.С., 1988) возраста. Выявлено, что разновозрастное общение выполняет ряд важнейших функций, таких как расширение социальных связей и ролевого репертуара, «социальное закаливание», идентификация со старшими как основа взросления, формирование чувства значимости и реализация ответственности (Дымов Е.И., 1980; Киселева Е.Н., 1995).

Подобные исследования весьма традиционны для отечественной психологии. Их история началась в 1920-30-е гг., когда целый ряд исследователей (Залужный А.С., Аркин Е.А., по: Абраменкова В.В., 2008) изучали различные факторы функционирования одновозрастных групп, преимущественно детских. В 1980-х гг. Я.Л. Коломинским на основе собственных исследований, а также работ других возрастных психологов (Репина Т.А., 1978; Щедровицкий Г.П., 1966, Эльконин Д.Б., 1960 и др.) было предложено выделить отдельную отрасль психологии, находящуюся на стыке возрастной и социальной психологии: **возрастную социальную психологию**.

По Я.Л. Коломинскому, предметом возрастной социальной психологии являются возрастные закономерности развития деятельности и отношений личности в процессе непосредственного и опосредованного общения. Основными проблемами этой отрасли, согласно мнению ее основателя, являются:

- проблема онтогенеза общения;
- проблема онтогенеза общностей – контактных и неконтактных групп и коллективов, в рамках которых реализуется, изменяется и развивается межличностное общение;
- возрастные закономерности влияния межличностных взаимодействий на формирование личности;
- возрастные закономерности взаимодействия личности с широкой социальной средой, влияние основных компонентов образа жизни на становление личности, воздействие СМИ и др. (Коломинский Я.Л., 1983).

Однако анализ социально-психологической литературы последних десятилетий показывает, что эта отрасль «не прижилась» в структуре научного психологического знания. Работы, в которых отражена обозначенная выше проблематика, как правило, относятся их авторами к возрастной, или, значительно реже, к социальной психологии. По сути, наиболее очевидным продолжением идей Я.Л. Коломинского, высказанных в 1980-х гг., является изданное им же в соавторстве с А.А. Реаном учебное пособие под названием

«Социальная педагогическая психология» (Коломинский Я.Л., Реан А.А., 1999).

На наш взгляд, причина недостаточного внимания научного сообщества к возрастной социальной психологии кроется в том, что для этой научной области не было обозначено ее собственного, отличающегося от других предметного поля. Проблемные сферы, предлагаемые для изучения в ее рамках, «забирают» традиционные предметные поля возрастной и социальной психологии. При этом в теорию и методологию исследования не было внесено ничего принципиально нового, в частности, возраст продолжал трактоваться в онтогенетическом ключе. При этом «за кадром» остались проблемы межвозрастных отношений, разворачивающихся как в межличностных контактах людей, так и во взаимодействии между возрастными группами в структуре общества. В целом, подход, предлагаемый в рамках возрастной социальной психологии, на наш взгляд, не в полной мере позволяет раскрывать социально-психологический потенциал возрастных категорий.

В то же время, необходимо отметить несколько психологических исследований, в которых межвозрастные отношения косвенно рассматриваются в интересующем нас контексте.

Это, в первую очередь, работы, посвященные акмеологической проблематике (Белугина Е.В., 2003; Солдатова Е.Л., 2007), в которых возрастные кризисы взрослости рассматриваются в связи с возрастными ролевыми ожиданиями, предъявляемыми к взрослым как особой возрастной группе, а также со стереотипизацией восприятия и самовосприятия этой группы.

Во-вторых, можно отметить ряд работ, в которых затрагивается проблематика межвозрастных отношений в межличностном взаимодействии людей. Например, Е.А. Петрова, понимая поколение как специфическую общность людей, объединенных границами возраста, изменение и развитие которых детерминируется возрастными, социальными и историческими причинами (то есть как возрастную группу, рассмотренную в конкретных исторических условиях), рассматривает межпоколенные отношения как вид межличностных отношений, предполагающий взаимосвязь и взаимодействие субъектов, принадлежащих к разным поколениям (Петрова Е.А., 2008). В этом подходе представляется продуктивным обращение к принадлежности человека к возрастной группе как фактору, опосредующему его отношения с другими людьми, однако вызывает сомнения правомерность определять «поколение» через понятие «возрастная группа», что не позволяет нам разделять обозначенную позицию в полной мере¹. Собственно межвозрастная проблематика заявляется в работах А.Б. Афанасьева, однако данный автор рассматривает ее в контексте взаимодействия, а не отношений людей, определяя межвозрастное взаимодействие как процесс одновременного взаимного влияния субъектов разного возраста в деятельности и общении (Афанасьев А.Б., 2008).

¹ Различия между «поколением» и «возрастной группой» подробно охарактеризованы в главе 2.

Таким образом, на наш взгляд, обозначенные выше исследования раскрывают лишь частные аспекты социально-психологической проблематики межвозрастных отношений, и их недостаточно для описания сущности данного явления как в теоретическом (для построения целостной социально-психологической концепции), так и в эмпирическом (для определения методологических предпосылок и разработки конкретных методик исследования межвозрастных отношений) плане. В частности, важным представляется тот факт, что они не опираются в полной мере на достижения смежных с психологией наук, в рамках которых сформулированы предпосылки для социально-психологической трактовки возраста как регулятора отношений людей, оставаясь, по сути, в традиционном русле возрастно-психологических исследований. Возникает очевидное противоречие: возраст, понимаемый как фактор развития, с необходимостью предопределяющий его траекторию, рассматривается как детерминанта социального поведения человека, которое, как известно, регулируется в большей степени факторами социального порядка (Панферов В.Н., 2009).

Преодоление этого противоречия возможно лишь при изменении теоретико-методологической парадигмы исследований проблематики межвозрастных отношений в социальной психологии, когда при анализе возраста как регулятора социального взаимодействия учитываются не только (а применительно к послеподростковым этапам и не столько) психофизиологический, но и социальный аспект возрастных категорий.

Сказанное выше определяет целесообразность разработки новой социально-психологической концепции – социально-психологической концепции *межвозрастных отношений*. Накопленный в социальной психологии и смежных науках материал позволяет интегрировать в процессе разработки концепции межвозрастных отношений достижения социальной психологии отношений как раздела социальной психологии, а также накопленные в психологии и смежных науках сведения о закономерностях межвозрастных отношений.

2. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Предпосылки социально-психологической концепции межвозрастных отношений

ОТНОШЕНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Отношение традиционно является значимой категорией для отечественной психологии. С начала XX века данная категория использовалась в контексте общепсихологической проблематики как методологический принцип описания взаимодействия организма со средой. Согласно идеям А.Н. Леонтьева (Леонтьев А.Н., 1975), Б.Ф. Ломова (Ломов Б.Ф., 1999), В.Н. Мясищева (Мясищев В.Н., 1966), С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн С.Л., 1989), основанным на предположении А.Ф. Лазурского (Лазурский А.Ф., 1997) о существовании эндопсихических отношений наряду с экзопсихическими, отношение, будучи элементом отражения действительности, представляет собой процессуальный аспект психики, важнейшую сторону ее функционирования.

В самом общем виде *отношение может быть определено как содержательная связь человека с внешним миром*. В концепции В.Н. Мясищева (Мясищев В.Н., 1995), которая заложила традиции исследований феномена отношения в отечественной психологии, актуальные и по сей день, отношение понимается как преимущественно осознанная, избирательная, основанная на опыте психологическая связь субъекта с различными сторонами действительности, выражающаяся в его действиях и переживаниях. В этой же работе В.Н. Мясищев выделил три компонента в структуре отношения (когнитивный, аффективный и конативный), существование которых в той или иной форме признается ведущими исследователями данного феномена (Ломов Б.Ф., 1999; Платонов К.К., 1986; Сарджвеладзе Н.И., 1989 и др.). Необходимо отметить, что несколькими годами позже было показано, что отношения могут носить и неосознаваемый характер, их содержание может быть не представлено в сознании субъекта в развернутом виде (Личко А.Е., 1978; Шерозия А.Е., 1978).

В отношении человека к различным сторонам действительности различают *объективный и субъективный аспекты* (Божович Л.И., 1995; Гозман Л.Я., 1987; Коломинский Я.Л., 1976; Мясищев В.Н., 1966; Сушков И.Р., 1999). Объективные отношения, в которые люди вступают в процессе своей жизнедеятельности, и субъективное отражение этих отношений в виде мыслей, чувств и оценок, составляют два генетически связанных слоя отношений. При этом субъективный аспект отношений находится внутри реальных жизненных отношений человека, а не выступают их оценкой (Антипова И.Г., 1994), а реальные (объективные) отношения, в свою очередь, определяют содержательный контекст формирования субъективных отношений (Леонтьев

Д.А., 1999). Субъективная реальность человека выступает не только отражением, но и внутренним содержанием его реальных отношений.

Субъективный аспект отношений человека формируется благодаря осмыслению им жизненной реальности в процессах взаимодействия с ней (Матьяш О.И., Погольша В.М., Казаринова Н.В., Биби С., Зарицкая Ж.В., 2011; Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 1995). Представления о взаимосвязи смысловой сферы человека с реальностью его отношений отражены в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. Так, А.Н. Леонтьев (Леонтьев А.Н., 1975) вводит понятие личностного смысла как индивидуализированного, осознаваемого как «значение-для-меня» отражения отношений личности к объектам, с которыми она взаимодействует. Аналогичной позиции придерживается Е.Ю. Артемьева (Артемьева Е.Ю., 1998), согласно которой смысл представляет собой след деятельности, зафиксированный в отношении к объекту, источниками которого выступают предметно-практическая деятельность и индивидуальное присвоение общественно-порожденных знаний. Д.А. Леонтьев отмечает, что смысл порождается реальными отношениями, связывающими субъекта с объективной действительностью. Смыслы порождаются и изменяются в деятельности, в которой только и реализуются жизненные отношения субъекта, понимаемые как объективное (независящее от осознания субъектом) отношение между субъектом и объектом (явлением), которое характеризуется потенциальной возможностью качественно определенной формы взаимодействия между ними (Леонтьев Д.А., 1999). Предваряя материал, изложенный ниже, заранее отметим, что в качестве субъекта смыслообразования как субъективной стороны отношения может выступать не только отдельная личность, но и общность людей (Гайдар К.М., 2009; Журавлев А.Л., 2009 и др.).

В отношениях человека реализуются эмотивные и конативные функции его психической деятельности, которые можно рассматривать и как результат, и как регулятор отношений и их воплощения в поступках человека (Куницына В.Н., Панферов В.Н., 1992). Отношение имеет потенциальный характер, выражающий вероятность реализации избирательной активности в связи с тем или иным объектом (Мясищев В.Н., 1995) и материализуется в поведении носителя этого отношения (Бодалев А.А., 1994; Ломов Б.Ф., 1999; Ядов В.А., 1975 и др.).

В отечественной психологии показано, что отношения человека существуют в различных формах – личных, межличностных, межгрупповых и общественных отношений (Андреева Г.М., 2008; Клецина И.С., 2004; Шихирев П.Н., 1999), возникновение и развитие которых обеспечивается целым рядом механизмов, в числе которых называют психические, психологические, социально-психологические и социальные отношения (Панферов В.Н., 2009). Перечисленные формы и механизмы отношений связывают человека с различными сторонами действительности.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В контексте социально-психологической проблематики особый интерес представляет собой тот класс отношений, который раскрывает особенности взаимосвязей между людьми.

Эти отношения обладают всеми описанными выше характеристиками, однако имеют выраженную специфику, обусловленную различными эффектами человеческого взаимодействия. Важнейшей особенностью, в частности, является двухсторонний характер таких отношений, которые позволяет рассматривать их как *взаимоотношения*, в которые вовлечены несколько субъектов (Мясищев В.Н., 1995), а также их несводимость к сумме отношений субъектов и опосредованность «социальным качеством» (Сушков И.Р., 1999, с. 158).

В.П.Поздняков предлагает для «раскрытия и описания психологических отношений в контексте совместной (на всех уровнях встречаемости – относительном и абсолютном) жизни и деятельности людей» (Поздняков В.П., 2012, с. 5) использовать термин **«социально-психологические отношения»**. Несмотря на то, что понятие «социально-психологических отношений» в современной психологической науке не имеет однозначного статуса, содержательный анализ обозначаемого им феномена, предложенный В.П. Поздняковым, представляется весьма продуктивным. В частности, важным представляется положение о том, что данный класс отношений детерминирован объективным содержанием социальных связей и опосредован особенностями взаимодействия между субъектами, как индивидуальными, так и групповыми (Поздняков В.П., 2012). Это положение позволяет обосновать необходимость изучения отношений, складывающихся между людьми, исследуя закономерности их развития во взаимодействии различной степени обобщенности (как минимум, межличностные, межгрупповые и общественные отношения).

В исследованиях И.С. Клециной в качестве форм отношений, возникающих во взаимодействии людей, предлагается рассматривать общественные, межгрупповые, межличностные отношения, а также самоотношение. Каждая из этих форм функционирует по своим законам и представлена специфическими социально-психологическими детерминантами. Субъектами общественных отношений являются государство и люди, входящие в различные социальные группы, составляющие структуру общества, в качестве их детерминант выступают социальные представления. Субъектами межгрупповых отношений являются социальные группы как носители социальных стереотипов и объекты социальной стереотипизации. В межличностном взаимодействии функционируют межличностные отношения, субъектами которых являются личности, детерминантами – социальные установки. Внутриличностное взаимодействие реализуется в феномене самоотношения отдельной личности, детерминантой которого выступает ее социальная идентичность (Клецина И.С., 2004).

Этот подход представляется нам очень значимым, поскольку он позволяет систематизировать различные социально-психологические феномены, демонстрирует их роль в регуляции взаимодействия людей, определяет основные направления социально-психологических исследований разнообразных отношений личности, обозначает необходимость использования различных уровней анализа отношений (марко-, мезо- и микро-) для получения их более или менее полной характеристики. Однако применительно к практике социально-психологических исследований возникает вопрос о том, каким образом изучать содержание социально-психологических феноменов, носителем которых является групповой субъект (в частности, большая социальная группа или общество в целом)?

Как отмечает Г.М. Андреева (Андреева Г.М., 2008), современная социальная психология не обладает обширной методологической базой для проведения исследований в области взаимодействия подобных групповых субъектов. Один из наиболее распространенных на сегодняшний день путей решения этой задачи заключается в обращении к анализу опыта *отдельного человека как представителя той или иной социальной группы*. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что отношения как идеальный феномен могут материализовываться и тем самым становиться доступными для наблюдения только в поведении конкретных людей, что обусловлено символическим характером больших общностей (Богомолова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В., 2002). С другой стороны символический характер данных объединений определяет в качестве важнейшего условия их существования общность этих отношений для их членов, основанную на механизмах социальной идентификации (Качанов Ю.Л., Шматко Н.А., 1996).

Обращение к опыту человека как представителя большой социальной группы предполагает актуализацию той статусно-ролевой позиции, которую он занимает в обществе благодаря собственной групповой принадлежности, поскольку любая большая социальная группа в целом и каждый ее член в частности определяются местом, которое они занимают в иерархии социальных отношений, и задачами, решаемыми в рамках функционирования общества (Богомолова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В., 2002). Таким образом, в качестве контекста возникновения и развития тех форм отношений, в которых человек выступает как представитель различных социальных групп, может быть рассмотрено ролевое взаимодействие, предполагающее примат ролевых «шаблонов» поведения над поведением, регулируемым на основе индивидуального опыта.

В межличностных отношениях, напротив, социальная стереотипизация отходит на второй план в регуляции взаимодействия людей, уступая доминирующую роль личному опыту взаимодействующих (Агеев В.С., 1983), на основе которого возникают частные социальные установки, «работающие» в конкретных ситуациях взаимодействия, регулирующие взаимодействие с конкретными партнерами и так же, как и социальные стереотипы, находящие отражение в содержании социальной идентичности.

Отдельного внимания заслуживает феномен общественных отношений, субъектами которых являются, с одной стороны, общество/государство и, с другой стороны, личность. Учитывая, что взаимодействие личности и общества, в отличие от межличностного и межгруппового, носит опосредованный характер (Дилигенский Г.Г., 1994), можно утверждать, что эта форма отношений находит выражение в социальных представлениях, которые отражаются в общественном сознании и определяют социокультурную ситуацию возникновения и развития межгрупповых и межличностных отношений, в которые вовлечена личность.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

из детерминант отношений, но как особый социально-психологический феномен, являющийся одновременно продуктом и *регулятором отношений*, разворачивающихся в межличностном, межгрупповом и общественном взаимодействии людей и *содержащий* в себе набор актуальных на данном этапе жизненного пути социальных представлений, стереотипов и установок.

С помощью понятия социальной идентичности в психологии сегодня описываются различные по своей сути феномены. С одной стороны, под социальной идентичностью понимается то, как другие люди определяют человека на основе различных социальных категорий или признаков, таких как пол, возраст, профессия, этническая принадлежность (Dashefsky A., Shapiro H., 1976). С другой стороны, с помощью этого понятия обозначаются те компоненты Я человека, которые переживаются им на уровне осознания принадлежности к какой-либо группе (Hunter J. A., 1998). Подобная двойственность, по всей вероятности, обусловлена мультифункциональностью феномена социальной идентичности. Как указывает В.А. Ядов, она выполняет важные функции как для личности, так и для социальной группы: личность реализует базовую потребность в групповой принадлежности, а общество получает возможность включить человека в систему социальных связей и отношений (Ядов В.А., 1993). Таким образом, в феномене социальной идентичности могут находить отражение эффекты межличностного, межгруппового и общественного взаимодействия людей.

Опираясь на достижения отечественной социальной психологии, *социальная идентичность может трактоваться как результат процесса социальной идентификации – определения человеком самого себя через членство в той или иной социальной группе* (Баранова Т.С., 1993; Павленко В.Н., Корж Н.Н., 1998). Такое определение отражает приоритетные тенденции в трактовке этого феномена, сложившиеся сегодня в мировой психологии.

Наиболее популярной теоретической парадигмой анализа социальной идентичности в современной психологии является когнитивная психология, в

Таким образом, социальная идентичность может рассматриваться не только в одном ряду с социальными стереотипами и установками, как *одна*

рамках которой особое значение имеют теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера (Tajfel H., Turner J., 1979), а также теория самокатегоризации Дж. Тернера (Turner J., 1982). Г. Тэджфел и Дж. Тернер определяют социальную идентичность как «аспекты образа Я человека, возникающие из социальных категорий, к которым он ощущает свою принадлежность» (Tajfel H., Turner J., 1979, с. 40). Социальная идентичность в таком случае рассматривается как результат процесса социальной категоризации – когнитивного процесса, который позволяет человеку организовывать информацию об окружающем мире, акцентируя различия между категориями и смягчая различия между элементами внутри одной категории.

Однако необходимо отметить, что социально-идентификационная проблематика так или иначе затрагивается представителями не только когнитивного подхода, но и других направлений современной социальной психологии. В рамках различных направлений социальной психологии показано, что в качестве содержания социальной идентичности могут рассматриваться когнитивные феномены разного уровня обобщенности.

В психоаналитической концепции психосоциальной идентичности, предложенной Э. Эриксоном, такая идентичность понимается как продукт взаимодействия между обществом и личностью, то есть эффект социальных отношений. В качестве опосредующего инструмента идентификации выступает «идеология» – систематизированная совокупность идей и идеалов (Erikson E.H., 1976).

Эта идея нашла развитие в работах представителя французской школы социальной психологии С. Московичи, которым была предложена гипотеза об организации сознания индивида по принципу идентификационной матрицы – особой категориальной подсистемы в системе знаний личности. Идентификационная матрица включает множество принадлежностей, в числе которых можно назвать общечеловеческую, половую, религиозную, этническую, профессиональную, возрастную и т.д. Идентификационная матрица распределяет информацию, получаемую человеком в социальном взаимодействии, по категориям, с которыми человек себя отождествляет, воспроизводя и конструируя тем самым систему социальных представлений (Московичи С., 1995).

Функционирование социальной идентичности в межгрупповом взаимодействии людей охарактеризовано, прежде всего, представителями бихевиористского направления зарубежной социальной психологии, а также деятельностного подхода в отечественной психологической науке.

В рамках исследований, проведенных на основании теоретических положений бихевиоризма, активно изучаются межгрупповые отношения. В исследованиях под руководством М. Шерифа, в частности, изучались функциональные взаимозависимости между группами. В ходе экспериментов было установлено, что процесс межгруппового взаимодействия сопровождается различными эффектами социальной стереотипизации, объектом которой могут становиться как «чужая» («они»), так и собственная («мы») группа (Sherif

М., 1966). В ходе дальнейших исследований были описаны механизмы возникновения стереотипов разной модальности (позитивных и негативных), а также их проявления в практике реального межгруппового взаимодействия, например, в эффектах меж- и внутригрупповой сплоченности и разобщенности (Кэмпбелл Д., 1980). Исследования отечественных социальных психологов в дальнейшем показали, что процесс идентификации индивида с группой и активной ассимиляции социальных стереотипов возникает не спонтанно, а определяется структурой межгрупповой деятельности (Агеев В.С., 1990).

В рамках символического интеракционизма основы исследования социальной идентичности были заложены работами Ч. Кули и Дж. Мида. Дж. Мид рассматривал идентификацию как результат социального взаимодействия. В качестве инструмента идентификации индивида с группой он вводит понятие «обобщенный другой». Последователь Дж. Мида Р. Томе изучал взаимосвязь Я-концепции с представлениями о Другом. С точки зрения ученого, Другой играет решающую роль в процессе становления идентичности, присутствие Другого включается в осознание себя, которое никогда не отделено от осознания Другого как партнера (Томэ Г., 1978). По мнению представителей символического интеракционизма, на первой стадии формирования самости человека она существует в виде организации установок других людей в его собственный адрес, функционирующих в рамках реального взаимодействия (в межличностных отношениях), в дальнейшем в виде самостоятельной установки, интегрирующей опыт самоотношения и взаимодействия с другими людьми (Мид Дж., 1994).

Таким образом, анализ подходов к исследованию социальной идентичности в современной социальной психологии позволяет утверждать, что содержание социальной идентичности составляют когнитивные феномены различного уровня обобщенности, являющиеся эффектами общественных, межгрупповых и межличностных отношений. Социальные представления, социальные стереотипы и социальные установки, составляя содержание социальной идентичности личности, являются составляющими субъективной стороны отношений и выступают детерминантами отношений между индивидуальными и групповыми субъектами.

В зарубежной социальной психологии традиции именно такого понимания содержания социальной идентичности заложены уже несколько десятилетий назад. Так, в работах, выполненных под руководством М.Т. Schmitt и D.M. Taylor, указывается на то, что содержание социальной идентичности составляют социальные стереотипы, функционирующие во взаимодействии между социальными группами (Schmitt M.T., Branscombe N.R., Silvia P.J., Garcia D.M., Spears R. 2006; Taylor D.M., Moghaddam F.M., 1994). Исследование М. Hogg и К. Williams показало, что целесообразно рассматривать в качестве содержания социальной идентичности в том числе и те стереотипы, которые реализуются в поведении людей в межличностном взаимодействии (Hogg M., Williams K., 2000). По сути, здесь идет речь о том, что к числу содержательных компонентов социальной идентичности относятся социальные

установки как социально-психологическая характеристика межличностных отношений². В исследовании R. Baumeister продемонстрирована необходимость учета социальных представлений, разделяемых личностью, как фактора, опосредующего содержание ее социальной идентичности (Baumeister R., 1986). В целом, в перечисленных работах достаточно убедительно показана продуктивность понимания содержания социальной идентичности как совокупности социальных представлений, социальных стереотипов и социальных установок, характерных для ее носителя, поскольку это объясняет, каким образом социальная идентичность определяет разделяемые человеком нормы и ценности, а также регулирует его отношения с другими людьми и обществом в целом.

Необходимо подчеркнуть, что в исследованиях целого ряда отечественных и зарубежных авторов показано, что социальные представления, стереотипы и установки не только отражают характер отношений в качестве их субъективного аспекта, но и обладают потенциалом конструирования тех отношений, в рамках которых они функционируют (Андреева Г.М., 1997; Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2003; Бергер П., Лукман Т., 1995; Клецина И.С., 2004; Шихирев П.Н., 1999; Holstein J., Gumrium J., 2007; Leeds-Hurwitz W., 1995; Pearce W.B., 2007 и др.).

СОЦИАЛЬНО-КОНСТРУКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

социальных феноменов и процессов, берущая свое начало в философии постмодернизма. В качестве исходного пункта в этой парадигме выдвигается утверждение о том, что знание о социальной жизни следует рассматривать не как «отражение» внешней реальности, а как трансформацию опыта в лингвистическую, языковую реальность. В этой связи любое знание о социальном поведении (нормах и правилах), а также знание об этом знании, следует рассматривать не как процесс накопления, а как процесс бесконечного исторического пересмотра, обусловленного постоянными изменениями социокультурного контекста (по: Шихирев П.Н., 1999).

Эти положения в последние годы все чаще используются для анализа феномена отношений как зарубежными, так и отечественными психологами.

В частности, в зарубежной социальной психологии предложены основные принципы понимания отношений как социально-конструируемого явления. Согласно этой точке зрения, отношение есть средство создания и преобразования социальных миров отдельных личностей и целых общностей. Социальные миры характеризуют пространство «между» субъектами, что ука-

Социальный конструкционизм – это относительно новая объяснительная парадигма

² Свойственная для западной социальной психологии тенденция расширять трактовку понятия «социальный стереотип», благодаря которой нивелируется значимость категорий, характеризующие социально-перцептивные феномены других уровней обобщенности, охарактеризована подробнее в главе 5.

зывает на интерсубъективный характер отношений, и имеют смысловую природу, основанную на законах функционирования языка во взаимодействии людей. При этом любое отношение имеет этический аспект, поскольку трансформирует социальную реальность в лучшую или худшую сторону (Gergen K., Schrader S., Gergen M., 2009).

В отечественной гуманитарной науке показано, что социальная идентичность, понимаемая нами как продукт и регулятор отношений между людьми, является продуктом «социального обмена» (Андреева Г.М., 2002; Якимова Е.В., 1999). Конструируя свой образ, человек использует набор культурно-специфических языковых конструктов, определяющих его действия в контексте социальных отношений с другими людьми. При этом содержание социальных идентификаций, представляя собой «потенциал для коммуникации и самопрезентации» (Якимова Е.В., 1999, с. 42), открыто изменениям по мере изменения характеристик социального взаимодействия людей.

Конструкционистский ракурс применим и к тем категориям, которые рассматриваются нами в качестве составляющих субъективной стороны отношений между людьми: социальным представлениям, социальным стереотипам и социальным установкам. В частности, социальные представления, являющиеся обусловленными общественно-историческим контекстом способами интерпретации социальной реальности, по утверждению С. Московичи помимо осмысления социальной действительности «формируют нашу жизнь и наши поступки» (Московичи С., 1995, с. 241). Социальные стереотипы, представляющие собой упрощенное схематизированное знание о психологических особенностях представителей тех или иных социальных групп, выполняют не только объяснительную функцию, но и активно опосредуют межгрупповые отношения, формируя те или иные модели поведения субъектов взаимодействия (Агеев В.С., 1990). Социальная установка – готовность человека к той или иной социальной активности в соответствии со своим социальным статусом – также может рассматриваться как один из механизмов конструирования социальной реальности (Андреева Г.М., 1997), поскольку не только отражает индивидуальный опыт личности, но и активно участвует в его формировании (Гулевич О.А., Безменова И.К., 1999).

Таким образом, можно выделить ряд теоретических положений социальной психологии, которые позволяют охарактеризовать отношения, развивающиеся между людьми, и могут послужить основой для анализа феномена межвозрастных отношений. Отношения представляют собой содержательные связи субъекта с различными сторонами действительности, имеющие объективный (поведенческий) и субъективный (смысловой) аспекты. Специфика социально-психологического подхода к изучению отношений заключается в анализе отношений, возникающих *между* субъектами, то есть анализе *взаимных* отношений, которые реализуются во взаимодействии индивидуальных и групповых субъектов. Характеристика отношений как многомерного социально-психологического феномена предполагает описание их реализации в межличностном и межгрупповом взаимодействии, а также во

взаимодействии личности как представителя той или иной возрастной группы и общества в целом (микро-, мезо – и макроуровень социально-психологического анализа соответственно). В качестве важнейшего регулятора социально-психологических отношений может рассматриваться социальная идентичность, представляющая собой результат самоотождествления человека с различными социальными общностями. Содержанием социальной идентичности являются социальные представления, социальные стереотипы и социальные установки, определяющие субъективный аспект отношений в социальном, межгрупповом и межличностном взаимодействии соответственно. Социально-психологические отношения могут рассматриваться не только как отображение социальной реальности, но и как средство ее конструирования. Эти положения послужили основанием для разработки *социально-психологической концепции межвозрастных отношений*.

2.2. Основные положения социально-психологической концепции межвозрастных отношений

КАТЕГОРИЯ «МЕЖВОЗРАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На основании проведенного анализа литературы можно утверждать, что понятие межвозрастных отношений практически не встречается ни в психологических исследованиях, ни в работах, выполненных в психологических знаниях. Определение собственно межвозрастных отношений нам встретилось лишь однажды, в работе А.Б. Афанасьева, где они определяются как процесс одновременного взаимного влияния субъектов разного возраста в деятельности и общении (Афанасьев А.Б., 2008). Однако в данном подходе, на наш взгляд, раскрывается только онтогенетическая трактовка возраста, не учитывается роль социального контекста, что не в полной мере соответствует нашим теоретическим взглядам на сущность возраста как регулятора человеческих отношений.

Относительно чаще в научной литературе встречается сходное на первый взгляд по смыслу понятие межпоколенных (межпоколенческих) отношений (например, Загребина А.В., Сурков А.В., 2010; Крюкова Т.Л., 2008; Лезгина Д.В., 2001; Петрова Е.А., 2008; Постникова М.И., 2008; и др.), однако, как будет показано ниже, этот термин не является синонимичным понятию межвозрастных отношений, в силу чего перечисленные работы не могут выступать основанием для определения межвозрастных отношений как таковых.

Между тем, в предыдущих параграфах обоснована актуальность определения понятия «межвозрастные отношения». Как уже отмечалось, она определяется, во-первых, значимостью роли возраста как регулятора взаимодействия людей в межличностных, межгрупповых и общественных отношениях, и, во-вторых, участием возрастных признаков субъектов этого взаимо-

действия в процессах конструирования их «социальных миров». Обозначенные моменты отражают собственно социально-психологические аспекты категории «возраст» и нагляднее всего раскрываются через анализ феномена отношения, в котором, интегрируя достижения современной отечественной и зарубежной психологической науки, можно отчетливо отметить потенциал конструирования социальной реальности на различных уровнях ее анализа.

МЕЖВОЗРАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Опираясь на материал, изложенный выше, можно предложить следующее определение межвозрастных отношений. *Межвозрастные*

отношения – разновидность социально-психологических отношений, отношения между людьми как представителями возрастных групп, реализующиеся в процессах межличностного, межгруппового и общественного взаимодействия.

Многомерность феномена отношений определяет необходимость комплексного подхода к социально-психологическому анализу межвозрастных отношений как частного случая социально-психологических отношений. Макроуровень анализа межвозрастных отношений (уровень общественных отношений) предполагает изучение межвозрастных отношений, которые разворачиваются между государством и людьми как представителями различных возрастных групп. Мезоуровень анализа (уровень межгрупповых отношений) предполагает анализ таких форм межвозрастных отношений, субъектами которых являются возрастные группы. Микроуровень анализа реализуется благодаря фокусировке внимания исследователя на отношениях между отдельными личностями, идентифицирующими себя с теми или иным возрастными группами.

Макроуровень анализа межвозрастных отношений позволяет выделить общественные межвозрастные отношения как отношения в системе «государство – люди как представители возрастных групп», объективной стороной которого являются практики взаимодействия между обозначенными субъектами, а субъективную сторону составляют возрастные представления. Возрастные представления могут быть определены как разновидность социальных представлений, обусловленные общественно-историческим контекстом способы интерпретации возрастной дифференциации и стратификации общества.

Мезоуровень анализа межвозрастных отношений дает основания для выделения межгрупповых межвозрастных отношений, обращает исследователя к практикам взаимодействия в системе «возрастная группа – возрастная группа», составляющим объективную сторону отношений между возрастными группами, и определяет необходимость исследования возрастных стереотипов как субъективной стороны отношений между возрастными группами. Возрастные стереотипы понимаются нами как разновидность социальных стереотипов, представляющая собой упрощенное схематизирован-

ное знание о психологических особенностях представителей тех или иных возрастных групп.

На *микроуровне анализа межвозрастные отношения* могут рассматриваться в качестве аспекта межличностных отношений, разворачивающихся между отдельными людьми как представителями тех или иных возрастных групп, субъективным содержанием которых являются возрастные установки. Возрастная установка может быть понята как разновидность социальной установки, характеризующая готовность человека вести себя определенным образом в соответствии со своей возрастной ролью и возрастной ролью партнера по взаимодействию.

Характеристики *объективной стороны межвозрастных отношений* отражают практики взаимодействия между различными субъектами отношений, проявляясь в их взаимных действиях в адрес друг друга. Характеристики *субъективной стороны межвозрастных отношений* выступают содержательными аспектами возрастной идентичности.

КРИТЕРИЙ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Категория возрастной идентичности, помимо интеграции субъективных детерминант межвозрастных отношений, позволяет ограничить проблемное поле собственно межвозрастных отношений, дифференцируя их от других видов отношений (профессиональных, гендерных, семейных и др.). Этот вопрос является достаточно важным, потому что очевидно, что субъект отношений одновременно является носителем разных социальных свойств (не только возрастных). С нашей точки зрения, межвозрастные отношения представляют собой такой вид социально-психологических отношений, в котором актуализируется возрастная идентичность субъектов, и следовательно, становятся значимыми их социально-психологические детерминанты: возрастные представления, стереотипы и установки. Актуализация возрастной идентичности, таким образом, может рассматриваться в качестве *критерия выделения межвозрастных отношений из широкого спектра взаимоотношений*.

В концепции сложной социальной идентичности, предложенной С. Роккас и М. Брюер, показано, что личность осознает свою принадлежность к разным социальным группам одновременно дифференцируя (понимая различия) и интегрируя их ценности (по: Хухлаев О.Е., Хайт М.А., 2012). В то же время, многие ситуации, в которые попадает человек, порождают конфликт различных аспектов его социальной идентичности, предполагающий необходимость сделать выбор в пользу ценностей одной социальной роли в ущерб другой. В литературе показано, что разные компоненты социальной идентичности обладают различной значимостью в регуляции социального поведения человека, актуализируясь в широком или узком диапазоне ситуаций социального взаимодействия (Hogg M., Williams K., 2000). Некоторые компоненты занимают в структуре социальной идентичности центральное место, являясь кросситуативными, то есть актуализирующимися в широком диапа-

зоне социальных ситуаций, а другие – периферическими, становящимися регуляторами поведения лишь в отдельных ситуациях и в связи с ситуационно-ограниченной проблематикой (Kelly G. A., 1955).

В рамках проведенного нами исследования, направленного на выявление центральных и периферических компонентов в структуре социальной идентичности личности (n=69 в возрасте 17-67 лет, интервью)³, было показано, что возрастная идентичность является одним из центральных компонентов социальной идентичности личности и актуализируется в разнообразных ситуациях социального взаимодействия. Межвозрастные отношения пронизывают, прежде всего, процесс общения с незнакомыми людьми (0,372) и внутрисемейное взаимодействие (0,465). Помимо этого, можно отметить значимость возрастной идентичности в профессиональном взаимодействии (0,172). Согласно полученным результатам, именно возрастные роли партнера по взаимодействию (наряду с гендерными) являются одним из основных ориентиров для выстраивания общения с незнакомым человеком, а также значимым аспектом регуляции семейных и профессиональных отношений, которые соответствуют традиционно выделяемым в социальной психологии институтам социализации. Соответственно, именно эти сферы и рассматривались в дальнейшем как наиболее типичные контексты реализации межвозрастных отношений.

СУБЪЕКТЫ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В качестве *субъектов межвозрастных отношений*, таким образом, рассматриваются государство, возрастные группы и люди как представители тех или иных возрастных групп.

Согласно «Толковому словарю русского языка», *государство* представляет собой «основную политическую организацию общества, осуществляющую его управление, охрану его экономической и социальной структуры» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999).

В конституционном праве, регулирующем основы взаимоотношений человека с обществом или государством, возраст играет существенную роль в атрибуции человеку прав и обязанностей. Если правоспособность, то есть способность быть субъектом права как такового, признается за гражданином с момента его рождения, то дееспособность, предполагающая возможность гражданина самостоятельными действиями, без посредничества законных представителей, приобретать и осуществлять права и обязанности в полном объеме, наступает только по достижению им совершеннолетия (18-летия). С этого возраста человек осуществляет свои права и обязанности самостоятельно, и следовательно, несет полную ответственность за все свои поступки и действия в соответствии с гражданским и уголовным законодательством. До наступления совершеннолетия гражданин обладает неполной дееспособностью, и объем его полномочий прямо зависит от возраста.

³ Исследование проведено совместно с П.В. Румянцевой. Результаты используются с ее согласия

Подобное ограничение прав и обязанностей в соответствии с возрастом человека опирается на представление о том, что возраст объективно влияет на его способность к реализации этих прав и обязанностей. По сути, в основе этих представлений лежит идея о существовании биологической основы присвоения социальных ролей людям разных возрастов. Ролевые ограничения связаны с тем, что детям необходимо время для достижения физической, интеллектуальной и эмоциональной зрелости, а в пожилом возрасте возможности человека развиваются регрессивно (Смелзер Н., 1998). В этой связи необходимо отметить, что, хотя в конституционном праве не оговаривается верхняя возрастная граница дееспособности и тем более правоспособности, фактически существует достаточно большое количество законодательно подтвержденных ограничений прав пожилых людей, примером чему является, в частности, предельный возраст пребывания на государственной военной и гражданской службе.

Однако основная масса законодательно закрепленных возрастных ограничений касается, прежде всего, молодых людей, в отношении которых существуют разнообразные возрастные цензы, представляющие собой ограничения на занятия определенными видами деятельности. Например, в российском законодательстве установлены возрастные цензы, задающие нижний возрастной порог активного осуществления избирательного права, выдвижения кандидатуры на ту или иную государственную должность и т.д., и, кроме того, ряд возрастных ограничений, регулирующих доступ молодых людей к произведениям массовой культуры, содержащим сцены насилия или секса, к алкоголю, управлению транспортными средствами и т.д.

В этой связи в зарубежной социологической литературе используется термин «возрастная дифференциация», под которым понимаются ограничения, производные от реальных возрастных особенностей человека (Pasupathi M., Lockenhoff C.E., 2002; Hagestad G.O., Uhlenberg P., 2005). Предполагается, что возрастная дифференциация основана на реальных возрастных различиях людей, находящихся на различных возрастных этапах, и реализация принципов возрастной дифференциации не только не ущемляет права одних возрастных групп в сравнении с другими, но, напротив, решает задачу социальной поддержки.

На основе принципов возрастной дифференциации выстраивается существующая сегодня система социальной поддержки возрастных групп, составляющих возрастную структуру общества. Анализ текущей социальной политики позволяет утверждать, что приоритетными «объектами» социальной поддержки сегодня являются возрастные группы детей, молодежи и пожилых людей, о чем свидетельствуют последовательно реализуемые в последние десять лет федеральные целевые программы «Дети России», «Молодежь России», «Старшее поколение», а также большое количество различных нормативно-правовых актов, в которых закреплены механизмы социальной поддержки обозначенных возрастных групп.

Таким образом, возраст выступает одной из важнейших характеристик, регулирующей взаимоотношения между государством и человеком как представителем той или иной возрастной группы.

Современными социально-психологическими исследованиями показано, что возраст является одной из категорий, дифференцирующих социальные группы в обыденном сознании (Курышева О.В., 2013; Ширков Ю.Э., 2009). Однако долгое время возрастные группы считались предметом изучения смежных с психологией наук, прежде всего, социологии и демографии. Сегодня в связи с появлением новых парадигм гуманитарного мышления возрастные группы привлекают внимание не только социологов и демографов, но и социальных психологов. Н.Н. Богомоллова, А.И. Донцов и Т.В. Фоломеева в своей статье, посвященной большим социальным группам, указывают, что возрастные признаки могут использоваться для дифференциации больших социальных групп наряду с этническими, гендерными, территориальными, религиозными и т.д. (Богомоллова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В., 2002). Понятие «возрастная группа» появилось в 5-м издании классического учебника по социальной психологии Г.М. Андреевой, где она понимается как разновидность больших социальных групп, наряду с гендерными и этническими группами, социальными классами (Г.М. Андреева, 2008).

Определение *возрастной группы* в социальной психологии впервые было сформулировано в 1960-х гг. Р. Gulliver для обозначения организации, которая основана на хронологическом и/или условном возрасте своих членов, имеет специфическую структуру и функции, а также знаковые средства, которые осмысляются и символизируются культурой (Gulliver P., 1968). Представляется, что слово «организация» не вполне уместно в данном определении, поскольку, как известно, одним из признаков большой социальной группы является отсутствие явно выраженной структуры при наличии символических (не личных) отношений внутри группы (Богомоллова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В., 2002).

Г.М. Андреева указывает, что социально-психологические исследования возрастных групп на сегодняшний день довольно фрагментарны, и анализ их характеристик, как правило, дается при изучении процессов социализации (Г.М. Андреева, 2008). По нашим наблюдениям, такой анализ часто осуществляется в тесной связи с изучением закономерностей онтогенеза. На наш взгляд, именно в этом кроется существенная методологическая трудность, связанная с исследованием возрастных групп. Возможность рассматривать возрастные группы в качестве субъектов социальной жизни, занимающих определенное место в системе общественных отношений и обладающих определенным набором социальных ролей и статусов, с нашей точки зрения, появляется только при опоре на социально-психологическую трактовку возраста.

Мы рассматриваем возрастную группу как разновидность условной большой социальной группы. Под возрастной группой понимается общность, сложившаяся в ходе культурно-исторического развития общества, объеди-

няющая людей, находящихся на одном этапе жизненного пути (детство, молодость, зрелость, старость) и разделяющих в силу этого сходные представления о возрастном устройстве общества, выступающие регуляторами их поведения в ситуациях межвозрастного взаимодействия. Опираясь на положение о целостности субъекта (в нашем случае группового – возрастной группы) как основании для системности его психологических качеств (Брушлинский А.В., 1994), можно рассматривать людей того или иного возраста не просто как представителей разных возрастных групп, но как носителей набора групповых психологических свойств, которые они реализуют в повседневном взаимодействии с другими людьми.

Необходимо отметить, что в психологических исследованиях, посвященных проблематике межвозрастных отношений, в качестве синонима понятия «возрастная группа» довольно произвольно используются такие термины, как «поколение», «возрастная страта», «возрастной класс», «возрастная когорта», «возрастная степень». Тем не менее, нам представляется, что для обозначения возрастной общности как субъекта межвозрастных отношений наиболее удачным является именно понятие возрастной группы.

Во-первых, это связано с тем, что понятие социальной группы, в отличие от перечисленных выше, является традиционным для психологии, что позволяет определить место феномена межвозрастных отношений в структуре уже имеющегося научного психологического знания. Отнесение возрастных общностей к категории социальных групп делает правомерным рассмотрение межвозрастных отношений в качестве аспекта межгрупповых отношений, который имеет свою специфику, отличающую ее от других видов взаимоотношений.

И, во-вторых, необходимо отметить, что каждое из перечисленных выше понятий используется в смежных с психологией науках, где имеет свое, строго ограниченное значение.

Так, например, понятие возрастной страты характерно для социологических исследований. Опираясь на общепринятое определение социальной страты, мы можем определить возрастную страту (от лат. *stratum* - слой, пласт) как социальную группу, которая объединяет людей, находящихся на одном этапе жизненного пути, и противопоставляет другим группам, выделенным на этом же основании, по признаку социального статуса (Социологический энциклопедический словарь, 1998). Это понятие отражает существующее на макросоциальном уровне возрастное устройство, подчеркивая статусное неравенство представителей различных возрастов. Однако, стратификационный подход не является единственным в науках, изучающих большие социальные группы, и, следовательно, понятие возрастной страты отражает только один из аспектов реальности их существования. Кроме того, судя по определению, объектами и субъектами стратификации являются социальные группы, и, в частности, возрастные группы. Следовательно, «возрастная группа» первична по отношению к «возрастной страте».

Термин «возрастная когорта» (от лат. *cohors*, букв. «огороженное место») используется преимущественно в демографии. С его помощью определяется совокупность индивидов, имеющих близкий хронологический возраст (Демографический энциклопедический словарь, 1985), причем чаще всего используются так называемые пятилетние возрастные когорты, членившие жизненный путь человека на 5-летние этапы. Принципиальное различие понятий «возрастная когорта» и «возрастная группа» связано с тем, что возрастные когорты, характеризующие демографическую структуру общества, выделяются формально, и их границы определяются математически на основе выбранного временного интервала. То есть в одну возрастную когорту попадают люди, родившиеся в определенном году (или нескольких годах). Такой подход полностью игнорирует проблему личностного осмысления жизненного пути и ассимиляции (осознанной или неосознаваемой) конкретным человеком факта своей принадлежности к возрастной общности, которая, очевидно, является необходимым условием существования социальной общности. Поэтому рассматривать возрастную когорту в качестве субъекта социального взаимодействия нам представляется не вполне правомерным.

Понятие «возрастная степень» чаще всего встречается в работах антропологов, где оно применяется для обозначения деления жизненного пути индивида в движении от младенчества к старости, которая образует иерархию возрастных статусов индивида, приобретаемых в ритуалах перехода (Тюгашев Е.А., Попкова Т.В., 2003). Точно также антропологическим является и понятие возрастного класса, которое используется для обозначения половозрастного разделения труда в общностях, находящихся на этапе родового строя (Бочаров В.В., 2001). Учитывая, что межвозрастные отношения в современном социуме коренным образом отличаются от тех, которые существуют в традиционном обществе (хотя бы потому, что деление на возрастные группы сегодня не является единственным и наиболее значимым основанием для социальной стратификации), можно констатировать, что данные понятия в социально-психологическом исследовании могут применяться только с большой долей допущения. Отдельно стоит обратить внимание и на тот факт, что для определения «возрастных степеней» и «возрастных классов» принципиально важными являются ритуалы перехода, утраченные (или крайне завуалированные) в современной культуре. Если в традиционных обществах принадлежность человека к тому или иному возрастному классу определялась самой общностью, то сегодня принадлежность к возрастной группе в значительно большей степени зависит от особенностей возрастной идентификации самого человека. Таким образом, границы возрастных групп, как и многих других больших социальных групп, оказываются, в отличие от возрастных классов и возрастных степеней, размытыми.

Понятие «поколение» может использоваться в различных контекстах. Древнейшим является его биологически-генетическое толкование, согласно которому поколение (в генеалогическом смысле) может рассматриваться как звено или ступень в цепи происхождения от общего предка. В 19 веке в на-

учный обиход вошла трактовка поколения, выводящая использование этого термина на макросоциальный уровень, благодаря которой поколение стало пониматься как общность сверстников. Социологический энциклопедический словарь, в частности, предлагает рассматривать поколение (в одном из значений этого термина) как совокупность близких по возрасту индивидов, социальная и идейно-политическая ориентация которых формируется под влиянием определенного исторического периода времени, имеющего свои специфические характеристики (Социологический энциклопедический словарь, 1998). При этом акцент может быть сделан на возрастные совпадения представителей одного поколения («По-настоящему совпадаешь только со сверстником. Современник и сверстник – это разные вещи: в истории их давно следует разграничивать, различая единство возраста и единство времени... будь современники сверстниками, не было бы исторического развития». Ортега-и-Гассет Х., 2000, с. 260) или же, напротив, на сходство социально-исторических условий жизни («Эта символическая общность не имеет четких хронологических границ. Чем значительнее историческое событие, тем шире хронологические рамки его влияния» (Кон И.С., 1967, с. 110)).

Нам представляется, что коренные различия понятий «возрастная группа» и «поколение» лежат в степени значимости конкретных социально-исторических событий для определения специфических особенностей соответствующих общностей. Отличительные особенности поколения коренятся в сходстве жизненного опыта людей, их участии в одних и тех же социальных и исторических событиях (отсюда названия «перестроечное поколение», «поколение оттепели» и т.д.), в то время как характеристики возрастных групп складываются столетиями и являются относительно устойчивыми. При этом представители одного и того же поколения, с течением времени последовательно проходя через возрастные слои, благодаря проницаемости возрастных границ могут идентифицироваться с различными возрастными группами, оставаясь вместе с тем «людьми своего поколения». В целом, оказывается, что понятия «возрастная группа» и «поколение» совпадают лишь частично. Это подтверждается и несколькими зарубежными исследованиями, в которых показано, что отношения между возрастными группами и между поколениями различаются по интенсивности эффектов ин-группового фаворитизма и аут-групповой дискриминации (Slotterback C.S., 1996), а также по закономерности идентификации с возрастной и поколенческой общностью (Weiss D., Lang F. R., 2012).

Таким образом, основным термином для обозначения группового субъекта возрастных отношений в нашей работе является «возрастная группа», и смежные с ним термины используются в тексте не в строгом научном смысле, а в широкой трактовке, исключительно для стилистической корректировки отдельных фрагментов текста. Возрастная группа рассматривается нами в качестве группового субъекта социальных отношений, вступающего во взаимодействие с другими возрастными группами, а также наделяющего определенными психологическими свойствами своих представителей – конкретных

людей, субъектов отношений. Она обладает всеми признаками больших социальных групп (Богомолова Н. Н., Донцов А. И., Фоломеева Т. В., 2002): объединением символическими отношениями членов, противопоставлением одних возрастных групп другим по принципу «мы» и «они», наличием нормативного влияния на членов группы, причем содержание возрастных норм воспринимается обыденным сознанием как «естественное положение дел».

Опираясь на представления о природе и сущности возрастных групп, изложенные выше, было проведено исследование репрезентации возрастной структуры современного российского общества в социальных представлениях $n=582$, 8-72 года, анкетирование). Предполагалось, что наиболее общими маркерами субъективно отражаемой возрастной структуры общества являются границы возрастных этапов, определяющие принадлежность человека к той или иной возрастной группе. Полученные результаты продемонстрировали, что возрастная структура общества отражена в социальных представлениях четырьмя возрастными группами: детской, подростковой, взрослой и группой пожилых людей. Усреднение возрастных границ, предложенных испытуемыми для этих возрастных групп, показало, что в обыденном сознании детство заканчивается примерно в 12 лет и сменяется подростковым возрастом, который длится примерно до 20 лет. Затем начинается период взрослости, на смену которому около 60 лет приходит старость. Наши данные во многом совпадают с результатами, полученными А. Г. Левинсоном несколько лет назад (Левинсон А.Г., 2005), что позволяет, с одной стороны, считать их достоверными, и, с другой стороны, иллюстрирует устойчивый характер возрастных представлений больших социальных общностей. Кроме того, полученные данные свидетельствуют о том, что границы возрастных этапов, дифференцирующие возрастные группы в социальных представлениях, практически полностью повторяют общенаучную периодизацию жизненного пути. Более того, в нем находит отражение и отмечаемое сегодня многими психологами удлинение подросткового периода, расширение его временных рамок (Кле М., 1991; Ремшмидт Х., 1994). На основе анализа полученных данных мы можем заключить, что в процессах репрезентации возрастной структуры общества в социальных представлениях существенную роль играют социальные маркеры возрастных изменений. Так, подростки в качестве переходного этапа достоверно чаще, чем пожилые люди, отмечают возраст окончания школы ($\alpha < 0,05$) а пожилые люди – пенсионный возраст в соответствии с полом ($\alpha < 0,05$).

Отдельного внимания заслуживает характеристика *личности* как субъекта межвозрастных отношений. Анализ литературы показывает, что для современной психологии характерно рассматривать возрастные признаки человека как социального субъекта в контексте проблемы психологического времени личности.

Исходной точкой подобных рассуждений является представление о неоднородности психологического времени. С одной стороны, оно может рассматриваться как объективное измерение жизненного пути, не зависящее

от личности (Ананьев Б.Г., 1980; Нюттен Ж., 2004). С другой стороны, в психологической литературе предлагается трактовка психологического времени как отражения в сознании человека временных отношений между отдельными событиями его жизненного пути. Именно второй подход лежит в основе наиболее распространенной трактовки психологического возраста как внутреннего переживания человека, отражающего меру субъективной реализованности личностью психологического времени в биографическом масштабе (Головаха Е.А., Кроник А.А., 2008) и составляющего важнейший аспект временного модуля Я-концепции личности (Белинская Е.П., 1999). К основным характеристикам психологического возраста относят его субъективный характер, обратимость и многомерность, проявляющуюся в возможных несовпадениях субъективных оценок собственного психологического возраста в различных сферах жизни (Головаха Е.А., Кроник А.А., 2008; Толстых А.В., 1988).

Существенным представляется вопрос о том, что является основанием для формирования у человека того или иного психологического возраста. Как указывает Т.Н. Березина, мерой психологического возраста чаще всего выступают события, соотносимые с социальными представлениями о нормативных этапах жизненного пути, причем эти события могут иметь как биографически-формальный, так и личностно-значимый характер (Абульханова К.А., Березина Т.Н., 2001). К аналогичным выводам пришли в результате исследований Е.А. Головаха и А.А. Кроник, на примере семейных и свободных от семейных обязанностей испытуемых показавшие взаимосвязь психологического возраста личности с закономерностями трансформации социально-временных отношений в ее жизнедеятельности (Головаха Е.А., Кроник А.А., 2008).

На основании этих результатов для характеристики личности как носителя возраста весьма актуальным становится понятие возрастных часов (age clock), предложенное В. Neugarten, – внутреннего временного графика возрастного развития человека, который задает возрастные нормативы реализации ключевых жизненных событий (Крайг Г., Бокум Д., 2005; Реан А.А., 2002; Сапогова Е.Е., 2005). Ключевые жизненные события, в свою очередь, задаются системой социальных представлений, выступающих в качестве возрастн-ролевых ожиданий (Панина Н.В., 1982).

В процессе интерпретации человеком своего возраста посредством возрастных социальных конструктов формируется возрастная идентичность личности. ***Возрастная идентичность***, как уже отмечалось выше, ***представляет собой компонент социальной идентичности личности и может рассматриваться как результат отождествления человеком себя с определенной возрастной группой с принятием норм поведения данной группы в качестве в большей или меньшей степени регулирующих собственное поведение.***

Процесс формирования возрастной идентичности отличается от становления многих других аспектов социальной идентичности. Если во многих

других случаях человек, как правило, имеет основания идентифицироваться с какой-то одной социальной группой (например, гендерной или этнической) и впоследствии лишь переосмысливать содержание своих идентификаций, то возрастная идентичность в процессе жизненного пути претерпевает коренные изменения, связанные с переходом от одного этапа жизненного пути к другому. В этом процессе человеку приходится формировать идентификации с новыми социальными группами («подростки», «взрослые», «пожилые»), отказываясь от старых. При этом человек часто не имеет более или менее однозначных оснований для причисления себя к той или иной возрастной группе, как это происходит, например, в тех общностях, в которых существуют обряды инициации. Это делает процессы возрастной идентификации затруднительными для личности, прежде всего, в моменты «кризиса возрастной идентичности», когда личность находится на этапе перехода от одной возрастной группы к другой.

В наших исследованиях было показано, что возрастная идентичность формируется в детстве и сохраняет значимость на протяжении всей жизни человека (=305, 8-75 лет, «Кто Я?»)⁴. Возрастные идентификации актуальны в структуре социальной идентичности в детстве (4,56 % от общего количества самоописаний) и особенно подростковом возрасте (6,38 %), в период взрослости их значимость существенно снижается (0,69 %) и вновь возрастает в пожилом возрасте (4,98 %). При этом значимость возрастных ролей в структуре самоописаний остается стабильной в различных условиях социального становления личности. В частности, устойчивая значимость возрастных ролей в структуре самоописаний показана нами на материале выборок детей и подростков, воспитывающихся в условиях детского дома, а также выборки взрослых людей, дети которых употребляют психоактивные вещества.

Сопоставление возраста испытуемых с их актуальной возрастной идентичностью показало, что хронологический возраст не всегда совпадает с той возрастной ролью, которую приписывает себе человек. Ярче всего эти несовпадения проявляются в выборках пожилых людей (21,7 %) и подростков (18,8 %), чуть в меньшей степени выражены в группе детей (14,9 %) и практически не представлены среди взрослых (2,3 %). Эти данные во многом соответствуют результатам, полученным зарубежными социальными психологами, которые показали, что наибольшие трудности в процессе идентификации со своей возрастной группой испытывают пожилые люди как возрастная группа, обладающая самым низким социальным статусом и не имеющая возможности попасть в наиболее высокостатусную возрастную группу (Garstka T.A., Schmitt M.T., 2004). Наиболее популярное объяснение этому факту предложено в рамках теории поддержания самооценки, которая предполагает, что ин-групповое сравнение с высоким эталоном может вести к от-

⁴ Исследование проведено совместно с П.В. Румянцевой. Результаты используются с ее согласия

клонению соответствующей категоризации, потому что разделенная категоризация делает более значимой и угрозой (Schmitt M.T., Branscombe N.R., Silvia P.J., Garcia D.M., Spears R., 2006; Ward R. A. 1984; Zebrowitz L. A., Montepare J. M, 2000).

Пожилые люди, чья возрастная идентификация не совпадает с паспортным возрастом, в подавляющем большинстве случаев идентифицируют себя с группой взрослых. Аналогичный эффект наблюдается и в выборке подростков: в более чем 85 % случаев несоответствия возрастной роли и хронологического возраста подростки также причисляют себя к взрослым людям. Этот факт также совпадает с зарубежными результатами социально-психологических исследований (Daatland S. O., 2007; Foner N., 1984; Pampel F. C., 1998), которые традиционно объясняются с позиции теории социальной идентичности: идентификация с возрастными группами, имеющими более высокий социальный статус, основана на естественном для человека стремлении принадлежать к положительно оцениваемым социальным группам (Taylor D.M., Moghaddam F.M., 1994). Подобное смещение возрастной идентичности в сторону высокостатусной возрастной группы (группы взрослых людей) часто не осознается (Hummert M. L., Garstka T. A., O'Brien L. T., Greenwald A.G., Mellott D. S., 2002), выступая тем самым своеобразным защитным механизмом, «буфером» в процессе принятия негативных возрастных атрибуций. В некоторых случаях, однако, эта стратегия может осознаваться, и в ее рамках человек осознанно выстраивает свой образ жизни в соответствии с аскриптивным образом «взрослого» (Zebrowitz L. A., Brandeis U., Waltham M.A., 2003).

Интересно, что даже в группе детей, которая традиционно рассматривается как группа с высоким статусом, доля несоответствий между паспортным возрастом и возрастной идентичностью довольно высока, и опять же преимущественно в пользу группы взрослых (более 75 %). Этот факт, как и описанные выше, наглядно иллюстрирует явление «взросничества» (adulthood), которое активно обсуждается в зарубежной социологии и социальной психологии в последние десятилетия и обозначает предрасположение к взрослым в противовес детям, молодежи и пожилым людям, к которым не относятся как ко взрослым (De Martelaer K., De Knop P., Theeboom M., Van Heddegem L., 2000; Glover I., Branine M., 2001). Группа взрослых обладает самым высоким социальным статусом, достигнуть (или сохранить) членство в которой стремятся как молодые, так и пожилые люди (Левинсон А.Г., 2005; Поправко Н.В. 2001; Barak B. Mathur A., Lee K. Zhang Y., 2008; Boduroglu A., Yoon C., Luo T., 2006). Это наглядно иллюстрирует и практически единая идентификация взрослых испытуемых с возрастной группой взрослых.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ВОЗРАСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

На основании полученных результатов мы предположили, что можно говорить о существовании разных *типов возрастной идентичности*: нормативной и парадоксальной. Нормативная возрастная идентичность характеризуется

соответствием хронологического возраста возрастной группе-объекту идентификации, парадоксальная – несоответствием (см. рисунок 3):

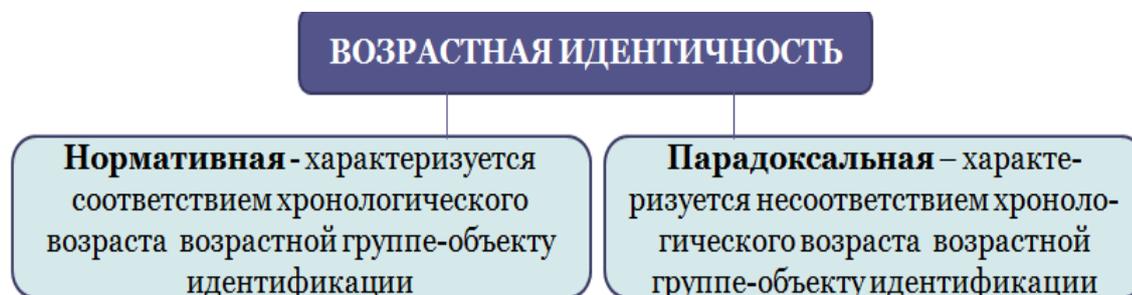

Рисунок 3. Эмпирическая типология возрастной идентичности

Оценка модальности возрастной идентичности, проведенная с использованием опросника «Структура социальной идентичности», разработанного нами совместно с И.С. Завалишевым (описание опросника приведено в приложении 1), показала, что представители всех возрастных групп, для которых характерна парадоксальная возрастная идентичность, демонстрируют более низкие показатели благополучия в сфере возрастной идентичности, чем испытуемые с нормативной идентичностью ($n=266$ в возрасте 15-71 год). Это дает основания рассматривать парадоксальную возрастную идентичность как форму проявления кризиса социальной идентичности в ее возрастном аспекте, а также предполагать, что возрастные представления, стереотипы установки, составляющие ее содержание, могут различаться у людей с разными типами возрастной идентичности.

2.3. Модели межвозрастных отношений

С помощью термина «модель» в науке принято обозначать объект или явление, повторяющий свойства прототипа, существенные для решения конкретных исследовательских задач. В нашей работе «моделью межвозрастных отношений» называется теоретический конструкт, опирающийся на анализ современной научной литературы, а также на результаты эмпирических исследований, и демонстрирующий соотношение наиболее существенных сторон этих отношений.

Ориентирами для характеристики моделей межвозрастных отношений могут являться представления о двойственном характере соотношения различных возрастных групп, существование которых обуславливает саму возможность трактовки межвозрастных отношений в социально-психологическом ключе, в системе социальных отношений.

С одной стороны, это соотношение может быть охарактеризовано «в горизонтальной плоскости», путем анализа межвозрастных отношений в контексте проблемы возрастной дифференциации общества (Андреева Г.М., 2008). Возрастная дифференциация предполагает признание наличия в структуре общества различных возрастных групп, для описания которых ключевыми становятся типичные для них нормы, ценности, традиции, то есть те элементы возрастных субкультур, которые отличают каждую возрастную группу от всех остальных. В этой связи возникает проблема степени совпадения/различий между характеристиками возрастных субкультур, в частности, связанная с приоритетными сферами реализации потенциала людей разных возрастов, которые могут рассматриваться как универсальные или возрастно-специфичные.

Однако, как уже отмечалось выше, существование возрастных субкультур обусловлено не только явлением возрастной дифференциации общества, но и фактической разницей в социальных статусах этих групп, отражающей факт возрастной стратификации общества (Смелзер Н., 1998). Поэтому помимо анализа межвозрастных отношений «по горизонтали» представляется целесообразным их анализ и «в вертикальной плоскости», ориентированный на характеристику этих отношений в аспекте соотношения возможностей доминирования / подчинения.

Соответственно, *основаниями для выделения моделей межвозрастных отношений могут быть выбраны континуумы «акцентирование сходств – акцентирование различий» при анализе межвозрастных отношений «по горизонтали» и «неравенство статусов – равенство статусов» при их анализе «по вертикали»* (см. рисунок 4):

Рисунок 4. Модели межвозрастных отношений

Модель межвозрастных отношений, опирающаяся на идеи статусного неравенства возрастных групп, с одной стороны, и акцентирование сходств субъектов межвозрастного взаимодействия, с другой, может быть названа моделью возрастно-дискриминирующих отношений. В ее основе лежит принцип «одинаковые ожидания при неравных возможностях»: несмотря на то, что возрастные группы обладают различным статусом, критерий «социальной успешности» для них одинаков, и объективные трудности в достижении этой унифицированной успешности становятся основанием для возникновения отношений, в которых реализуется дискриминация по признаку возраста.

Акцентирование возрастных различий в контексте признания неравенства статусов возрастных групп лежит в основе другой модели межвозрастных отношений – возрастно-манипулятивных отношений. Эта модель предполагает возможность субъектов апеллировать к возрастным особенностям партнеров по взаимодействию, трактуемым как «различия», с целью достижения собственных целей. При этом можно предполагать, что статусные различия возрастных групп могут становиться фактором, определяющим вектор манипуляции – «сверху» или «снизу».

Модель межвозрастных отношений, в которой декларируется равенство возрастных статусов при акценте на сходства различных возрастных групп, может быть названа «возрастно-игнорирующими отношениями». Такое название обусловлено «псевдотолерантностью» данного вида межвозрастных отношений, в котором декларируемое равенство возрастных статусов сопровождается нивелированием значимости объективных различий между субъектами, принадлежащими к разным возрастным группам.

Собственно возрастно-толерантные отношения предполагают реализацию принципа равенства возрастных статусов в контексте учета объективно существующих различий между возрастными группами и их представителями.

Ниже дана подробная характеристика перечисленных моделей межвозрастных отношений.

ВОЗРАСТНО-ДИСКРИМИНИРУЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ

На основе анализа отечественной и зарубежной социально-психологической литературы можно утверждать, что возрастно-дискриминирующая модель межвозрастных отношений является наиболее изученной из всех выделенных в нашей работе моделей.

Явление возрастной дискриминации попало в поле внимание социологов и психологов сравнительно недавно – в 1950-60-хх г.г. В 1969 г. американский социолог R. N. Butler предложил для обозначения возрастной дискриминации использовать понятие эйджизм, по аналогии с расизмом и сексизмом (Butler R. N., 1969). С тех пор это понятие активно используется для обозначения любых неконструктивных форм межвозрастных отношений.

Между тем, термин «дискриминация» имеет вполне определенное значение. Он происходит от латинского *discriminatio* («различение»). Согласно Толковому словарю, дискриминацию можно определить как ограничение в правах, лишение равноправия (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1998). «Современный толковый словарь русского языка» трактует это понятие как намеренное ограничение или лишение прав, преимуществ каких-либо лиц, организаций или государств по признакам расы, национальности, государственной принадлежности, имущественного положения, политических или религиозных убеждений и т.п. (Ефремова Т. Ф., 2006). Таким образом, суть дискриминации заключается в том, что, претендуя на одни и те же ресурсы, представители различных социальных групп в реальности имеют неравные возможности их получения.

Собственно возрастная дискриминация в энциклопедических изданиях практически не упоминается. В качестве оснований для дискриминации обычно рассматриваются раса, национальность, этническая принадлежность, религиозные убеждения, пол (см., например Большую Российскую энциклопедию, т. 9, 2007; Большой толковый социологический словарь, 2001; Юридический энциклопедический словарь, 2007). Эйджизм, если и упоминается, то, как правило, косвенно (так, в Большой Советской энциклопедии в качестве одного из примеров дискриминации приводится более низкий уровень оплаты труда молодежи). По всей вероятности, такая ситуация является отражением сложившейся на сегодняшний день практики отношения к проблеме эйджизма. Хотя исследования показывают, что возрастная дискриминация – это крайне актуальная проблема современного общества, которая по распространенности с успехом соперничает с сексизмом и расизмом (Palmore E., 2001), ее значительно труднее обнаружить, поскольку она воспринимается как нормативное, «правильное» по своей сути явление (Levy B. R., Vanaji M. R., 2002). Особенно ярко это проявляется в российском обществе, в котором проблема эйджизма практически не осознается ни субъектами, ни объектами дискриминации (Сикорская Л.С., 2007).

В психологической литературе проблема возрастной дискриминации, пожалуй, впервые появилась в классических трудах психоаналитиков, которые рассматривали дискриминацию по признаку возраста как неотъемлемую часть функционирования социума. Так, например, З. Фрейд отмечал, что общество изначально включает в себя неравные элементы, в том числе возрастные (взрослые и дети), что предполагает неизбежную конкурентную борьбу между возрастными группами (Фрейд З., 2005). А.Адлер, выделяя возраст в качестве одного из главных и универсальных источников неполноценности, отмечал, что возрастное неравноправие сопровождает человека на протяжении всей жизни, приобретая новые формы на каждом последующем возрастном этапе. Ребенок чувствует себя полностью зависимым от взрослых, подростки борются за признание, взрослые стремятся сохранить свой статус, а пожилые люди ощущают собственное бессилие (Адлер А., 1997).

Систематические психологические исследования возрастной дискриминации начались в 1950-60-х гг. в зарубежной науке. Сегодня наиболее характерным является определение эйджизма в терминах «дискриминирующее поведение», «негативная стереотипизация», «предубеждение», что подчеркивает его многокомпонентную природу, отражающую природу отношения как социально-психологического феномена и включающего три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий (Краснова О.В., Лидерс А.Г., 2002; Arrowsmith J., 2003; Breckler S. J., 1984; Butler R. N., 1969; Cuddy A. J. C., Fiske S. T., 2002; Eagly A. H., Chaiken S., 1998; Gatz M., Pearson C. G., 1988; Hagestad G.O., Uhlenberg P., 2005; Kimmel D. C., 1988; Palmore E., 2001; Pritchard R.D., Maxwell S.E., Jordan W. C., 1984; Rodeheaver D., 1990; Rupp D.E., Vodanovich S. J., Crede M., 2005; Schaie K. W., 1993; Traxler A. J., 1984).

Можно также отметить, что возрастная дискриминация проявляется как в межличностном, так и в межгрупповом и общественном взаимодействии людей:

- в общественных отношениях возрастная дискриминация представлена институционализированными формами эйджизма, существующими в виде узаконенных различий в правах людей разных возрастов;
- в межгрупповых отношениях возрастная дискриминация представлена в виде эффектов негативной стереотипизации взаимодействия возрастных социальных групп;
- в межличностных отношениях возрастная дискриминация проявляется в эйджистских практиках взаимодействия, детерминированных соответствующими установками.

Таким образом, возрастная дискриминация может рассматриваться в качестве модели межвозрастных отношений, поскольку соответствует феномену отношения в структурном и уровневом аспектах. *Возрастная дискриминация понимается нами как модель межвозрастных отношений, характеризующаяся реализацией представления о неравенстве статусов различных возрастных групп в контексте унифицированности образа социальной успешности, обуславливающей превосходство одних возрастных групп над другими.*

ВОЗРАСТНО-МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Как показывает анализ литературы, понятие возрастной манипуляции сегодня не встречается ни в отечественной, ни в зарубежной психологической литературе. Поэтому есть необходимость начать характеристику модели возрастноманипулятивных отношений с краткого анализа феномена манипуляции.

В психологии манипуляция понимается как вид психологического воздействия, при котором один участник («субъект манипуляции») намеренно и скрыто побуждает другого («объекта манипуляции»), к совершению необходимых ему действий (Доценко Е.Л., 1997).

В работах, посвященных манипуляции, этот вид отношений рассматривается как разворачивающийся не только в межличностном, но и в меж-

групповом и социальном взаимодействии. В частности, манипуляция может рассматриваться как форма социальной репрессии (Баукин А.В., 2007), средство разрешения межгрупповых противоречий (Кара-Мурза С.Г., 2002), средство достижения целей в актах межличностного взаимодействия (Бенденко А.В., 2000; Грачев Г.В., 2003; Знаков В.В., 2002; Чалдини Р., 2003).

Разнообразие форм реализации манипулятивных отношений обусловлено тем, что предпосылки манипулятивных практик коренятся в системе общественных отношений (Пую Ю.В., 2010), имплицитно содержащей «рычаги воздействия», в частности, нормативные образы социальных объектов, эталонные модели поведения и взаимодействия людей, стремление к соответствию которым и является механизмом трансформации как поведения «объекта» манипуляции, так и его субъективных детерминант (Паршин Б.П., Сергеев В.М., 1984). Этот тезис позволяет утверждать, что в структуре манипулятивных отношений могут быть выделены классические компоненты отношения: когнитивный и аффективный как субъективные детерминанты поведенческих изменений, и собственно поведенческий.

Особенностью манипулятивных отношений является их асимметричность: одна из сторон занимает в этих отношениях доминирующую позицию, другая является реципиентом воздействия первой. Само воздействие осуществляется на основе скрытого стимула, «замаскированного» внешним, декларируемым стимулом. Важным условием успешной манипуляции является принятие объектом манипуляции внешнего стимула; отвержение внешнего стимула, напротив, приводит к игнорированию скрытого побуждающего фактора.

Исходя из сказанного выше, возрастная манипуляция может рассматриваться как вид манипуляции, где мишенями воздействия становятся характеристики, сопряженные с возрастными ролями участников взаимодействия. «Субъект» манипуляции апеллирует к нормативному содержанию собственного возраста и/ или возраста «объекта», в результате чего воздействие осуществляется на основе стремления «объекта» к согласованности представлений, стереотипов и установок, которая является значимым фактором его психологического благополучия.

В основе возрастной манипуляции лежит стратификация возрастных отношений (Смелзер Н., 1998), затрудняющая реализацию практик равноправного взаимодействия. Амбивалентность возрастных представлений, представленных в общественном сознании, позволяет «субъекту» манипуляции использовать разные виды «пристроек» - и «снизу», и «сверху», вне зависимости от собственной возрастной роли.

Ожидаемым эффектом возрастнo-манипулятивных отношений, таким образом, является изменение поведения «объекта» манипуляции в соответствии с ожиданиями «субъекта», соответствующими его системе возрастных представлений, стереотипов и установок. Для достижения этого эффекта «субъект» реализует поведение, направленное на изменение поведения «объекта» (поведенческий компонент возрастнo-манипулятивных отноше-

ний). Это изменение происходит благодаря обращению «субъекта» к содержанию разделяемых возрастных представлений, стереотипов, установок, которое в данном контексте рассматривается как знание о «нормативных» стратегиях межвозрастного взаимодействия (когнитивный компонент), и изменению эмоционального фона «объекта» как реакции на диссонанс между «нормативными» и реальными характеристиками взаимодействия (аффективный компонент). При этом степень осознанности реализации манипулятивной модели в межвозрастных отношениях «субъектом» и «объектом» манипуляции может быть различной (Соколова Е.Т., Иванищук Г.А., 2013).

Отталкиваясь от общетеоретических представлений о феномене манипуляций, можно предполагать, что возрастно-манипулятивные отношения осуществляются:

- в общественных отношениях, где они представляют собой различные формы скрытого воздействия на возрастные группы, которые могут рассматриваться как частный случай манипуляции общественным сознанием, побуждающие их к демонстрации тех или иных форм социального поведения, соответствующих нормативным представлениям о возрастных различиях;
- в межгрупповых отношениях в форме неявной апелляции к содержанию возрастных стереотипов как абсолютной нормы социального поведения, побуждающей реализовывать возрастно-специфические модели поведения;
- в межличностных отношениях в форме скрытого побуждения партнера по взаимодействию к возрастно-ролевому соответствию в контексте реализации возрастных установок.

Таким образом, возрастная манипуляция структурно и содержательно релевантна феномену отношения, в силу чего может рассматриваться в качестве модели межвозрастных отношений. *Возрастная манипуляция понимается нами как модель межвозрастных отношений, в которых «субъекты» манипуляции имеют возможность неявно апеллировать к возрастным особенностям «объектов», трактуемым как «различия», с целью достижения собственных целей, причем эти цели могут характеризоваться разной степенью осознанности.*

ВОЗРАСТНО-ИГНОРИРУЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ

Игнорирование возрастных особенностей как отдельная модель межвозрастных отношений не упоминается ни в научных, ни в публицистических источниках, будучи описана, как правило, в терминах эйджизма, или, как ни странно, как проявление возрастно-толерантных отношений. Однако, на наш взгляд, это не вполне правомерно, поскольку, в отличие от возрастно-дискриминирующих и возрастно-толерантных отношений, возрастно-игнорирующие отношения предполагают декларацию равенства возрастных статусов при акценте на сходства различных возрастных

групп, сопровождающемся нивелированием значимости объективных различий между субъектами, принадлежащими к разным возрастным группам.

Как уже отмечалось в главе 1, «специфика возраста», под которой можно понимать типичные для определенного этапа жизненного пути человека психологические и поведенческие особенности, – это объективный факт. Она отражает, с одной стороны, закономерности онтогенеза (прежде всего, в период детства), и, с другой стороны, социо-типичные эффекты социального становления личности, влияние которых усиливается по мере взросления человека.

Игнорирование этой специфики может проявлять себя в неосведомленности об особенностях разных возрастных этапов и/или неспособности рефлексировать их проявления во взаимодействии людей (когнитивный компонент возрастно-игнорирующих отношений), негативных оценках проявлений возрастнo-специфических особенностей (аффективный компонент), отсутствии дифференциации поведенческих стратегий при взаимодействии с представителями разных возрастных групп (поведенческий компонент).

Очевидно, возрастнo-игнорирующая модель межвозрастных отношений существенно отличается от возрастнo-дискриминирующей по степени внимания к возрастной специфике людей. Настолько же значимые различия проявляются при сравнении этой модели с моделью возрастнo-толерантных отношений. Как указывает Г.Л. Бардиер, важнейшим признаком толерантных отношений является признание социально-значимых различий и поиск их альтернативных толкований, тогда как интолерантные отношения характеризуются субъективной убежденностью в безальтернативности интерпретаций (Бардиер Г.Л., 2007). Опираясь на этот тезис, возрастнo-игнорирующие отношения могут быть описаны термином «пассивная интолерантность», в противоположность «активному интолерантному» характеру возрастнo-дискриминации.

Можно предполагать, что возрастнo-игнорирующие отношения могут проявлять себя в межвозрастных отношениях различной обобщенности. В частности, в общественном взаимодействии они проявляются в форме игнорирования особенностей и потребностей отдельных возрастных групп, в межгрупповом взаимодействии – в нивелировании значения возраста как основания для социальной категоризации, в межличностном взаимодействии – в виде невнимания к возрастным особенностям партнера по взаимодействию. В целом, структурно и содержательно *возрастнo-игнорирующие отношения* могут быть выделены в качестве отдельной *модели межвозрастных отношений*, в которой декларированное равенство возрастных статусов опирается на нивелирование значимости объективных различий между возрастными группами.

ВОЗРАСТНО- ТОЛЕРАНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В настоящее время в научной литературе термин «толерантность» используется в различных контекстах и наделяется разными значениями. Одной из причин этого является тот факт, что это понятие,

будучи широко распространенным в зарубежной науке, в отечественной литературе появилось относительно недавно, и на сегодняшний день существует проблема его точного перевода на русский язык. «Толерантность» переводится как «терпимость» или как «терпение», и, несмотря на то, что данные слова являются однокоренными, они предполагают различные трактовки «толерантности». В первом случае толерантность выступает в качестве индивидуальной особенности, свойства субъекта (индивидуального или группового), а во втором – как характеристика его поведения.

Для определения возрастно-толерантных отношений более продуктивным является второй подход, позволяющий рассматривать данную модель межвозрастных отношений как субъективную сторону возрастно-толерантного поведения. При таком подходе вслед за Г.Л. Бардиер возрастно-толерантные отношения как частный случай толерантных отношений могут рассматриваться как многокомпонентный феномен, в структуре которого выделяются аффективный, когнитивный и конативный компоненты (Бардиер Г.Л., 2007). Аналогичные компоненты в структуре толерантности выделяются еще в целом ряде работ (Асмолов А.Г., 1998; Безлюева Г.В., 2003; Валитова Р. Р., 1997; Можейкина Л. Б., 2006).

В литературе отмечается, что толерантность является качеством, принадлежащим не только отдельному человеку, но и целым социальным группам, и проявляющимся только при столкновении с чем-то «другим», «чужим», «непохожим на нас» (Соколов В.М., 2003). При этом, как показывают результаты исследования Г.Л. Бардиер, интенсивность реагирования на различия определяется степенью их социальной и личностной значимости, которая, в свою очередь, зависит от особенностей социального контекста, в частности, степени напряженности социального взаимодействия с носителями отличий (Бардиер Г.Л., 2007). Как указывает Л.М. Дробижева, толерантность проявляет себя на разных уровнях анализа отношений людей: на уровне государства и социальных институтов, на уровне отдельных социальных групп и на уровне жизнедеятельности отдельных людей (Дробижева Л.М., 1998).

На основе анализа литературы можно утверждать, что феномен возрастно-толерантных отношений как особая модель межвозрастных отношений к настоящему времени не стал самостоятельным предметом научного анализа ни в теоретическом, ни в эмпирическом плане не только в отечественной, но и в зарубежной психологии. В некоторых публикациях встречается семантически близкое ему понятие «межпоколенная толерантность» (Бардиер Г.Л., 2007; Козлова О.Н., 2002; Макеева Н.Ю., 2008). Однако, как отмечает Г.Л. Бардиер, исследования межпоколенной толерантности на сегодняшний день фрагментарны и носят единичный характер (Бардиер Г.Л., 2007). Кроме того, как уже отмечалось выше, говорить о полной тождественности «межвозрастного» и «межпоколенного» не представляется возможным. Возникает необходимость дать характеристику феномену возрастно-толерантных отношений как самостоятельному аспекту толерантности личности.

В нашей трактовке в возрастно-толерантных отношениях реализуется принцип равенства возрастных статусов в контексте учета объективно существующих различий между возрастными группами и их представителями. В структуре возрастно-толерантных отношений можно выделить три компонента:

- когнитивный, включающий знания об особенностях людей разных возрастов, рефлексии собственных возрастных особенностей и особенностей других людей;
- аффективный, предполагающий эмоциональную включенность в отношения с представителями различных возрастных групп;
- поведенческий, заключающийся в реализации стратегий равноправного взаимодействия с людьми с учетом их возрастных особенностей.

Возрастно-толерантные отношения могут реализовываться во взаимодействии как индивидуальных, так и групповых субъектов. В частности, в общественных отношениях они представляют собой такую форму взаимоотношений между государством и возрастными группами, при которой создаются условия для получения возрастными группами равных условий жизни благодаря учету их возрастнo-специфических особенностей и потребностей. В межгрупповом взаимодействии возрастнo-толерантные отношения предполагают снижение выраженности эффектов возрастной стереотипизации, расширение диапазона аскриптивных возрастных свойств, потенциально атрибутируемых возрастным группам. В межличностном взаимодействии возрастнo-толерантные отношения реализуются во взаимоотношениях между людьми, построенных на принципах принятия возрастных различий с партнером и терпимости по отношению к их проявлениям.

Таким образом, возрастная толерантность может рассматриваться как феномен, представляющий собой одну из моделей межвозрастных отношений. *Возрастно-толерантные отношения в нашей работе понимаются как модель межвозрастных отношений, в которых субъекты отношений учитывают объективно существующие различия между возрастными группами и их представителями, реализуя при этом принцип равенства возрастных статусов.*

3. МЕЖВОЗРАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ «ГОСУДАРСТВО – ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ»

Межвозрастные отношения как аспект общественных отношений характеризуются отношениями между государством и людьми, представляющими различные возрастные группы, в которых истинно субъектную позицию традиционно занимает государство, законодательно закрепляя те или иные статусы различных возрастных групп и контролируя их реализацию. Возрастные группы в этих отношениях преимущественно находятся в объектной позиции, отражая формируемые и транслируемые государством нормативные возрастные представления и реализуя их в своем поведении.

Несмотря на то, что накопленные социологией, культурологией, социальной философией данные позволяют сегодня рассматривать возраст в качестве самостоятельного аспекта общественных отношений (Рыбакова Н.А., 2000), проблема возрастной стратификации общества вообще и ее социально-психологических эффектов в частности остается малоизученной.

Опираясь на принципы социально-психологического подхода к изучению явлений макросоциальной реальности (Андреева Г.М., 2008), а также на факты, представленные в главе 1, можно утверждать, что особенности межвозрастных отношений определены социально-политическими, социально-экономическими, социокультурными условиями функционирования общества. Отличительной чертой межвозрастных отношений как аспекта социальных отношений является их безличный характер, и в качестве их субъектов вполне справедливо рассматривать не отдельных личностей, а социальные роли (Андреева Г.М., 2008), в нашем случае, возрастные.

В этой связи прерогатива в изучении взаимосвязи возраста и перечисленных условий принадлежит социологии, в рамках которой существует специальный раздел – социология возраста, призванный исследовать возрастную структуру общества и отдельных социальных групп и закономерности ее развития, социальные аспекты возрастных характеристик индивидов и социальных групп (Большой толковый социологический словарь, 2001).

На основе результатов социологических исследований можно говорить о статусах различных возрастных групп, составляющих систему возрастной стратификации общества. Действия государства, на законодательном и исполнительном уровнях конструирующие возрастную-стратификационную систему и проявляющиеся в распределении прав и обязанностей, а также ресурсов между возрастными группами, составляют объективный аспект межвозрастных отношений.

Социальная психология, в свою очередь, в большей степени сосредоточена на особенностях отражения возрастной структуры общества в сознании людей и их проявлениях в социальном поведении. В этой связи в качестве субъективного аспекта межвозрастных отношений между государством и людьми, представляющими различные возрастные группы, целесообразно рассматривать возрастные представления, являющиеся частным случаем со-

циальных представлений. Возрастные представления отражают содержание возрастных ролей – социальных ролей, обусловленных стратификацией общества по возрастному признаку и определяющих нормативные стандарты социального поведения для людей разных возрастов.

3.1. Практики взаимодействия между государством и людьми как представителями возрастных групп

Практики взаимодействия между государством и людьми как представителями возрастных групп представлены взаимными действиями государства и социальной возрастной общности как структуры государственности, определяющими социально-политический статус возрастных групп в современном обществе и регулируемыми отношениями между ними (Ковалева Г.А., 2002). На основе анализа результатов социологических исследований можно констатировать, что возрастные группы занимают разное место в системе социально-политических ценностей государства.

Во-первых, можно констатировать, что государство на законодательном уровне во многом определяет систему взглядов на нормативность различных видов деятельности для представителей различных возрастных групп: учебной – для детей, трудовой – для взрослых, послетрудовой (роль пенсионера) – для пожилых людей.

Так, детям традиционно приписывается роль воспитанника или учащегося. Начиная с 1918 г., когда было принято «Положение о единой трудовой школе РСФСР», обязательность включения ребенка в образовательную деятельность закреплена законодательно (Российская педагогическая энциклопедия, 1993). Конституция РФ гарантирует гражданам бесплатное получение основного среднего образования в пределах государственных образовательных стандартов до 18-летнего возраста. Согласно ныне действующему Закону РФ об образовании, ребенок получает статус воспитанника по достижению им возраста двух месяцев, а статус учащегося – в возрастном диапазоне 6,5-8 лет. При этом подчеркивается, что начальное и среднее общее образование являются обязательными уровнями образования, причем это требование сохраняется применительно к конкретному учащемуся до достижения им 18 лет (за исключением особых случаев, оговоренных в законе)⁵.

Людям, достигшим пенсионного возраста, законодательно предписан статус пенсионера. Пенсионное обеспечение по старости было введено в СССР в 1932 году. Пенсионный возраст был установлен в границах 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин и с тех пор ни разу не менялся. Достигнув этого возраста, гражданин прекращает платить пенсионные взносы и начинает получать выплаты из пенсионного фонда (Роик В.Д., 2012). Закон не запрещает человеку, достигшему пенсионного возраста, продолжать трудо-

⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" // <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (01.08.2013)

вую деятельность, однако косвенными законодательными мерами содействует снижению его профессиональной активности: в частности, согласно Закону «О занятости населения в РФ», статус пенсионера исключает статус безработного⁶.

В этом же законе обозначается приоритетная возрастная группа людей, занятых в профессиональной деятельности – трудоспособные совершеннолетние люди. Трудовая деятельность людей, не достигших совершеннолетия, регулируется отдельными статьями КЗоТа и имеет достаточно большое количество ограничений в сравнении с трудовой деятельностью совершеннолетних⁷. Помимо этого, Семейным кодексом РФ предписывается, что взрослые люди должны выступать основным источником поддержки и заботы для детей и подростков, и, при определенных условиях, пожилых людей, являющихся членами их семей, в том числе и в форме алиментных обязательств⁸.

Другой типичной формой взаимодействия государства и возрастных групп является практика возрастной дифференциации, под которой понимаются ограничения, производные от реальных возрастных особенностей человека (Pasupathi M., Lockenhoff C.E., 2002; Hagestad G.O., Uhlenberg P., 2005). Возрастная дифференциация основана на реальных различиях людей, находящихся на различных возрастных этапах. Законодательно закрепленные возрастные ограничения («дискриминация de iure») касаются, прежде всего, детей и молодых людей, и это признается нормальным и правильным даже в демократических государствах, в то время как подобные ограничения пожилых людей рассматривается как нарушение их прав. Например, в российском законодательстве установлены возрастные цензы, задающие нижний возрастной порог активного осуществления избирательного права, выдвижения кандидатуры на ту или иную государственную должность и т.д. Для людей других возрастов таких законодательных ограничений не предусмотрено. Отмечается, что при определении возрастных цензов возникает большое число разногласий. Развитие избирательного права, в частности, идет по пути снижения возрастного порога, в то время как возраст ограничений доступа к продуктам «взрослой» культуры постепенно увеличивается (Автономов А.С., 2005).

Еще одной формой межвозрастного взаимодействия в системе «государство – человек как представитель возрастной группы» является государ-

⁶ О занятости населения в РФ. (в редакции Федерального закона от 20.04.1996 № 36-ФЗ, с изменениями на 23.02.2013) //

http://www.rspb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=153&Itemid=177
(01.08.2013)

⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации (с изменениями на 23.07.2013) //

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073987&rdk=&backlink=1> (01.08.2013)

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 29.12.95 N 223-ФЗ, с изменениями на 01.06.2009) //

http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/national_law/extended/index.php?do4=document&id4=7368a0bf-8291-4bfe-a615-d42bedba5478 (01.08.2013).

ственная поддержка людей разных возрастов, прежде всего детей, молодежи и пожилых людей. Она опирается на традиции призрения в древних славянских общинах, объектами которой традиционно становились нуждающиеся категории членов общины, прежде всего дети и старики, воспринимавшиеся в то время как представители единой социально-возрастной группы (Поддубная Т.Н., 2006). По мере распространения христианства и сопряженной с ним философии деятельной любви к ближнему начинает формироваться государственная политика помощи детям и старикам, основы которой обозначены в Уставе князя Владимира (996 г.) и «Русской Правде» (1072 г.). Первоначальные формы социальной поддержки носили характер благотворительности. Поддержка осуществлялась преимущественно князьями или церковью. Появление государственных форм социальной поддержки детей и пожилых людей связано с именем Петра I, который законодательно урегулировал частную благотворительность и создал условия для появления государственных учреждений социального призрения (Василькова Ю.В., 2000). Система социальной поддержки детей и пожилых людей в дальнейшем совершенствовалась по пути повышения ее дифференцированности и адресности.

Сегодня забота о детстве занимает значимое место в системе государственной поддержки. Государство обеспечивает права и свободы ребенка, которые после ратификации Россией Конвенции ООН о правах ребенка в 1993 г. выражаются, прежде всего, правами и свободами самовыражения, мысли, совести, религии и объединений. Система социальной защиты детства предполагает комплекс законодательно закрепленных социальных гарантий, которые противодействовали бы потенциальным факторам, дестабилизирующим жизнь ребенка: семейному неблагополучию, безнадзорности, бедности и т.д. (Лазуренко Н.В., 2009).

Однако необходимо учитывать, что в современном обществе не считается, что дети способны нести ответственность за свои поступки, в силу чего нуждаются в особом статусе, который с необходимостью должен отражаться в законодательных актах.

Возникающее противоречие находит отражение в отсутствии единой точки зрения на определение места ребенка в обществе, целях и задачах обучения и воспитания (Вялова Г.П., 1995; Рыбинский Е.М., 2004). В силу этого действия государства по обеспечению прав и свобод ребенка зачастую оказываются формальными, защита детства при определенных условиях превращается в его ограничение и подавление (Ковалева Г.А., 2002). По утверждению Л.Л. Мехришвили, в настоящее время в России отсутствует единая конструктивная концепция социальной политики детства, что приводит к отставанию власти от формирующихся на фоне происходящих в государстве социально значимых событий и тенденций в детской среде (Мехришвили Л.Л., 2007). Анализ целей и задач федеральной целевой программы «Дети России», реализованной в 2007-2010 г.г., свидетельствует о том, что к числу

детей, приоритетно получающих помощь от государства, относится только несколько групп детей: дети-инвалиды, дети-сироты, одаренные дети⁹.

Особый характер имеют отношения между государством и молодежью. Молодежная политика в России выделилась в самостоятельную сферу государственной деятельности относительно недавно. Юридически это произошло в 1991 г.¹⁰ в связи с принятием закона «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», который гарантировал равноправное участие молодежи в общеполитических и общесоциальных процессах, и созданием Госкомитета по молодежной политике (Омельченко Е.Л., 2005). Предпосылками этого закона послужила деятельность ВЛКСМ по работе с молодежью, в том числе отраженная в планах социально-экономического развития областей, городов, районов, отдельных трудовых коллективов предприятий ведущих отраслей народного хозяйства СССР (Основы ювенологии, 2002). В данный момент органы по делам молодежи имеются во всех субъектах Российской Федерации, и можно констатировать, что в России в целом создана вертикальная структура государственной реализации молодежной политики (Ильинский И.М., 2001).

Сегодня молодежь рассматривается как автономная социокультурная группа, в определенной степени дистанцирующаяся от легитимных социальных норм и ценностей (Омельченко Е.Л., 2000). При этом подчеркивается, что молодежная группа неоднородна в социальном аспекте (Лисовский В.Т., 1996). Эти факторы в совокупности являются фактором риска маргинализации молодых людей, профилактика и преодоление которой рассматривается как приоритетная задача социальной молодежной политики (Савченко И.П., 2002).

Федеральная целевая программа «Молодежь России», реализованная в 2001-2005 г.г., предполагала решение самых разнообразных проблем молодежи, препятствующих ее интеграции в социальную жизнь: профессиональных, жилищных, медицинских и т.д.¹¹. Однако ее эффективность была оценена неоднозначно, в том числе из-за нечеткого формулирования проблемного поля и слишком широкого диапазона поставленных целей и задач¹². В кон-

⁹ Постановление Правительства РФ от 21 марта 2007 г. N 172 "О федеральной целевой программе "Дети России" на 2007 - 2010 годы" (с изменениями и дополнениями) // http://base.garant.ru/190869/#block_1000 (01.08.2013)

¹⁰ Для сравнения необходимо отметить, что в некоторых европейских странах история молодежного законодательства насчитывает около 150 лет (Кирсанова Е.П., 1998.)

¹¹ Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2000 г. N 172 "О федеральной целевой программе "Молодежь России" на 2001 - 2005 годы" (с изменениями и дополнениями) // <http://docs.cntd.ru/document/901778285> (01.08.2013)

¹² Федеральная целевая программа "Молодежь России (2001-2005 годы)": эффективность и перспективы. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. -№ 31 (251) //

цепции федеральной целевой программы «Молодежь России», рассчитанной на реализацию в 2011-2015 г.г., однако не нашедшей государственной поддержки, основными проблемами современной российской молодежи наряду с проблемами получения образования и трудоустройства признаются такие характеристики социально-психологического порядка, как несоответствие жизненных установок, ценностей и моделей поведения молодых людей потребностям страны, отсутствие интереса к участию в общественно-политической жизни общества, отсутствие национальной и социокультурной самоидентификации, отсутствие знаний о других народах, культурах и религиях, наличие негативных этнических и религиозных стереотипов. Однако при том, что основной задачей ФЦП «Молодежь России» является повышение качества жизни молодежи, основной акцент делается на устранение диспропорций на рынке труда путем сокращения безработицы среди молодых людей, повышения их профессиональной мобильности, вовлечения в волонтерскую деятельность, поддержки талантливой молодежи, развития лидерского и управленческого потенциала¹³. Меры, содействующие изменению проблем, имеющих социально-психологическую природу, в программе представлены незначительно. По сути, молодежная политика приравнивается к элитарной, направленной на поддержку просоциальных групп молодежи, в то время как по отношению к остальным группам она носит сугубо репрессивный характер, что на деле лишь ухудшает социальную ситуацию в обществе (Савченко И.П., 2002).

Социальная политика в области государственной поддержки и защиты людей пожилого возраста базируется на идее необходимости повышения качества жизни представителей этой возрастной группы, как посредством повышения качества предоставляемых этой возрастной группе государством услуг, так и посредством социальной поддержки и помощи пожилым людям и их семьям (Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г., 2003.). Однако, как показано во многих социологических исследованиях (см., например, Гладкова М.М., 2009; Кувшинова О.А., 2012.), решение этих задач упирается в объективно существующий недостаток финансирования, определяемый, в том числе, и увеличением темпов старения населения. В итоге, реальное социально-экономическое положение пожилых людей вступает в противоречие с официальной пропагандой необходимости заботы общества о пожилых людях (Саралиева З. М., Балабанов С. С., 1999). Решение этого вопроса, по мнению ряда авторов (Владимиров Д. Г., 2004; Спасибенко С. Г., 2003) заключается в содействии трудовой занятости тех пожилых людей, которые в силу своего

<http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2004/vestniksf251-31/vestniksf251-31000.htm> (01.08.2013)

¹³ «Концепция федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2011-2015 г.г. // http://www.timolod.ru/helpful/for_specialists/useful_docks_spices/Molodej_rossii.pdf (01.08.2013)

желания и возможностей ориентированы на продолжение трудовой карьеры. Однако, как свидетельствуют цели и задачи федеральной целевой программы «Старшее поколение», реализованной в 2002-2004 г.г.¹⁴, а также практика последних лет, трудоустройство пожилых людей не рассматривается в числе приоритетных направлений социальной политики.

В целом, можно говорить о том, что межвозрастной аспект общественных отношений характеризуется опосредованным государственной политикой неравенством возрастных групп, проявляющимся как в плане возможностей, которые имеет каждая возрастная группа в контексте участия в жизни общества, так и в плане распределения ресурсов социальной поддержки между ними. Обозначенное неравенство базируется на представлениях об особенностях каждого возрастного этапа и, по сути, воспроизводит и закрепляет эти представления, легитимизируя их. В частности, на уровне государственной политики легитимизируется приоритет взрослости как периода наибольших социальных возможностей и наименьших потенциальных сложностей.

Можно ожидать, что это неравенство обнаружит себя и в содержании возрастных представлений как социально-психологической детерминанты межвозрастного аспекта общественных отношений. Помимо этого, необходимо подчеркнуть, что декларируемые государством приоритеты в области социальной поддержки возрастных групп зачастую вступают в противоречие с реальной практикой, что также может находить отражение в содержании возрастных представлений.

3.2. Возрастные представления как социально-психологический феномен

В современной отечественной и зарубежной психологической литературе термин «возрастные представления» нам не встретился, однако обнаружилось несколько семантически близких понятий: «возрастно-ролевые ожидания» (Панина Н.В. 1982), «образ возраста» (Солдатова Е.Л., 2007), «прекрепитивные образы возрастных этапов» (Кон И.С., 1988) и др. В соответствие с этим, феномен возрастных представлений в данной работе будет описан с опорой, во-первых, на социально-психологические знания о социальных представлениях вообще, и, во-вторых, на исследования представлений о возрастной структуре общества, рассредоточенных в различных социологических и социально-психологических источниках.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Возрастные представления понимаются нами как разновидность социальных представлений, обусловленные общественно-историческим контекстом способы интерпретации возрастной дифференциации и стратификации общества. Такая трактовка базируется на теории социальных представлений, разработанной французской

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 29 января 2002 г. N 70 "О федеральной целевой программе "Старшее поколение" на 2002 – 2004 годы" (с изменениями и дополнениями) // http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_31957.html (01.08.2013)

школой социальной психологии (С. Московичи, В. Дуаз, Д. Жодоле и др.), согласно которой социальные представления можно определить как универсальный социально-психологический феномен, объединяющий идеи, мысли, образы и убеждения, которыми совместно пользуются члены общности (Augoustinos M., Innes J.M., 1990). Социальные представления определяют смысловые границы, в которых трактуются социально-значимые объекты, а также отношение к этим объектам (Андреева Г.М., 1997). При этом социальные представления, по утверждению С. Московичи, настолько глубоко проникают в реальность, что, по сути, создают сами себя (Московичи С., 1995). Это позволяет признать, что социальные представления обладают конструкционистским потенциалом, не только отражая реальность, но и активно участвуя в ее формировании (Емельянова Т.П., 2006).

Важнейшим моментом теории социальных представлений является акцент на социальной детерминированности содержания и процесса формирования представлений. Как указывается в энциклопедическом словаре «Психология общения», «социальность социального представления заключается в том, что оно возникает в интерсубъектной реальности, развивается в социальном пространстве и действует как часть социальной жизни» (Психология общения, 2011). Благодаря этому человек получает «систему координат», в которой можно вычислить свое положение в системе возрастной стратификации общества и соотнести его с положением партнеров (Дудученко О.Н., Мытиль А.В., 1995).

Обозначенные особенности социальных представлений вполне применимы к возрастным конструктам. По мнению J. Meyer, жизненный путь представляет собой центральную идею организации жизни современного общества, обеспечивая нормативность переходов от одного возрастного этапа к другому (Meyer J., 1988). Необходимо отметить, что и в медицинских, и в психолого-педагогических периодизациях, как правило, подчеркивается, что границы возрастов условны, не имеют самостоятельного значения и могут рассматриваться лишь как усредненные ориентиры периодизации развития человека (Толстых А.В., 1988). Тем не менее, в современных возрастных периодизациях наблюдаются существенные сходства в выделении отдельных возрастных этапов, особенно это касается первой трети жизни человека (см. приложение 3). Представляется, что эта особенность возрастных периодизаций связана со сложившимися в современной отечественной культуре представлениями о временных этапах человеческой жизни, причем детство периодизируется в строгом соответствии со сложившейся системой воспитания и обучения, в то время как для последующих этапов жизненного пути человека подобные однозначные основания в культуре не представлены.

Исследования социологов показывают, что возраст можно отнести к числу базовых конструктов, лежащих в основе социальной реальности (Климова С.Г., 2002), он является важнейшим параметром социального сравнения

(Ширков Ю.Э., 1997)¹⁵. Соответственно, возрастные конструкты детерминируют способы интерпретации социальной реальности, организацию социального взаимодействия, характеристики репрезентации возрастной идентичности в поведении, принимаемые личностью возрастные задачи развития, выполняя тем самым весь спектр функций, которыми традиционно наделяются социальные представления (Андреева Г.М., 1997): социального познания, опосредования поведения, социальной адаптации.

Обобщая имеющиеся в современной литературе сведения о социальных представлениях, П.В. Шихирев предлагает ориентироваться на такие их характеристики, как единство рационального и чувственного компонентов в структуре образа, составляющего содержание представления, конструкционистский потенциал представлений, их символический характер, взаимосвязь с языком и культурой (Шихирев П.Н., 1999). Все перечисленные характеристики проявляют себя и при анализе возрастных представлений.

Так, единство рационального и чувственного компонентов возрастных представлений проявляет себя в широком диапазоне возрастнo-оценочных суждений, построенных на существующих в культуре «возрастных нормах» поведения: «маленький старичок», «великовозрастный ребенок» и т.д. В основе подобных суждений лежат возрастнo-ролевые ожидания – нормы и требования, предъявляемые к индивидам, достигшим границ определенного возраста, отражающиеся в ожидании от них включения в круг определенных ролей, соотносящихся с данным возрастом и социальным статусом (Панина Н.В., 1982).

Конструктивистский потенциал возрастных представлений как разновидности социальных представлений проявляет себя в способности конструировать поведение людей разных возрастов посредством трансляции нормативных образцов поведения для каждого возраста. Механизмы социального конструирования возраста подробно охарактеризованы А.А. Смолькиным на примере старости. Наиболее значимыми среди них оказались академический дискурс о различных возрастах жизни, культурные дискурсы, представленные, прежде всего, СМИ, пуэрлистичность общественного сознания, типичные формы межпоколенческого взаимодействия и регулирующие его нравственные нормы (Смолькин А.А., 2004). Пользуясь терминологией П.Бергмана и Т. Лукмана, можно сказать, что возрастные представления в процессе конструирования реальности опривычивают возрастную категорию

¹⁵ В исследовании репрезентаций возрастных представлений в массовой культуре (на примере анализа содержания анекдотов), проведенном совместно с П.В. Румянцевой, нами было показано, что в ситуациях возрастной категоризации доминирующую роль играют именно социально-психологические и социальные признаки человека, сопряженные с возрастом, что подчеркивает значимость возраста как категории социального сравнения (более подробно см. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: изд-во РГПУ им Герцена, 2008. – 118 с.)

зацию как механизм регуляции социального поведения, типизируют людей, разделяя их на возрастные группы, институционализируют сконструированные различия и легитимизируют их (Бергер П., Лукман Т., 1995), что наглядно прослеживается в практиках взаимодействия государства и возрастных групп, анализ которых был представлен в предыдущем параграфе.

Символический характер возрастных представлений и их культурная опосредованность определяется пространством возрастного символизма культуры – системы образов, в которой культура воспринимает и осмысляет возрастную стратификацию общества (Кон И.С., 1988). Символичность возрастных представлений прослеживается во взаимосвязи многочисленных периодизаций жизненного пути, принятых в различных культурах, с символикой чисел (Кон И.С., 1988), символикой роста, развития и увядания (Фрезер Дж., 1980), символизацией границ возрастных этапов различными обрядами перехода (Мид М., 1988; Элиаде М., 1996).

Взаимосвязь возрастных представлений с языком, репрезентирующим общекультурный возрастной дискурс, наиболее полно представлена в исследованиях филологов. Филологами, в частности, описаны устойчивые характеристики и оценки, связанные с концептами возраста в русском лингвокультурном сообществе. Концепт детства оказывается семантически связан с представлениями об отсутствии развитых умений и навыков, искушенности в каком-либо деле. Молодость ассоциируется с энергичностью, живостью, подвижностью, здоровьем, силой, бодростью, и неопытностью. Зрелый возраст связывается с расцветом, полнотой физического и умственного развития. И, наконец, концепт старости коррелирует с понятиями «слабость», «усталость» и «недостаток жизненных сил» (Волкоморова О.Б., 2006). Аналогичные результаты получены Н.В. Крючковой относительно содержания возрастных концептов во французском языке (Крючкова Н.В., 2006), а М.И. Любиной и В.И. Заботкиной – в английском (Заботкина В.И., 1989; Любина М.И., 2006).

Можно предположить, что возрастные представления активно начинают усваиваться человеком с раннего детства благодаря основным институтам социализации. В процессе социализации человек, с одной стороны, интериоризирует элементы системы возрастного символизма культуры, а с другой стороны – воспроизводит эту систему в своей деятельности посредством «возрастно-специфического» поведения.

Так, в семье ребенок впервые сталкивается с проблемой межвозрастных отношений с людьми во взаимодействии с различными поколениями семьи, получает первые модели возрастного-специфического поведения. Несмотря на то, что во внутрисемейном взаимодействии возрастные стереотипы во многом вплетены в ролевые («мать», «отец», «ребенок», «дед», «бабушка» и др.), и для обыденного сознания неотделимы от нее, возрастносоциализирующее воздействие может присутствовать в каждом элементе взаимодействия, поскольку любой из них потенциально заключает в себе огромное количество смыслов, в том числе и возрастн-

идентифицирующих. Одной из наиболее ярких сфер формирования возрастных представлений в семье являются внутрисемейные нормы, задающие основные векторы поведения всех членов семьи. Их конкретное содержание отражает представления семьи об аскриптивных возрастных свойствах, типичных «возрастных дисплеях», которые в силу своей «социальной нормативности» являются мощными регуляторами поведения человека. Во многих случаях, как, например, в ситуации распределения прав и обязанностей, апелляция к возрасту является одним из главных аргументов сторон: «В твоём возрасте уже пора...», «В твои годы уже нельзя...» и т.д. Обращение к возрасту в этом контексте не обязательно вербализуется, но может присутствовать в «свернутом» виде. Особенно очевидно это проявляется в различных формах материализации возрастано-социализирующего воздействия, таких как, например, способ оформления пространства для того или иного члена семьи, использование различных форм обращений в его адрес, выбор подарков и др. Особую роль играют семейные события, имеющие «инициирующий» смысл, то есть фиксирующие изменения возрастного статуса членов семьи. По сути, речь может идти о том, что семья – одно из основных пространств взросления и старения. В силу своей значимости межвозрастные отношения в семье могут становиться фактором невротизации личности, что происходит, прежде всего, в ситуации противоречивых социализирующих воздействий (например, когда человек не имеет устойчивого возрастного статуса во внутрисемейном взаимодействии, что позволяет ему в одних ситуациях становиться «еще маленьким», а в других – «уже взрослым»).

В дошкольном учреждении и школе ребенок сталкивается с системой возрастано-специфического обучения. В сегодняшних детских образовательных учреждениях существует тесная связь между возрастом детей и структурой, которая объединяет их вместе, придает каждому году в детском саду и школе свою индивидуальность. У каждого ребенка тот же возраст, что и у всех его одноклассников, и каждый класс принимает определенный вид, результатом чего является разобщенность между разными классами как возрастными группами, которые в реальности очень близки. Ребенок меняет свой возраст каждый раз, как только меняет свой класс, переходя в следующий. Исследователи склонны объяснять это тем, что время школьной жизни ребенка совершенно явным для него самого образом структурировано таким формальным признаком, как «классовая» принадлежность (Фруммин И.Д., Эльконин Б.Д., 1993). Так, Б.И. Хасан и Ю.А. Тюменева в ходе анкетирования школьников выявили, что градация школьного «движения» в период с первого по одиннадцатый класс вполне инструментально воспринимается детьми как возрастано-идентификационные метки (Хасан Б.И., Тюменева Ю.А., 1995). Благодаря этому качественные различия каждому этапу школьного обучения, помимо среднестатистического уровня развития высших психических функций, придают и возрастные стереотипы: к учащимся разных классов предъявляются разные требования, и то, что допустимо в первом

классе, абсолютно неприемлемо в восьмом или одиннадцатом. Таким образом, очевидно, что образовательные учреждения являются важнейшим источником формирования возрастных представлений.

Средства массовой информации предлагают ребенку обобщенные возрастные образы (в сказках, детской литературе, мультфильмах, рекламе и т.д.). Так, по данным, которые приводит Р. Харрис, анализируя рекламную продукцию, американские СМИ, как правило, изображают пожилого человека, лишая его индивидуальных черт. Для этих образов характерны следующие особенности: физическая и умственная слабость, плохое здоровье, отсутствие интереса к сексуальной активности, раздражительность, недовольство и внешняя непривлекательность. Даже в тех случаях, когда пожилые люди изображаются позитивно, они, как правило, исполняют ограниченный диапазон ролей, преимущественно семейных и практически никогда – профессиональных (Харрис Р., 2002). Пожилые чаще, чем остальные, становятся комическими персонажами, для чего эксплуатируются представления об их физической, познавательной, и сексуальной неэффективности (Zebrowitz L. A., Montepare J. M., 2000). Аналогичные представления транслирует и художественная литература, как зарубежная (Harwood J., 2000; McGuire S. L., 1993; Treybig D.C., 1974), так и отечественная (Николин В.В., 2000). Детские образы, напротив, формируют представление о детстве как о ступени к взрослой жизни, периоде доверчивости, наивности и несамостоятельности (Злотникова Т.С., 2002).

Исследованиями D. Davidson, Luo Zupеi и В. R. Fulton показано, что возрастные представления в общем виде уже сформированы к 6-7-летнему возрасту (Davidson D., Zupеi Luo, Fulton B. R. 2008). Однако, несмотря на то, что человек с самого рождения окружен возрастнo-специфической информацией, сегодня процесс усвоения возрастных представлений во многом затруднен. Это связано, прежде всего, с тем, что в современной культуре во многом утрачены «метки возраста», ритуалы перехода от одной возрастной ступени к другой, различные мероприятия инициационного характера (Кле М., 1991; Ремшмидт Х., 1994). В итоге, возникающие пробелы в возрастных представлениях могут заполняться различными стихийно возникшими возрастными метками, в том числе девиантным поведением (Савков С.Н., 1999).

СОДЕРЖАНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Проведенное нами исследование (n=633 в возрасте 8-76 лет, анкетирование) показало, что возрастные представления содержательно концентрируются вокруг сфер семейного и профессионального взаимодействия, что еще раз подтверждает факт приоритетности именно этих контекстов реализации межвозрастных отношений. Полученные данные свидетельствуют о том, что возрастные представления людей, относящихся к различным возрастным группам, содержательно отражают объективные характеристики отношений между возрастными группами и государством. Это ярко проявляется, в част-

ности, в тех задачах в структуре общественной жизни, которые приписываются людям разных возрастов. Помимо этого, обращает на себя внимание сходство возрастных представлений, типичных для разных возрастных групп, которое можно трактовать как их содержательную универсальность.

Так, основные задачи детства, согласно возрастным представлениям, связаны с учебной деятельностью. Это отмечают как сами дети (72,4 % из числа опрошенных), так и представители других возрастных групп (в среднем около 75 % от общего числа испытуемых).

Основные задачи подростничества в возрастных представлениях также связаны с получением образования (в этом случае профессионального), что отмечено примерно каждым третьим испытуемым независимо от возрастной принадлежности. Помимо этого, примерно такой же процент испытуемых обозначили в качестве функции возрастной группы подростков обобщенную «подготовку к взрослой жизни», отражающую общекультурную модель осмысления подросткового возраста как самостоятельного этапа жизненного пути.

В качестве приоритетной задачи взрослых более половины опрошенных обозначили трудовую деятельность: согласно магистральным возрастным представлениям взрослый человек должен работать. Это представление отражено в ответах 61,3 % детей, 53,9 % подростков, 57,9 % взрослых и 45,5 % пожилых людей.

Небольшие расхождения наблюдаются только в содержании представлений о пожилом возрасте. Если по мнению детей и подростков ключевая задача пожилых людей заключается в реализации «пенсионного образа жизни» (54,8 % и 37,1 % соответственно), то в содержании представлений взрослых и пожилых людей выражен элемент трансляции накопленного опыта, указанный каждым третьим опрошенным взрослым и каждым вторым пожилым.

При содержательном сходстве возрастных представлений, констатированном выше, необходимо обозначить, что в возрастных представлениях испытуемых, относящихся к разным возрастным группам, прослеживаются разнонаправленные «векторы ответственности». Так, дети и подростки ожидают, что взрослые будут их воспитывать (эта идея представлена в ответах 48,4 % и 47,1 % опрошенных соответственно), зарабатывать деньги (32,3 % в выборке детей), пожилые люди ожидают от них заботы и поддержки в свой адрес, а также в адрес детей (31,7 %). Эти представления вполне вписываются в идею доминирования статуса взрослого в сравнении с остальными возрастными модусами жизни и полностью отражают объективные практики межвозрастных отношений в системе «государство – человек как представитель возрастной группы», проанализированные в предыдущем параграфе. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в возрастных представлениях взрослых прослеживается «запрос» на встречную поддержку от других возрастных групп («Основная функция детей – радовать родителей» – 14,4 %; «Основная функция пожилых людей – помогать по хозяйству» – 34,9 %), который не находит полной поддержки в содержании представлений о собст-

венных функциях групп-адресатов. Таким образом, можно отметить, что в возрастных представлениях проявляется асимметричность статуса взрослых, которые часто оказываются в ситуации, когда приписываемая им ответственность не подкрепляется встречной поддержкой со стороны представителей других возрастов.

Тем не менее, в целом в содержании возрастных представлений проявляется содержательное сходство в трактовке различных возрастных категорий представителями разных возрастных групп вне зависимости от того, какой именно возрастной этап оказывается в «фокусе интерпретации»: специфичный для собственной возрастной группы или какой-либо другой. Можно говорить о содержательной универсальности возрастных представлений, реализуемых в межвозрастных отношениях в социальном взаимодействии как внутри каждой возрастной группы, так и между возрастными группами. Это в полной мере характерно для возрастных групп детей, подростков и пожилых людей, и в несколько меньшей степени для группы взрослых, в содержании возрастных представлений которых выделяется специфический содержательный компонент – представление о взаимной ответственности возрастных групп, отражающий объективную асимметричность социального статуса данной возрастной группы.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ВОЗ- РАСТНЫХ ПРЕД- СТАВЛЕНИЙ

Анализ ответов испытуемых на вопрос о том, в каком возрасте, по их мнению, у человека больше всего возможностей, продемонстрировал неоднородность возрастных представлений. Так, часть испытуемых более или менее однозначно выделяла один возрастной этап (в подавляющем большинстве случаев – взрослость), в то время как другие испытуемые затруднялись с однозначным ответом, находя преимущества для нескольких возрастов сразу.

Эти результаты позволили нам высказать предположение о существовании двух разных *типов возрастных представлений*. Возрастные представления первого типа могут быть названы итеративными¹⁶. В содержании итеративных представлений центральное место занимает идея о том, что доминирующим возрастным модусом бытия, для которого характерна максимальная доступность различных ресурсов (материальных и нематериальных), является взрослость, поэтому достижение и/или сохранение статуса взрослого может рассматриваться в качестве приоритетной задачи продвижения по жизненному пути. Возрастные представления второго типа – континуальные представления, – напротив, опираются на идею о том, что доступность ресурсов не определяется хронологическим возрастом, и каждый возрастной период жизни человека обладает самостоятельной ценностью.

¹⁶ От понятия «итерация» - стремление к воспроизводству доминирующего возрастного статуса (см. главу 1)

Континуальные возрастные представления содержательно представлены идеями об отсутствии прямой связи между возрастом человека и его значимостью в контексте семейного и профессионального взаимодействия. В частности, они могут быть выражены утверждениями о том, что профессиональные возможности и вклад в благополучие семьи не определяются однозначно возрастом человека. Содержание итеративных представлений противоположно и заключается в утверждении, что взрослость – наиболее эффективный и значимый период как в профессиональном, так и в семейном плане (см. рисунок 5).

Рисунок 5. Эмпирическая типология возрастных представлений

Контент-анализ ответов испытуемых, проведенный по основанию «континуальные возрастные представления – итеративные возрастные представления», продемонстрировал различную степень распространенности выделенных типов возрастных представлений в разных возрастных группах. Выраженность итеративных представлений по мере продвижения по жизненному пути снижается, в то время как выраженность континуальных – возрастает. Так, в выборке детей и, в меньшей степени, подростков, большее распространение имеют итеративные возрастные представления (80,6 % и 59,2 % соответственно). В выборках взрослых и пожилых людей, напротив, доминируют континуальные возрастные представления (71,8 % и 77,2 %).

Доминирование итеративных представлений в детской и подростковой выборках оказалось вполне ожидаемым. Дети и подростки зачастую демонстрируют ориентированность на скорейшее взросление, связываемое ими с получением «взрослых», на их взгляд, прав и свобод (Жарков Г.В., 2000; Люблева Е.Ю., 2011; Фиофанова О.А., 2008), хотя некоторыми исследованиями констатируется определенное снижение данной тенденции в современной ситуации развития детей (Нилопец А.М, 2010).

Преимущественная континуальность возрастных представлений взрослых и особенно пожилых людей, выявленная в нашем исследовании, не со-

гласуется с имеющимися в зарубежной социально-психологической литературе данными о том, что для этих возрастных групп типичным является стремление поддержать/сохранить статус взрослого человека как один из механизмов поддержания позитивной возрастной идентичности. Можно предполагать, что данная рассогласованность обусловлена различиями социокультурного контекста осуществления межвозрастных отношений. Вероятно, ограниченность объективных возможностей поддержания «взрослого» модуса бытия для пожилых людей, отмеченная в предыдущем параграфе, препятствует реализации данного механизма, в результате чего взаимосвязь между модальностью возрастной идентичности и типом возрастных представлений в возрастных группах взрослых и пожилых людей носит обратный характер: итеративные возрастные представления сопряжены с нормативной возрастной идентичностью только в группе подростков ($0,05 < \alpha < 0,01$), в выборках взрослых и пожилых людей наблюдается обратная тенденция.

Таким образом, можно предполагать, что итеративные и континуальные возрастные представления могут иметь для своего носителя различное значение в зависимости от того, насколько преодолит его нынешний возрастной статус. В детском и подростковом возрасте достижение более высокого возрастного статуса вполне реально и ожидаемо, в силу чего, принимая в целом свой возраст, человек стремится в более статусную возрастную группу. Во взрослом и пожилом возрасте такой возможности объективно нет, и на фоне появляющегося опыта неоднозначности статуса взрослого континуальные представления начинают вытеснять итеративные.

Результаты нашего исследования позволяют также утверждать, что возрастные представления находят выражение в поведении своих носителей. В частности, сопоставление распространенности различных типов возрастных представлений в группах работающих (то есть демонстрирующих «взрослую» модель поведения) подростков и пожилых людей показало, что подростки (на уровне тенденции) и пожилые люди (критерий ϕ^* , $\alpha \leq 0,05$), для которых характерны итеративные представления, чаще склонны реализовывать элементы «взрослого» поведения.

ФУНКЦИИ ВОЗРАСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Полученные результаты позволили уточнить *функции возрастных представлений* как частного случая социальных представлений. Функция интерпретации социальной реальности заключается в том, что возрастные представления содержат информацию о возрастной структуре общества. Функция регуляции социального поведения определяет приоритет тех или иных поведенческих моделей: либо соответствующих своей возрастной группе, либо возрастной группе взрослых, статус которой соответствуют доминирующему модусу жизненного пути. Адаптивная функция возрастных представлений проявляется в том, что они позволяют поддерживать позитивную возрастную идентичность: итеративные – в тех случаях, когда достижение более высокого статуса объективно возможно (в детстве и

подростничестве), континуальные – когда это невозможно (во взрослом и пожилом возрасте).

3.3. Модели межвозрастных отношений, реализующиеся в системе «государство – человек как представитель возрастной группы»

Результаты проведенного нами исследования, направленного на выявление моделей межвозрастных отношений, реализующихся в системе «государство – человек как представитель возрастной группы» (128 человек в возрасте 8-74 года, контент-анализ текстов эссе) показали, что представители всех без исключения возрастных групп чаще всего констатируют возрастно-дискриминирующую модель отношений с государством (средний показатель составляет 45,7 %). При этом в выборках детей и подростков ярко прослеживается тенденция трактовать в качестве дискриминационной практику возрастных цензов, как узаконенных (ограничения доступа к алкоголю и табаку, реализации избирательных прав), так и подразумеваемых косвенно (ограничения на самостоятельное передвижение по городу, «комендантский час», определяющий время возвращения домой). Интересно, что в качестве действий, ущемляющих их права, дети довольно часто указывают необходимость посещать образовательное учреждение (несмотря на то, что этот пункт является ключевым в содержании социальных представлений о детстве), что, по всей вероятности, обусловлено обязательностью школьного обучения.

В выборках взрослых и пожилых людей возрастно-дискриминирующая модель межвозрастных отношений раскрывается, прежде всего, посредством оценок социальной политики государства, направленной на поддержку различных возрастных групп. При этом для выборки взрослых типично осмысление проблем не только собственной возрастной группы (например, недостаточность детских пособий), но и других возрастных групп (размеры пенсий пожилых людей, трудности трудоустройства молодых). Пожилые люди, ярче всего отмечающие данную модель отношений (58,0 %), сконцентрированы преимущественно на оценках действий государства, направленных на социальную поддержку собственной возрастной группы, чаще всего расценивая эти действия как ущемляющие собственные права и возможности.

Около четверти опрошенных отметило, что государство зачастую игнорирует обусловленные возрастом потребности и возможности людей, причем эти эффекты можно отметить в различных сферах социальной жизни (образовательной, медицинской и т.д.). Отсутствие внимания государства к возрастным особенностям граждан устойчиво фиксируется подростками (26,9 %) и представителями старших возрастных групп (25,6 % и 22,6 % в выборках взрослых и пожилых людей соответственно).

Ответы 13,9 % испытуемых соотносятся с содержанием возрастноманипулятивной модели отношений. Наиболее значимо эта модель представлена в ответах подростков (23,1 %), которые зачастую склонны рассматривать предоставляемые государством их возрастной группе возможности и различные «социальные льготы» как попытку «подкупа», меру, истинной це-

лью которой является повышение лояльности подрастающего поколению к государственному строю.

Возрастно-толерантную модель отношений с государством констатируют менее пятой части опрошенных (19,2 %). В наибольшей степени этот взгляд разделяют дети (31,3 %) и взрослые (28,2 %), апеллируя при этом к тем возможностям (в том числе поддержанным конституционными гарантиями), которые государство предоставляет людям разных возрастов. В выборках подростков и пожилых людей трактовка отношений с государством как возрастно-толерантных встречается крайне редко (7,7 % и 9,7 % соответственно). В целом, можно предполагать, что в этом факте отражается описанная в главе 2 тенденция приписывать более низкий социальный статус именно возрастным группам подростков и пожилых людей, в сравнении с детьми и взрослыми.

Соотнесение моделей межвозрастных отношений, описанных испытуемыми в текстах мини-эссе, с типичными для них возрастными представлениями позволило выявить различные варианты их сопряженности с континуальными и итеративными представлениями. Полученные результаты демонстрируют преимущественную сопряженность неконструктивных моделей межвозрастных отношений с итеративными возрастными представлениями в группе подростков, и обратную тенденцию в группах взрослых и особенно пожилых людей, где эти модели сопряжены с представлениями континуального типа (различия статистически достоверны, критерий χ^2 , $\alpha < 0,01$). В группе детей на уровне тенденции наблюдается такая же взаимосвязь, как и в подростковой выборке. Полученную картину дополняют результаты корреляционного анализа, который выявил разнонаправленные взаимосвязи между показателями благополучия в сфере возрастной идентичности, который можно трактовать как показатель нормативности возрастной идентичности, и удельной частотой встречаемости в текстах мини-эссе семантических единиц, категоризируемых как индикаторы неконструктивных моделей межвозрастных отношений, в выборках подростков и пожилых людей ($r_s = -0,39$, $\alpha < 0,05$ и $r_s = 0,42$, $\alpha < 0,05$ соответственно).

Таким образом, можно констатировать, что вывод о различном значении континуальных и итеративных возрастных представлений для разных возрастных групп подтвердился. Дети и особенно подростки, обладающие итеративными возрастными представлениями, в большей степени отмечают неконструктивность межвозрастных отношений с государством, тогда как в пожилом и взрослом возрасте наблюдается обратная тенденция. По всей вероятности, учитывая небольшие объемы выборок, принимавших участие в данном исследовании, правильнее говорить о том, что субъективное отражение межвозрастных отношений в системе «государство – личность как представитель возрастной группы» в большей степени определяется реальными практиками взаимодействия этих субъектов, а возрастные представления того или иного типа выступают одним из средств адаптации к объективному контексту взаимодействия.

4. МЕЖВОЗРАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ ВОЗРАСТНЫМИ ГРУППАМИ

Проблема отношений между возрастными группами в современной социально-психологической литературе обсуждается весьма фрагментарно, причем эти обсуждения концентрируются, прежде всего, вокруг отношений представителей одних возрастных групп к другим. Отношения *между* возрастными группами оказываются за пределами фокуса внимания исследователей.

Между тем, объективная реальность отношений между возрастными группами, которая свидетельствует об их асимметричности в различных сферах взаимодействия людей, обуславливает актуальность изучения, прежде всего, отношений *между* возрастными группами как особого аспекта межгрупповых отношений.

В социальной психологии межгрупповые отношения понимаются как особая группа социально-психологических явлений, характеризующих субъективное отражение разнообразных связей, возникающих между социальными группами, а также обусловленные этими связями способы взаимодействия групп (Агеев В.С., 1990). Они возникают при условии осознания их участниками своей принадлежности к определенной социальной группе, а также их принятия в этом качестве окружающими.

Межгрупповые отношения представляют собой такие отношения между людьми, в которых их поведение трактуется через призму тех социальных групп, к которым они принадлежат, индивидуальные характеристики оказываются несущественными, а взаимодействие – «неличным», построенным на социально-ролевых предписаниях. Эти отношения становятся актуальными в тех случаях, когда у партнеров недостаточно опыта взаимодействия друг с другом, и формальные признаки (пол, возраст и др.) становятся одним из основных источников информации. Как правило, такое положение дел характерно для ситуаций кратковременного ролевого взаимодействия (Куницына Н.В., Казаринова Н.В., Погорьша В.М., 2001).

В соответствии с этим можно говорить о том, что специфика социально-психологического подхода к изучению межгрупповых отношений требует фокусировки внимания, с одной стороны, на объективных проявлениях этих отношений, и, с другой стороны, на их внутренней (субъективной) стороне (Андреева Г.М., 2008).

Объективная сторона межгруппового взаимодействия опосредуется широким спектром социальных факторов (политических, экономических и др.) и проявляет себя в характеристиках межгруппового взаимодействия, которое в самом обобщенном виде можно описать в терминах межгруппового контакта или конфликта.

Объективная сторона межгрупповых отношений тесно взаимосвязана с их субъективными аспектами, представленными, прежде всего, эффектами межгруппового восприятия.

В качестве специфических особенностей межгруппового восприятия в социальной психологии рассматриваются обобщенный, наиндивидуальный характер ин- и аут-групповых стереотипов, рассматриваемых в качестве основных характеристик межгрупповой перцепции; схематизация и упрощение стереотипных образов групп; ригидность стереотипов и их устойчивость к внешним влияниям; эмоциональная окрашенность и выраженная оценочная направленность (Прихидько А.И., 2009). Обозначенные особенности создают условия для возникновения широкого спектра межгрупповых эффектов: ин-группового фаворитизма и аут-групповой дискриминации, гомогенности аут-группы и «черной овцы» (Гулевич О.А., Онучин А.Н., 2002), инфрагуманизации (Demoulin S., Rodriguez-Torres R., Rodriguez-Perez A., Vaes J., Paladino M. P., Gaunt R., Cortes B., Leyens J-P., 2004).

4.1. Практики взаимодействия между возрастными группами

Анализ литературы, посвященной изучению практик взаимодействия между возрастными группами, позволяет утверждать, что данная проблема редко попадает в фокус внимания психологов и, как правило, в большей степени освещена в социологических исследованиях.

Семейная проблематика отношений между возрастными группами, как правило, освещается в контексте изучения межпоколенческого взаимодействия в семье. Во многих работах показано, что семья является одной из самых напряженных сфер отношений между возрастными группами (Парахонская Г.А., 2002; Пучков П.В., 2006; Anderson K. A., 2004; Griffore R., Barboza G., Mastin T., Oehmke J., Schiamberg L., 2009 и др.). По мнению целого ряда авторов, это обусловлено тем, что возрастная категоризация в семейном взаимодействии теснейшим образом переплетена с ролевой, и принадлежность людей к той или иной возрастной группе как к групповому субъекту высокого уровня организации опосредована их семейными ролями (Вдовина М.В., 2008; Сапоровская М.В., 2013).

Как отмечает М.В. Вдовина, трансформация семьи, констатируемая в современной социальной ситуации, сопровождается нарастанием количественной диспропорциональности младшего, среднего и старшего поколения. По итогам Всероссийской переписи населения, дети до 16 лет на сегодняшний день представляют наименьшую долю населения (16 %), а доля молодых людей в возрасте 16-29 практически тождественна доле пожилых людей (около 20 %). Это закономерно ведет к усилению нагрузки на трудоспособное население по содержанию людей нетрудоспособных возрастов и отражается, прежде всего, на функционировании семьи, поскольку именно этот социальный институт традиционно вносит большой вклад в поддержку детей и пожилых людей (Вдовина М.В., 2008). По данным зарубежных социологов, по мере развития системы социальной поддержки в обществе объем внутрисемейных межпоколенных трансфертов сокращается (Arrondel L., Masson A., 2006). Однако в России, как показывают результаты социологических исследований, роль внутрисемейных материальных и нематериальных межпоко-

ленных трансфертов – ресурсов, переданных от одного поколения другому, – за последние полтора десятилетия значительно возросла (Гладникова Е.В., 2007; Иванова Е.И., 2012; Храмова О.В., 2005).

Это создает условия для возникновения статусного неравноправия в семейном взаимодействии. В частности, по данным А.В. Загребинной, «донором» для других возрастных групп чаще всего выступает группа взрослых (Загребина А.В., 2010). В остальных возрастных группах размеры трудовых доходов ниже, чем размеры расходов, тогда как взрослые производят больше, чем потребляют (Смирнова Е.А., 2003).

Если молодые люди чаще всего получают от взрослых родственников (прежде всего, родителей) материальную поддержку (по данным на 2010-2012 г.г., средний размер материальных затрат родителей на детей составил примерно половину заработной платы по основному месту работы (Миронова А.В., 2012), то в семейной поддержке пожилых, помимо материальной помощи, большую роль играют трансферты временем (Иванова Е.И., 2012).

Статус возрастной группы пожилых людей в семейных отношениях менее однороден. Около половины пожилых людей рассчитывают на помощь со стороны ближайших родственников. Другая половина, напротив, готова поддерживать младших родственников. Как указывает Е.И. Иванова, в группе пожилых людей, с одной стороны, выражена апелляция к ресурсам семьи в случае жизненных трудностей, с другой стороны, наблюдается тенденция к автономизации – расчету исключительно на собственные ресурсы (Иванова Е.И., 2012).

Возрастные группы детей и подростков, как правило, являются реципиентами семейной поддержки в материальной форме. Минимальный уровень доходов этих возрастных групп оказывает большое влияние на характер трансфертов старшим поколениям: вклады времени значительно превышают денежные вклады (Иванова Е.И., 2012). Молодое поколение с большей вероятностью получает материальную помощь от взрослых, если они находятся в молодом возрасте, обучаются, имеют как можно меньше (или не имеют вообще) братьев и сестер, не имеют партнера, имеют обоих родителей и поздно отделились от них (Гладникова Е.В., 2007).

Таким образом, в практиках взаимодействия между возрастными группами в семейной сфере наблюдается выраженное неравенство статусов, проявления которого, вероятно, усиливаются тем, что, по данным социологических опросов, большинство семей не считают эти материальные или нематериальные формы поддержки родственников естественными для общества в целом и для своей семьи в частности (Загребина А.В., 2010).

В работах, посвященных профессиональному аспекту отношений между возрастными группами, также наглядно прослеживается их фактическое неравноправие. Оно проявляется и в возможностях, которыми различные возрастные группы располагают на рынке труда, и в уровне оплаты труда. Представители разных возрастных групп имеют неравные возможности трудоустройства, несмотря на то, что статья 3 Трудового кодекса РФ гласит, что

«никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества независимо от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, *возраста (выделено автором)*, места жительства, отношения к религии, политических убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника». В частности, по официальным данным Госкомстата РФ¹⁷ на 2010 г., средний возраст занятого населения составил 39,9 года. При этом молодые люди в возрасте до 25 лет составляют в численности занятого населения 10,7%, в численности безработных – 27,5%, лица в возрасте 50 лет и старше 24,8% и 17,2% соответственно. Самый высокий уровень занятости отмечается среди населения в возрасте 40-44 лет (86,9%), уровень безработицы – среди молодежи 15-19 лет (31,9%).

Группы подростков и пожилых людей находятся в наименее благополучном положении и по показателям размера оплаты труда. В частности, по данным на 2007 г. наблюдается следующая траектория изменения заработной платы в зависимости от возраста: ее размер монотонно повышается вплоть до 27 лет, на протяжении трех последующих десятилетий меняется незначительно. В пенсионных возрастах (после 60 лет) заработная плата начинает плавно снижаться. Используя термин «премия на возраст», посредством которого соотносится уровень оплаты труда в определенной возрастной группе с уровнем оплаты труда в целом, можно говорить о том, что «анти-премию», достигающую в ряде сфер профессиональной деятельности 40-60 %, имеют, прежде всего, молодые работники (до 24 лет), а также, в чуть меньшей степени, работники пенсионного возраста (Белоконная Л., Гимпельсон В., Горбачева Т., Жихарева О., Капелюшников Р., Лукьянова А., 2007).

Аналогичные «возрастные» характеристики имеют и карьерные траектории. По данным Л. Косовой, самые высокие темпы карьерного роста приходятся на возраст 26-35 лет, в дальнейшем вероятность продвижения по карьерной лестнице постепенно снижается (Косова Л., 2012).

Таким образом, в профессиональной сфере отношений между возрастными группами наблюдается выраженное неравенство возможностей различных возрастных групп, связанных с трудоустройством, карьерным ростом, оплатой труда.

4.2. Возрастные стереотипы как социально-психологический феномен

На сегодняшний день в мировой науке сложилось несколько теоретических подходов к объяснению природы и функций возрастных стереотипов.

В зарубежной социальной психологии преобладает когнитивный подход к исследованию возрастных стереотипов, которые изучаются преимущественно в рамках проблем социального познания в контексте взаимодейст-

¹⁷ Тенденции на рынке труда (аналитический материал) //

http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/IssWWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm (02.08.2013)

вия людей (Hummert M. L., 1999). Возрастные стереотипы понимаются как схемы (или познавательные категории), которые люди используют в процессах обработки социальной информации (Cantor N., Mischel W., 1979), чтобы упростить их, сделать информацию более понятной, а поведение партнера по общению – более прогнозируемым (Feldman J. M., 1981). По мнению E. L. Perry, C. T. Kulik и A. C. Bourhis, это возможно благодаря тому, что стереотипы состоят из ассоциаций между признаками личности и поведения и социальными категориями (Perry E. L., Kulik C. T., Bourhis A. C., 1996).

Необходимо отметить, что, несмотря на акцентирование когнитивных аспектов стереотипизации, в зарубежных эмпирических исследованиях данной проблематики активно затрагиваются ее эмоциональная составляющая, связанная с модальностью стереотипов (негативной или позитивной), а также (в рамках теории социальной идентичности, которая рассматривает социальные стереотипы в качестве основного содержания социальных идентификаций личности) личностная ассимиляция их содержания.

В отечественной научной традиции сегодня складывается иной подход к исследованию возрастных стереотипов, который можно назвать социокультурным. Этот подход базируется на социологических и философских идеях и акцентирует внимание на социальных и культуральных источниках стереотипов, а также на их значении для эффективной социализации личности. Первоначально этот подход был заявлен в работах И.С. Кона, который определил возрастные стереотипы как черты и свойства, приписываемые культурой лицам данного возраста и выступающие для них в качестве подразумеваемой нормы (Кон И.С., 1988). Сегодня отношение к отдельным возрастным этапам рассматривается как социально предписываемый проект, содержащий набор конвенциональных признаков, регламентирующих поведение представителей соответствующих возрастных групп (Смолькин А.А., 2004). Возрастные стереотипы составляют дискурс возраста, который структурирует все аспекты педагогического, юридического, исторического и других форм знаний, формирует отношение между людьми разного и одного возраста на уровне повседневного восприятия (Мухранова Е.Н., 2006).

Нам представляется, что описанные выше подходы не противоречат друг другу, но соотносятся с двумя различными уровнями осмысления социальной реальности. В первом случае речь идет о собственно межгрупповом межвозрастном взаимодействии, регулирующем отношения в системе «возрастная группа – возрастная группа». Второй подход позволяет включить межвозрастное взаимодействие в широкий социокультурный контекст, акцентируя внимание на том, что источники межвозрастной регуляции межгруппового взаимодействия кроются в сфере социальных отношений, и, по сути, представляет собой апелляцию к проблематике возрастных представлений (см. главу 3).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

В нашей работе возрастные стереотипы понимаются как разновидность социальных стереотипов, представляющая собой упрощенное схематизированное знание о психологических особенностях

представителей тех или иных возрастных групп. Основными функциями возрастных стереотипов могут быть названы способствование упрощению процессов познания и оценки других людей, а также способствование формированию устойчивых возрастных идентификаций и противопоставлению своей группы другим возрастным группам.

На основе анализа литературы (Александрова Н.Л., Федорова В.В., 2012; Дихотомия геронтологической ситуации..., 2006; Лебедева М.Ю., 2012; Райс Ф., 2000 и др.) можно перечислить характеристики, составляющие содержание возрастных стереотипов (см. рисунок 6):

Рисунок 6. Содержание возрастных стереотипов

Материал, представленный на рисунке 6, демонстрирует, что возрастные стереотипы обладают важнейшими признаками социальных стереотипов (Андреева Г.М., 2008): оценочным потенциалом и содержательной поляризацией, что подтверждает правомерность их трактовки как разновидности социальных стереотипов.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗРАСТНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПСИХОЛОГИИ

Необходимо отметить, что в социальной психологии содержание возрастных стереотипов чаще всего исследуется посредством описания геронтостереотипов, которые сравниваются со стереотипными представлениями относительно ос-возрастных этапов, прежде всего молодости и взрослости. Именно в таком контексте в многочисленных зарубежных исследованиях описаны возрастные стереотипы, функционирующие в различных сферах социального взаимодействия людей.

В 1970-х гг. В. Rosen и Т.Н. Jerclec, используя метод рисованных проективных ситуаций, выявили основные возрастные стереотипы, существующие в профессиональной сфере. Оказалось, что наиболее распространенные в профессиональной сфере геронтостереотипы включают в себя представления о: ригидности пожилых сотрудников, неготовности к изменениям; недостатке творческого потенциала; медлительности суждений и нерешительности; снижении способности переносить нагрузки; незаинтересованности в технических нововведениях в работе. Соответственно, молодым сотрудникам стереотипно приписываются противоположные качества: готовность изменяться, креативность, решительность, работоспособность и умение быстро осваивать технические нововведения (Rosen В., Jerclec Т.Н., 1976б). Необходимо отметить, что и в частных социально-психологических исследованиях (Cleveland J.N., Landy F.J., 1983; Segrave K., 2001), и в исследованиях, построенных по принципу мета-анализа (Waldman D. A., Avolio B. J., 1986), никаких существенных различий между возрастными группами в объективных критериях качества работы выявлено не было. Несмотря на это, работодатели по результатам собеседования с соискателями вакантных должностей охотнее берут сотрудников, соответствующих требованиям к демографическим характеристикам, чем с подходящим должности личностным или профессиональным потенциалом (Perry E. L., Kulik С. Т., Bourhis А.С., 1996).

В ряде исследований описаны возрастные стереотипы, функционирующие в сфере оказания медицинских услуг. Так, Т.А. Revenson показал, что врачи склонны считать пожилых пациентов зависимыми, нуждающимися в поддержке и информации, плохо приспособленными к жизни, независимо от диагноза пациента и опыта личного контакта с ним (Revenson Т. А., 1989). По данным J.W. James и W.E. Haley, при условии одинаковых симптомов врачи склонны приписывать пожилым людям более тяжелую степень определенных соматических заболеваний, чем молодым (James J.W., Haley W.E., 1995). Пожилых людей крайне редко приглашают стать участниками клинических испытаний лекарств и новых способов лечения из-за распространенного, но ничем не подкрепленного убеждения о том, что они переносят терапию хуже, чем молодые (Conwell Y., 1995).

Довольно много исследований сосредоточено вокруг проблемы возрастной стереотипизации клиента в контексте психологической и наркологической помощи. Показано, что возраст клиента оказывает влияние на процесс оказания ему психологической помощи (Miller D.B., Lowenstein R., Winston R., 1976; Settin J. M., 1982; Schaie K. W., 1993). Психотерапевты значительно более склонны направлять на психиатрическое освидетельствование пожилых клиентов, нежели молодых (Grant L., 1996), интерпретировать поведение пожилого клиента в терминах патологии (Bonnesen J.L., Hummert M.L., 2002; Ruppel S.E., Jenkins W.J., Griffin J. L., Kizer J.B., 2010), причем эта тенденция особенно ярко проявляется в случае, если пожилой клиент – женщина (Steuer J. I., 1982). Проблемы наркозависимости, напротив, чаще стереотипно приписываются молодым людям, в то время как клинические признаки злоупот-

ребления психоактивными веществами в пожилом возрасте зачастую не считаются разрушительным для здоровья, а, напротив, рассматриваются врачами как эффективное средство избавления от депрессии и одиночества (Kane M., Green D., 2009).

К. Mueller-Johnson, M.P. Togliа, C.D. Sweeney и S.J. Ceci показали, что возрастные стереотипы функционируют и в юридической практике. Согласно полученным ими результатам, наименьшее доверие в соответствии со стереотипным представлением об ухудшении памяти и снижении компетентности в старости вызывают показания пожилых свидетелей в сравнении с молодыми (Mueller-Johnson K., Togliа M.P., Sweeney C.D., Ceci S.J., 2007).

Результаты современных зарубежных и отечественных исследований показывают, что представители разных возрастных групп рассматриваются как многомерные люди, имеющие и положительные, и отрицательные характеристики. Например, C.S. Slotterback и D.A. Saarnio, исследовав стереотипы относительно физических, познавательных и личностных возможностей пожилых людей, а также стереотипное восприятие пожилого человека в целом («открытая задача»), показали, что геронгостереотипы модально неоднородны. Отрицательные стереотипы ярче всего проявились в открытой задаче и в задаче, связанной с оценкой физических качеств. Задача, связанная с оценками личностных возможностей пожилых людей, напротив, позволила выявить ряд позитивных стереотипов (Slotterback C.S., 1996). Исследование возрастных стереотипов, существующих в современном российском обществе, позволило Е.Л. Солдатовой с помощью процедуры факторизации данных проанализировать их в семантическом пространстве факторов «опыт» и «продуктивность» и показать, что в обыденном сознании россиян каждая возрастная группа (не только группа пожилых людей) также наделена как позитивными, так и негативными стереотипами (Солдатова Е.Л., 2007).

В однозначности возрастной стереотипизации заставляют усомниться и результаты, полученные в исследовании D. Schonfield, который просил испытуемых указать те черты, которые были бы характерны минимум для 80 % стариков. В итоге не было выявлено ни одной общей черты. Автор предположил, что возрастная стереотипизация является не настолько распространенным явлением, каким кажется на первый взгляд (Schonfield D., 1982).

Описанные выше факты заставляют некоторых зарубежных авторов (см., например, Hummert M. L., 1999; Kite M. E., Wagner L. S., 2002) усомниться в том, что явление возрастной стереотипизации существует на самом деле. Однако нам представляется, что это не вполне справедливо. Возможно, объяснение указанных выше противоречивых фактов кроется в экспериментально установленном расхождении между осознаваемыми и неосознаваемыми стереотипами (Levy B. R., Banaji M. R., 2002). В целом ряде исследований было показано, что роль возраста партнера в процессе социального познания чаще всего не осознается, и возрастная стереотипизация протекает неосознанно (Levy B. R., Hausdorff J. M., Hencke R., Wei J. Y., 2000; Perdue C. W., Gurtman M. B., 1990; Levitt S., Dubner S., 2005). Напротив, осознаваемые

стереотипы подвергаются цензуре благодаря эффекту социальной желательности (Hummert M. L., Garstka T. A., Ryan E. B., Bonnesen J. L., 2004). С другой стороны, осознание возрастной стереотипизации стереотипизируемым приводит к уменьшению ее влияния на эффективность деятельности (Hess T.M., Hinson J.T., Statham J.A. 2004). T. Wehr, опираясь на теорию социальной обработки информации (Levin D.T., 2000), предполагает, что возрастные стереотипы работают в «фоновом» режиме, то есть не осознаются человеком до тех пор, пока объект стереотипизирования не начинает демонстрировать поведение, противоречащее стереотипу. Если же человек начинает действовать вне рамок возрастных ожиданий, он становится «фигурой», и возрастная стереотипизация уступает место более сложным формам социального познания (Wehr T., 2008).

Таким образом, мы можем утверждать, что возрастные стереотипы существуют в пространстве взаимодействия возрастных групп имплицитно, в виде «свернутых» смыслов, в которых моделируется образ возрастных ин- и аут-групп в когнитивных конструктах, оценках и мотивационных предпочтениях. Их формирование тесно сопряжено с процессами социальной категоризации, благодаря которой происходит преодоление избыточности социальной информации и упрощение социального познания (Сабкаев А.А., 2009). Однако вопрос о том, какие факторы определяют выбор возрастных признаков как основания для социальной категоризации, и, следовательно, актуализацию возрастных стереотипов, на сегодняшний день остается дискуссионным. В самом общем виде, опираясь на результаты исследования В. J. Avolio и G. V. Barrett, можно говорить о том, что возрастные стереотипы актуализируются в таких ситуациях социального взаимодействия, в которых человек не имеет достаточной информации о партнере по общению и вынужден ориентироваться на наиболее очевидные демографические признаки (Avolio B. J., Barrett G. V., 1987), причем этот эффект отчетливо наблюдается уже в поведении 6-7 летних детей (Davidson D., Zupai Luo, Fulton B. R., 2007; Lichtenstein M.J., Pruski L.A., Marshall C.E., Blalock C.L., Lee S., Plaetke R., 2003), что говорит о том, что содержательное ядро возрастных стереотипов формируется на дошкольном этапе социализации.

Конструкционистский потенциал возрастных стереотипов реализуется в практике межгруппового взаимодействия, прежде всего, благодаря функционированию по принципу самоподтверждающегося пророчества (Kuipers J.A., Bengston V.L., 1984; Rosen B., Jerclec T.H., 1976a). Эмпирически показано, что возрастные стереотипы оказывают влияние на продуктивность деятельности человека (Abrams D., Eller A., Bryant J., 2006), его психологический статус (Desrichard O., Kopetz C., 2005; Hess T.M., Hinson J.T., 2006; Horton S., Baker J., Pearce G. W., Deakin J. M., 2008; Levy B. R., Leifheit-Limson E., 2009; O'Brien L. T., Hummert M. L., 2006), соматическое состояние (Levy B.R., Slade M.D., Gill T.M., 2006; Levy B.R. Slade M. D., May J., Caracciolo E., 2006).

В зарубежной социальной психологии существуют две гипотезы, претендующие на объяснение этого эффекта функционирования возрастных стереотипов. Согласно одной из них, возрастные стереотипы «загрязняют» образ Я стереотипизируемых («гипотеза загрязнения»), что ведет к отрицательному самовосприятию и снижению чувства собственного достоинства, формированию поведения, соответствующего стереотипу, потому что источники положительных самооценок потеряны (Rodin J., Langer E., 1980). Экспериментальное подтверждение этой гипотезы позволило J. Cooper и G. Goethals в 1980-х г.г. сформулировать на основе «гипотезы загрязнения» теорию «социальной маркировки» («labeling theory») (Cooper J., Goethals G., 1981).

Несколькими десятилетиями позже была предложена «гипотеза интернализации», которая заключается в том, что возрастные стереотипы ассимилируются в Я-образ выборочно. На основе этой гипотезы была сформулирована «теория устойчивости» («resilience theory»), согласно которой возрастные стереотипы не оказывают прямого воздействия на самовосприятие людей, поскольку люди не пассивно воспринимают информацию о себе, а отвергают то, что им не подходит (например, соотнося свою возрастную роль с другими социальными ролями), и, кроме того, сравнивая себя с ровесниками, люди могут считать себя «приятным исключением» из стереотипа (Пайнс Э., Маслач К., 2001; Heckhausen J., Brim O. G., 1997; Hummert M. L., Shaner J. L., Garstka T. A., Henry C., 1998; Pinquart M., 2002; Rothermund K., Brandtstedter J., 2003; Wentura D., Brandtstadter J., 2003). Однако необходимо отметить, что описанные эффекты опосредованы характером возрастной идентичности объекта стереотипизации и наблюдаются только в том случае, если возрастной стереотип ассимилирован личностью (Hess T.M., Hinson J.T., Statham J.A., 2004; O'Brien L. T., Hummert M. L., 2006; Yoon C., Hasher L., Feinberg F., Rahhal T.A., Winocur G., 2000): известно, что возрастные авто- и гетеростереотипы могут не совпадать друг с другом (Atchley R. C., 1982).

Другим аспектом реализации конструкционистского потенциала возрастной стереотипизации является участие возрастных стереотипов в оценках деятельности других людей, в которых они выступают в качестве «возрастных стандартов» оценивания (Arbuckle J., Williams B. D., 2003; Cleveland J.N., Landy F.J., 1983; Kwong S., Sheree T., Heller R., 2004).

СОДЕРЖАНИЕ ВОЗРАСТНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Исходя из предположения о том, что возрастные стереотипы формируются в процессе осмысления и конструирования возрастными группами реальности межгруппового взаимодействия и представляют собой соответствующую систему значений, которая может быть операционализирована с помощью реконструкции семантических пространств, мы провели исследование, направленное на изучение содержания возрастных стереотипов в различных возрастных группах (n=316 в возрасте 7-74 года, ассоциативный эксперимент, Цветовой тест отношений).

Согласно данным, полученным в ходе исследования, *типичный ребенок* описывается преимущественно с помощью энергетических (35,71 % от общего числа) и коммуникативных характеристик (36,47 %), причем среди последних самостоятельной группой выделяются характеристики взаимодействия детей со старшими (27,82 %).

В обобщенной структуре стереотипного образа ребенка указанные характеристики представлены практически в равных долях. Ребенок описывается энергичным, подвижным, шумным, веселым, жизнерадостным и наивным существом, которое требует заботы и внимания со стороны старших. Эти характеристики совпадают с «романтическим» образом ребенка, который, по мнению ряда исследователей, распространен в современной европейской культуре (см., например, Арьес Ф., 1999) и в целом типичны для всех возрастных групп, в том числе и самих детей.

В то же время между характеристиками образа «типичного ребенка» в различных возрастных группах существуют различия. Так, в частности, для детей характерна сугубо позитивная содержательная наполненность стереотипа «ребенок»: «добрый», «красивый», «умный», «хороший». Среди характеристик, предложенных взрослыми и особенно пожилыми людьми, встречаются негативно окрашенные, такие как «глупый», «надоедливый», «капризный», «сует нос не в свое дело». На наш взгляд, эти результаты отражают явление ин-группового фаворитизма, который может быть выражен в виде более позитивной эмоциональной оценки членов ин-группы, чем членов аут-группы, в воспоминании наиболее благоприятных сведений о членах ин-группы, приписывании им большего количества позитивных характеристик.

Интерпретация результатов исследования позволила обнаружить и другой известный эффект межгруппового взаимодействия – эффект гетерогенности ин-группы, который заключается в оценке членов ин-группы как похожих, но больше отличающихся друг от друга, чем члены аут-группы. Среднее количество семантических единиц, предложенных детьми при характеристике «типичного ребенка» в целом выше, чем в аналогичных характеристиках «типичного взрослого» и «типичного пожилого человека» (7,34 против 6,02 и 4,89 соответственно). Сразу отметим, что подобный эффект наблюдается во всех возрастных группах за исключением группы взрослых людей. Этот эффект эмпирически подтверждается не только социально-психологическими, но и общепсихологическими исследованиями. В частности, в исследовании А.А. Демидова, Д.А. Дивеева и А.В. Кутенева проявление эффекта гетерогенности ин-группы было показано на материале распознавания людей разных возрастов: было показано, что люди своего возраста распознаются лучше (Демидов А.А., Дивеев Д.А., Кутенев А.В., 2012).

В детской, подростковой и взрослой группах в структуре образа типичного ребенка доминируют коммуникативные характеристики, в то время как в выборке пожилых людей на первый план выходят энергетические признаки детей. На наш взгляд, этот факт иллюстрирует различия в «силе» признаков, дифференцирующих представителей разных возрастных групп от группы де-

тей в их собственном сознании: если подростки и взрослые видят основные различия в сфере коммуникативных особенностей, то для пожилых людей основным отличием является детская активность и энергичность.

В целом, в структуре образа типичного подростка преобладают коммуникативные характеристики, которые максимально дифференцируют подростков от ин-группы в сознании представителей всех возрастных групп. Взрослые и пожилые люди также склонны отмечать мотивационные различия, связанные со спецификой личностной саморегуляции подростков и их увлечениями. В сознании детей, напротив, акцентированы недоступные для них пока формы асоциального поведения.

Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что образ типичного подростка крайне противоречив и включает в себя большое количество негативно окрашенных характеристик. Если в образе типичного ребенка доля негативных характеристик составляет в среднем 4,5 %, типичного взрослого – 12,3 %, пожилого человека – 28,7 %, то применительно к подросткам эта цифра достигает 43,0 % (в ответах аут-групп). Не случайно только в данном стереотипном образе выделился кластер характеристик асоциальной активности. Это свидетельствует о том, что данная возрастная группа, в отличие от остальных, прочно ассоциируется в обыденном сознании с кризисными проявлениями. От подростка ожидают, что он будет самоуверенным, наглым, грубым и т.д., хотя сами подростки, демонстрируя ин-групповой фаворитизм, дают своей группе только 19,7 % негативных характеристик.

Среди возрастных аут-групп самыми «лояльными» в восприятии подростков являются дети, для которых отрочество является ближайшей идентификационной меткой на пути взросления. Доля негативных характеристик в образе типичного подростка в их ответах составляет 37,1 %. Дети предполагают, что подростки – «драчуны» и «хулиганы», что они «плохие» и «грубые». Однако для них в подростковом возрасте есть и множество привлекательных моментов: подростки «умные», «красивые», сильные и т.д. – такие, какими дети надеются сами стать со временем.

Взрослые воспринимают подростков более критично (43,2 % негативных характеристик), как «самоуверенных» и «непослушных», «бездельников». Но самый неблагоприятный образ подростков существует в сознании пожилых людей (52,4 % негативных характеристик). Для них типичный подросток – «наглый», «невоспитанный», «потребитель».

Обращает на себя особое внимание тот факт, что представители всех трех возрастных аут-групп считают подростков склонными к аддиктивному поведению: курению, употреблению пива и других алкогольных напитков, наркотических средств (удельный вес этой характеристики составляет 0,05 в выборке детей, 0,07 – взрослых и 0,04 – пожилых).

Опираясь на результаты антропологических исследований, демонстрирующих «неуниверсальность» феномена подросткового кризиса (см., например, Кле М., 1991; Мид М., 1988), а также на представленные в предыдущих

параграфов социально-психологические данные, свидетельствующие о влиянии возрастной стереотипизации на поведение стереотипизируемых, можно предположить, что существенная часть тех поведенческих реакций, которые принято считать «кризисными», спровоцирована соответствующими ожиданиями со стороны представителей других возрастных групп, в особенности людей старшего возраста. Таким образом, многие «кризисные» поведенческие реакции подростков могут рассматриваться как отражение распространенных в обществе возрастных стереотипов. Эти стереотипы включаются в содержание возрастных идентификаций самих подростков, направляя соответствующим образом их поведение в процессе взросления, тем самым создавая дополнительные сложности на пути становления личности.

В описании *типичного взрослого* по результатам кластеризации можно выделить параметры деловых (45,02 %), энергетических (28,41 %) и коммуникативных (26,57 %) характеристик.

Доминирующее место в структуре стереотипного образа взрослого человека занимают его деловые качества: необходимость ходить на работу, ответственность, серьезность, занятость. Эти качества являются наиболее значимым признаком, дифференцирующим ин-группу и группу взрослых в сознании детей и подростков.

Пожилые люди подчеркивают свои коммуникативные и энергетические различия со взрослыми людьми, причем среди коммуникативных качеств первые по частоте встречаемости места занимают негативно окрашенные характеристики: невнимательность, неуважительность, интерес только к собственной персоне.

Для самих взрослых в структуре возрастных автостереотипов значимыми оказываются, помимо деловых, и энергетические характеристики, которые позволяют воспринимать себя активными и целеустремленными людьми, способными преодолевать препятствия и усталость на пути достижения поставленных целей.

Типичный пожилой человек описывается посредством характеристик его актуального и прошлого жизненного опыта (41,30%), коммуникативных свойств (25,20 %), а также особенностей мировоззрения (33,50 %).

В структуре стереотипного образа пожилого человека доминируют характеристики его жизненного опыта и мировоззренческие характеристики. Жизненный опыт, как актуальный, так и прошлый, оказывается крайне важным дифференцирующим группы признаком, прежде всего, для детей. Подростки, взрослые и сами пожилые люди акцентируют внимание на мировоззренческих отличиях этой возрастной группы от остальных, причем если подростки и взрослые оценивают эти различия преимущественно не в пользу пожилых людей («в маразме», «отстали от жизни», «живут по старому»), то сами пожилые люди склонны считать свое мировоззрение адекватным жизненной ситуации и «правильным», что, на наш взгляд, является признаком ин-группового фаворитизма. Помимо этого, пожилые люди довольно часто

демонстрируют эффект гетерогенности ин-группы подчеркивая, что пожилые люди «все разные», «типичных пожилых людей нет» (0,062).

Более четверти семантических единиц (28,7 %), составляющих стереотипный образ пожилого человека, характеризуются выраженной негативной окраской. Пожилой человек зачастую воспринимается как больной, одинокий, обремененный материальными проблемами, с ним скучно, он раздражает. Негативная стереотипизация группы пожилых людей ярче всего выражена в подростковой (34,1 %) и взрослой (30,5 %) группах.

Таким образом, на основании результатов исследования мы можем выделить ряд универсальных и возрастнo-специфичных особенностей возрастной стереотипизации.

К универсальным особенностям возрастной стереотипизации мы можем отнести «сквозной» характер коммуникативных различий между возрастными группами, которые являются значимым дифференцирующим признаком для всех без исключения стереотипных образов независимо от возрастной принадлежности носителя стереотипа. Кроме того, можно утверждать, что в содержании возрастных стереотипов ярко проявляются эффекты ин-группового фаворитизма и гетерогенности ин-группы, несмотря на то, что при относительно большом количестве групп социального сравнения (в данном случае их четыре) эти эффекты межгруппового восприятия имеют тенденцию нивелироваться (Hartstone M., Augoustinos M., 1995).

Специфика возрастной стереотипизации, характерная для отдельных возрастных групп, определяется, в первую очередь, значимостью и «проблемностью» дифференцирующих категорий в системе жизнедеятельности самих этих возрастных групп. Наиболее актуальные содержательные компоненты возрастных стереотипов отражают особенности положения возрастной группы в структуре общества в целом. Кроме того, при условии, что возрастная стереотипизация отличается оценочной амбивалентностью во всех возрастных группах, наиболее «лояльные» возрастные стереотипы типичны для детей, а максимум негативно окрашенных стереотипов принадлежит группе пожилых людей, причем по мере продвижения группы по «возрастной лестнице» доля негативных стереотипов возрастает.

Наиболее негативно стереотипизированным оказывается восприятие возрастных групп подростков и пожилых людей, что соответствует изложенным выше теоретическим и эмпирическим фактам, накопленным в социальной психологии. Однако весьма любопытен тот факт, что две самые низко оцениваемые возрастные группы оказываются одновременно и самыми критичными по отношению друг к другу. Весьма вероятно, что здесь мы сталкиваемся со специфической стратегией защиты от негативной стереотипизации, когда поддержание позитивного статуса собственной возрастной группы на фоне ее негативных оценок происходит за счет снижения статуса «равнозначной» возрастной группы. Можно сказать, что здесь происходит своеобразное «соревнование аутсайдеров», и наиболее низкостатусные возрастные

группы получают возможность поддерживать позитивную возрастную идентичность за счет друг друга.

Эти выводы нашли подтверждение и при анализе результатов, полученных с помощью Цветового теста отношений. Полученные результаты дают основания утверждать, что наиболее комфортной возрастной аут-группой для представителей всех возрастных групп являются дети. Отношения с группами подростков, взрослых и пожилых людей значительно менее эмоционально комфортны (эти различия статистически значимы для всех возрастных групп, U-критерий Манна-Уитни, $\alpha < 0,01$), причем наименее комфортным оказываются отношения с группой пожилых людей. При этом в группе детей наблюдается ярко выраженный эффект ин-группового фаворитизма. Для подростков собственная возрастная группа занимает промежуточное место по показателю комфортности отношений, ин-групповой фаворитизм в субъективной оценке «своей» и «чужих» общностей проявляется только в отношении более старших возрастных групп – взрослых и пожилых людей. Аналогичная тенденция наблюдается и в выборке взрослых. А в выборке пожилых людей наблюдается обратная закономерность: они склонны низко оценивать внутригрупповые отношения, отдавая предпочтение «младшим» возрастным группам. При этом, опираясь на полученные результаты, можно предполагать, что пожилые люди ценят межвозрастные контакты в целом выше, чем представители других возрастных групп: их оценки отношений с любой возрастной группой значимо выше, чем аналогичные оценки подростков и взрослых (U-критерий, $\alpha < 0,01$).

В целом, на основе представленных результатов можно утверждать, что содержание возрастных стереотипов изменяется по мере изменения возрастных идентификаций человека, однако, вне зависимости от того, какие возрастные группы являются «субъектами» и «объектами» стереотипизации, важнейшей характеристикой возрастных стереотипов является их содержательная амбивалентность. В стереотипных образах «детей», «подростков» и «пожилых людей» проявляются эффекты ин-группового фаворитизма и аут-групповой дискриминации; при стереотипизации «взрослых» эти эффекты, по всей видимости, нивелируются возрастными представлениями как более обобщенными формами осуществления межвозрастных отношений. В содержании возрастных стереотипов «сквозным» характером обладают коммуникативные характеристики людей как представителей возрастных групп, по всей вероятности, обладающие максимальными дифференцирующими

Исследование специфики содержания возрастных стереотипов, функционирующих в контексте семейного и профессионального взаимодействия, показало, что возрастные стереотипы устойчивы и содержательно не зависят от ситуационного контекста. Возрастные стереотипы, функционирующие в контексте проблематики семейного взаимодействия, совпадают с обобщенными стереотипными образами «типичных детей», «типичных подростков», «типичных взрослых» и «типичных пожилых людей» на 94,6 %. При этом наибольшее совпадение наблюдается в характеристиках образа «пожилого

человека» (98,1%) и «подростка» (96,7 %). Пожилые люди традиционно характеризуются посредством апелляции к их жизненному опыту («умные», «мудрые»), актуальному состоянию («больные», «усталые»), а также посредством указания на регрессивные изменения («в маразме», «не понимают жизни»). Особняком в этом ряду стоит характеристика «ненужный», приписываемая пожилыми людьми самим себе. Основными характеристиками подростка называются «наглость», «самоуверенность», «невоспитанность», но в то же время «активность» и «веселость».

Чуть меньше совпадений наблюдается в обобщенном образе «ребенка» и «взрослого» в сравнении с семейным контекстом функционирования данных возрастных стереотипов (91,5 % и 92,3 % соответственно). В семейном взаимодействии «типичный ребенок», помимо совпадающих с обобщенным образом характеристик «подвижный», «энергичный», «шумный», «любопытный», наделяется характеристиками, в которых можно проследить две диаметрально противоположные модели семейного воспитания: детоцентрическую («центр семьи», «любимчик») и модель эмоционального отвержения («головная боль родителей», «бесполезный»). Образ взрослого в семье наделяется ожидаемыми характеристиками «серьезности», «ответственности», а также сопряженными с внутрисемейными ролями характеристиками «главный», «принимает все решения».

Таким образом, можно предполагать, что в формировании стереотипных образов ребенка и взрослого, функционирующих в семейном контексте, закономерности взаимодействия между возрастными группами переплетаются с эффектами ролевого внутрисемейного взаимодействия, что не проявляется в содержании образов подростка и пожилого человека. Однако в целом эти различия статистически недостоверны и, возможно, характеризуют случайные тенденции.

Несколько более выраженные различия были получены между обобщенными стереотипными образами возрастных групп и возрастными стереотипами, функционирующими в контексте профессионального взаимодействия (совпадение между ними составляет 83,9 %), однако и эти различия носят статистически недостоверный характер. Тем не менее, на уровне тенденций можно описать несколько отличий профессионального контекста функционирования возрастных стереотипов от семейного.

В первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что наиболее стабильным оказалось содержание образа взрослого человека, по всей вероятности в силу того, что аспект включенности в профессиональную деятельность входит в обобщенный стереотипный образ взрослого человека сам по себе. Обобщенный образ «подростка», «пожилого человека» и особенно «ребенка» не включает в себя профессиональный аспект, в силу чего при изменении ракурса исследования они подверглись большей трансформации, причем самые значительные изменения претерпел образ ребенка.

В стереотипном образе ребенка, проанализированном в профессиональном контексте, помимо характеристик обобщенного стереотипа (напри-

мер, «веселый», «активный») появляются характеристики «тяжелое детство», «несчастный», включаемые в этот стереотип представителями всех возрастных аут-групп. Именно эти различия и обуславливают большую долю различий по выборке в целом.

Интересно, что профессиональный контекст функционирования стереотипов подростничества и старости добавляет их содержанию характеристик положительной модальности. В частности, в образе типичного подростка появляется характеристика «самостоятельности», а в образе пожилого человека – «полный сил». Эта тенденция заметна и при анализе результатов Цветоассоциативного теста, где на фоне отсутствия статистически достоверных различий наблюдается тенденция к унификации оценок аут-групп (в сравнении с обобщенными стереотипами и стереотипами, функционирующими в семейном контексте), что, по всей вероятности, обусловлено самостоятельной значимостью профессиональных признаков в процессах социальной категоризации.

В целом, результаты проведенного исследования свидетельствуют об устойчивости содержания возрастных стереотипов в различных контекстах взаимодействия. Изменения, сопряженные с контекстом взаимодействия, отражают специфику различных ролей людей как представителей возрастных групп (в нашем исследовании – семейных и профессиональных), однако не являются существенными; ядро стереотипных образов остается при этом неизменным.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ВОЗРАСТНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Анализируя результаты, представленные в предыдущем разделе, мы обратили внимание на то, что возрастные стереотипы содержательно неоднородны. Помимо модальностной амбивалентности, о которой уже говорилось выше, при обработке результатов проявилась их смысловая амбивалентность, которая заключается в приписывании одной и той же возрастной группе противоположных по смыслу характеристик. Примеры противоречий в характеристиках, составляющих содержание возрастных стереотипов, приведены в таблице 1.

Важно, что один из полюсов полярных характеристик (он приведен в таблице 1 первым) соответствует традиционным для возрастных субкультур образам «типичного ребенка», «типичного подростка», «типичного взрослого» и «типичного пожилого человека», описанным выше. Другой полюс, напротив, противоречит магистральным возрастным стереотипам.

Таблица 1.

Противоречия в характеристиках, составляющих содержание возрастных стереотипов (в скобках указана эмпирическая частота встречаемости по выборке в целом)

Стереотипизируемые возрастные группы	Примеры противоречий
«Дети»	Глупый (0,078)– умный (0,053) Наивный (0,051) – манипулятор (0,047)
«Подростки»	Пассивный (0,058)– активный (0,045) Безответственный (0,055) – ответственный (0,034)
«Взрослые»	Активный (0,061) – пассивный (0,024) Заботится о детях (0,082) – занят своими делами (0,040)
«Пожилые»	В маразме (0,081)– мудрый (0,078) Трудная жизнь (0,054) – жизнь без забот (0,022)

Исходя из этого, мы считаем целесообразным говорить о существовании **возрастных стереотипов двух разных типов**. Часть возрастных стереотипов может быть названа «типичными возрастными стереотипами», поскольку их содержание составляют традиционные аскриптивные возрастные свойства. Другие стереотипы представляются нетипичными, потому что содержат характеристики, не соответствующие магистральным возрастно-субкультурным стереотипным образам (см. рисунок 7):

Рисунок 7. Эмпирическая типология возрастных стереотипов

На основании анализа литературы, а также опираясь на результаты проведенного нами эмпирического исследования в качестве типичных возрастных стереотипов возможно описать следующие характеристики возрастных групп:

- «наивный ребенок» (в образе преобладают характеристики положительной модальности);
- «кризисный подросток» (преобладают характеристики отрицательной модальности);
- «ответственный взрослый» (преобладают характеристики положительной модальности);
- «регрессирующая старость» (преобладают характеристики отрицательной модальности).

Нетипичные возрастные стереотипы на основе «ядерных» характеристик возрастных групп позволяют говорить о:

- «манипулирующем ребенке» (преобладают характеристики отрицательной модальности);
- «ответственном подростке» (преобладают характеристики положительной модальности);
- «усталом взрослом» (преобладают характеристики отрицательной модальности);
- «мудром пожилым человеком» (преобладают характеристики положительной модальности).

Бесспорно, выделенные типы не являются дискретными, а представляют собой полюса континуума. Можно говорить о преобладании того или иного типа стереотипов, но не о полном взаимном исключении.

Приведенные выше рассуждения были использованы в качестве основания контент-анализа данных, полученных с помощью ассоциативного эксперимента в основном исследовании ($n=316$). В итоге была выявлена выраженность типичных и нетипичных возрастных стереотипов в различных возрастных группах. Результаты исследования показали, что нетипичные возрастные стереотипы в большей степени характерны для возрастных групп детей (56,5 % от общего числа) и подростков (52,2 %) , тогда как в группах взрослых и пожилых людей достоверно (критерий χ^2 , $\alpha < 0,01$) преобладают типичные возрастные стереотипы (76,7 % и 69,0 % соответственно).

Учитывая, что типичные возрастные стереотипы оказались в большей степени характерны для детей и подростков с парадоксальной возрастной идентичностью, в то время как в группах взрослых и пожилых людей, напротив, наблюдается обратная тенденция, можно с достаточной долей уверенности предполагать, что здесь проявляются закономерности освоения возрастных социальных конструктов. Типичные возрастные стереотипы в большей степени сопряжены с принятием магистральных образов различных этапов жизненного пути, степень которого возрастает по мере взросления человека. Нетипичные стереотипы, напротив, не вписываются в магистральные социальные представления, что чаще проявляется на более ранних этапах социа-

лизации. Выше уже отмечалось, что парадоксальная возрастная идентичность в группе детей и подростков в подавляющем большинстве случаев представлена идентификацией с более старшей возрастной. Поэтому, вероятнее всего, традиционные возрастные стереотипы в этих возрастных группах являются индикатором их «взрослости», в сравнении с теми представителями их возрастных групп, для которых характерна нормативная возрастная идентичность.

ФУНКЦИИ ВОЗРАСТНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

По результатам проведенного исследования можно уточнить *функции возрастных стереотипов как разновидности социальных стереотипов*. Функция объяснения и оправдания существующих межгрупповых отношений заключается в том, что они не только описывают особенности людей как представителей возрастных групп, но и задают модальность их восприятия. Для функции межгрупповой дифференциации наибольшее значение имеют коммуникативные аскриптивные свойства, вне зависимости от контекста функционирования стереотипов. Ценностно-защитная функция позволяет поддерживать позитивную возрастную идентичность представителям любой возрастной группы благодаря эффектам ин-группового фаворитизма и гетерогенности ин-группы.

4.3. Модели межвозрастных отношений во взаимодействии возрастных групп

Учитывая отсутствие в литературе данных, посвященных описанию моделей межвозрастных отношений, реализующихся во взаимодействии различных возрастных групп, с целью выявления этих моделей было проведено отдельное эмпирическое исследование (n=476 в возрасте 8-75 лет, «Незаконченные предложения»).

МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЗРАСТНЫМИ ГРУППАМИ В СЕМЬЕ

Исследование моделей отношений между возрастными группами, реализуемые в сфере семейного взаимодействия показало, что в контексте семейного взаимодействия отношений между возрастными группами доминирует возрастно-толерантная модель отношений (66,8 %), значительно менее представлены модели возрастно-дискриминирующих (18,9 %) и возрастно-манипулятивных (14,3 %) отношений. Модель возрастно-игнорирующих отношений для семейного контекста взаимодействия между возрастными группами нехарактерна (менее 0,1 %), что, по всей вероятности, обусловлено тесной сопряженностью семейных ролей с возрастными.

Дифференциация обобщенных данных, результаты которой приведены на рисунке 8, позволяет утверждать, что отношения между возрастными группами в контексте семейного взаимодействия носят преимущественно взаимодополняющий характер.

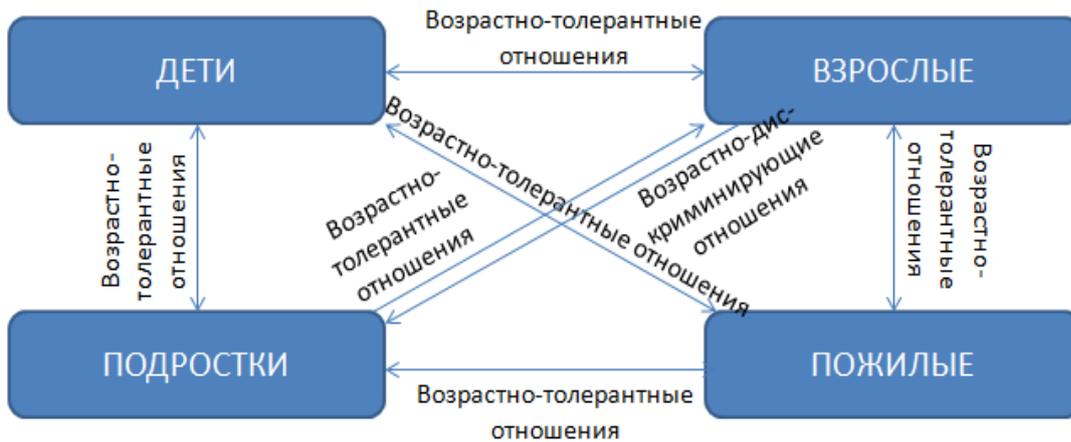

Рисунок 8. Модели отношений между возрастными группами в семейной сфере

Доминирующей моделью отношений между возрастными группами в контексте проблематики семейного взаимодействия является возрастнотолерантная модель, причем в ее распределении ярко прослеживается эффект ин-группового фаворитизма: во всех выборках наибольшую выраженность этой модели можно наблюдать в отношениях с родственниками, составляющими возрастную ин-группу.

Помимо этого, в выборке детей возрастнотолерантная модель отношений является безусловно приоритетной, прежде всего, при взаимодействии с родственниками, представляющими группу пожилых людей. В отношениях с другими возрастными группами эта модель также встречается чаще других, однако взрослые довольно часто рассматриваются как объект межвозрастной манипуляции, а подростки становятся мишенью возрастнотолерантнодискриминирующего отношения.

Подростки, в свою очередь, в качестве основного объекта дискриминации по признаку возраста рассматривают именно детей, чуть реже пожилых людей. Помимо этого, пожилые люди наряду со взрослыми становятся объектами возрастных манипуляций с их стороны. Тем не менее, доминирующей моделью межвозрастных отношений, реализуемых подростками в адрес представителей других возрастных групп, является модель возрастнотолерантных отношений, которая вступает в противоречие с основной моделью отношений к ним со стороны взрослых – возрастнотолерантнодискриминирующей.

Помимо отношений с подростками, взрослые склонны реализовывать возрастнотолерантнодискриминирующую модель и в отношениях с родственниками, представляющими группу пожилых людей, в то время как дети зачастую выступают в качестве объекта межвозрастной манипуляции.

Склонность к реализации возрастноманипулятивной модели отношений с различными возрастными группами в контексте семейной проблематики прослеживается и в выборке пожилых людей. Исключение составляют представители подростковой возрастной группы, которые довольно часто

становятся с их стороны объектами возрастно-дискриминирующих отношений.

Опираясь на полученные результаты, можно дать обобщенные характеристики различных моделей отношений между возрастными группами в контексте проблематики семейного взаимодействия.

Возрастно-толерантная модель предполагает высокую оценку значимости человека любого возраста в семейных отношениях, поскольку позволяет увидеть его «вклад» в семейное благополучие, например, непосредственность детей, готовность к освоению нового подростками, самостоятельность взрослых, мудрость пожилых людей.

Возрастно-дискриминирующая модель отношений между возрастными группами в контексте проблематики семейного взаимодействия проявляется в приоритетном внимании к негативным характеристикам возрастных групп, разрушающим благополучие семьи. Это внимание обусловлено использованием единого критерия для оценки всех возрастных групп, не позволяющего положительно оценить различия между ними. На первый план выходят мнения о зависимости и несамостоятельности детей, безответственности и несдержанности подростков, скучности взрослых и их стремлении сосредоточить в своих руках главенство в семье, умственном и коммуникативном регрессе пожилых людей.

Манипулятивная модель отношений между возрастными группами в семье реализуется, прежде всего, в отстаивании субъективно значимых семейных прав (на заботу у детей, на свободу у взрослых, на признание главенства у взрослых, на уважение у пожилых) путем попыток приведения в соответствие реального поведения партнера возрастнo-нормативному эталону.

Возрастно-игнорирующая модель для отношений между возрастными группами в контексте семейной проблематики нехарактерна.

В соответствии с логикой нашего исследования, нам было важно проследить взаимосвязи моделей отношений между возрастными группами и возрастных стереотипов, функционирующих в межгрупповом взаимодействии. Для этих целей в работе использовался коэффициент ϕ * Фишера. Анализ полученных результатов показал, что возрастнo-дискриминирующая и возрастнo-манипулятивная модели отношений между возрастными группами в семейном контексте сопряжены с выраженностью типичных возрастных стереотипов ($\alpha < 0,01$ и $\alpha < 0,05$ соответственно).

Типичные возрастные стереотипы, базирующиеся на магистральных образах детства, подростничества, взрослости и старости, ожидаемо оказались сопряжены с интолерантными моделями отношений между возрастными группами в семейном взаимодействии. Нетипичные стереотипы на уровне тенденции, не достигающей статистической достоверности, напротив, сопряжены с возрастнo-толерантной моделью межгрупповых отношений. На основании этих результатов можно констатировать, что отношения между возрастными группами в семейном контексте отличаются достаточно четкой структурой, понятной субъектам этих отношений, что, вероятнее всего, обу-

словлено отмечавшейся выше связью семейных и возрастных ролей, причем отмеченная закономерность особенно верна для взрослых и пожилых людей нормативной возрастной идентичностью, а также для детей и подростков с парадоксальной возрастной идентичностью.

Интересным представляется тот факт, что представители всех возрастных групп характеризуют как наиболее толерантные семейные отношения с представителями ин-группы. Эта закономерность, по всей вероятности, является следствием отмеченных выше эффекта ин-группового фаворитизма, а также содержательного соответствия возрастных стереотипов, функционирующих во внутрисемейном взаимодействии, магистральным возрастным стереотипам.

МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЗРАСТНЫМИ ГРУППАМИ В ПРОФЕС- СИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Результаты исследования отношений между возрастными группами в контексте профессионального взаимодействия показали, что в профессиональном взаимодействии между возрастными группами доминирует возрастно-толерантная модель отношений (44,3 %). В два раза реже проявляются возрастно-дискриминирующая (21,6 %) и возрастно-манипулятивная (22,4 %) модели, еще реже – модель возрастно-игнорирующих отношений (11,7 %) ¹⁸.

В целом можно констатировать, что отношения между возрастными группами в профессиональном взаимодействии характеризуются высокой степенью толерантности. Однако детальный анализ полученных результатов свидетельствует о том, что об истинном доминировании возрастнотолерантных отношений в системе отношений между возрастными группами говорить не вполне справедливо.

Во-первых, необходимо отметить, что в контексте профессионального взаимодействия проявления эффекта ин-группового фаворитизма и повышения уровня толерантности в отношениях внутри возрастных групп менее очевидно, чем в семейном контексте. Эта тенденция, по сути, ясно прослеживается только в группе пожилых людей, для которых ин-групповое взаимодействие в профессиональной сфере более комфортно, чем межгрупповое. В группе взрослых эта тенденция прослеживается менее выражено, а в группе подростков вообще не представлена. По всей вероятности, здесь проявляется описанный в предыдущем параграфе момент частичного содержательного рассогласования возрастных стереотипов, функционирующих в профессиональной сфере, с магистральными возрастными стереотипами, отражающее сопряженность в них возрастных категорий и профессионального опыта.

Во-вторых, различия между профессиональным и семейным контекстами реализации межвозрастных отношений проявляются и в отношениях между различными возрастными группами.

¹⁸ Группа «детей» была исключена из данного аспекта исследования, поскольку включенность детей в профессиональную деятельность не является распространенным явлением.

В частности, полученные результаты свидетельствуют о том, что подростки в целом демонстрируют преимущественно возрастнo-толерантные отношения в профессиональном взаимодействии с представителями возрастных аут-групп. Достоверно реже (критерий φ^* , $\alpha < 0,01$) в этой выборке встречается возрастнo-дискриминирующая, возрастнo-манипулятивная и возрастнo-игнорирующая модель межгрупповых отношений. В профессиональных отношениях с представителями возрастной ин-группы подростки, напротив, чаще демонстрируют возрастнo-дискриминирующую модель, возрастнo-толерантные отношения отходят на второй план.

В выборке взрослых, напротив, доминирующими в профессиональном взаимодействии с представителями аут-групп оказываются возрастнo-дискриминирующая (в отношениях с пожилыми коллегами и руководителями) и возрастнo-манипулятивная (в отношениях с молодыми коллегами и руководителями) модели отношений. Возрастнo-толерантные отношения в этой группе фиксируются преимущественно в ин-групповом взаимодействии.

В выборке пожилых людей возрастнo-толерантная модель отношений в профессиональной сфере проявляется, как уже отмечалось, преимущественно в ин-групповом взаимодействии (критерий φ^* , $\alpha < 0,01$). Так же достаточно высокая степень толерантности прослеживается в отношениях представителей этой возрастной группы с взрослыми коллегами и руководителями. Однако в отношениях с молодыми сотрудниками реализуются преимущественно возрастнo-манипулятивные отношения, возрастнo-толерантная модель представлена незначительно.

На рисунке 9 представлено обобщение изложенных выше фактов.

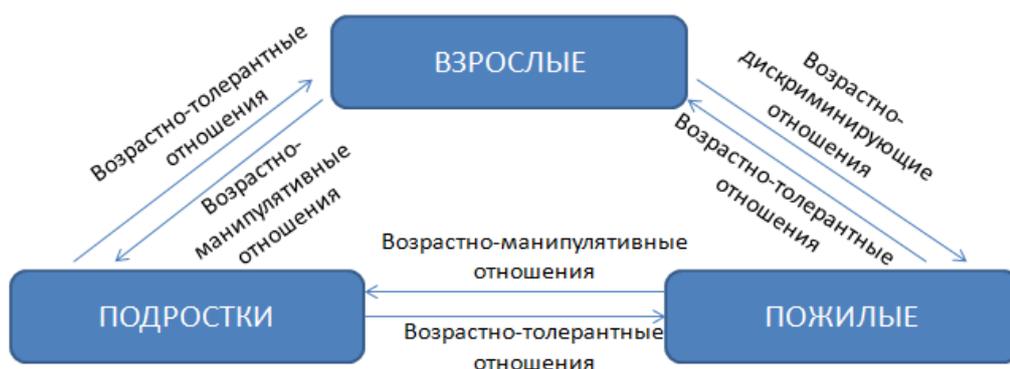

Рисунок 9. Модели отношений между возрастными группами в профессиональной сфере

Очевидно, что в профессиональной сфере отношений между возрастными группами наблюдается выраженная асимметрия. Возрастные группы склонны демонстрировать не совпадающие друг с другом модели межвозра-

стного взаимодействия, что, вероятно, может рассматриваться как потенциальный источник конфликтов в сфере профессионального взаимодействия.

Самое уязвимое положение в этой системе отношений занимают подростки, которые, демонстрируя преимущественно возрастнo-толерантное отношение к старшим коллегами, получают, прежде всего, возрастнo-манипулятивный ответ. При этом в этой возрастной группе не прослеживается проявления эффекта ин-группового фаворитизма, выражающегося в данном контексте в высокой степени толерантности в адрес своих ровесников, который мог бы выступать ресурсом преодоления отмеченной асимметрии отношений.

В этом смысле возрастная группа пожилых людей находится в несколько более выгодном положении. Несмотря на относительно высокую степень проявлений возрастнo-дискриминирующего отношения со стороны взрослых, пожилые люди в качестве ресурса имеют высокую степень толерантности в свой адрес со стороны самых молодых сотрудников, а также представителей ин-группы.

Самое выгодное положение в системе отношений между возрастными группами в контексте профессионального взаимодействия занимают взрослые люди. Наиболее типичной как для аут-групп, так и для собственной возрастной группы является возрастнo-толерантная модель отношений с ними. Этот факт еще раз демонстрирует доминирующее положение группы взрослых среди других возрастных групп.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что приведенная на рисунке 9 обобщенная схема доминирующих отношений между возрастными группами в профессиональном контексте взаимодействия воспроизводится не только в отношениях между коллегами, но и в отношениях между руководителем и подчиненным, причем в последнем случае отмеченная асимметрия содержательно не изменяется, но усиливается. Этот эффект, по всей вероятности, обусловлен сопряженностью возрастной и статусно-ролевой категоризации, особенно в том случае, если профессиональный статус человека не соответствует ожидаемому и требует «дополнительной проверки». Аналогичный эффект был отмечен нами при исследовании роли возраста и статуса преподавателя в контексте формирования первого впечатления о нем у студентов.

В целом, на основе результатов исследования моделей отношений между возрастными группами в профессиональной сфере, можно дать им следующую характеристику.

Возрастнo-толерантная модель отношений между возрастными группами в профессиональной сфере распространена в наибольшей степени и проявляет себя в признании различных оснований для профессионального сравнения представителей разных возрастных групп друг с другом, в силу чего появляется возможность увидеть положительные качества у людей любых возрастов: готовность к обучению и профессиональному развитию у са-

мых молодых сотрудников, продуктивность у взрослых, профессиональный опыт у пожилых.

Возрастно-дискриминирующая модель, распространенная чуть менее, напротив, опирается на использование единого основания для сравнения, которым выступают «сильные» профессиональные качества собственной возрастной группы, в результате чего акцентируются те качества возрастных групп, которые могут быть признаны в сфере профессионального взаимодействия недостатками, например, неопытность начинающих сотрудников, излишняя самоуверенность взрослых, консерватизм пожилых.

Важно, что и положительные качества, опора на которые типична для возрастно-толерантной модели, и отрицательные, подчеркивание которых характерно для возрастной дискриминации, отражают различия между возрастными группами в сфере профессионального взаимодействия, в силу чего и те, и другие качества могут становиться основанием для реализации возрастно-манипулятивной модели отношений, предполагающей возможность перекладывать часть своих профессиональных обязанностей на других людей путем апелляции к этим различиям.

Возрастно-игнорирующая модель отношений между возрастными группами в профессиональной сфере предполагает отсутствие внимания к возрастным особенностям работающих людей, проявляющаяся в убеждении, что в профессии «возраст не имеет значения».

Анализ сопряженности моделей отношений между возрастными группами в профессиональном контексте с различными типами возрастных стереотипов, проведенный с помощью критерия ϕ^* Фишера, показал, что возрастно-толерантная и возрастно-дискриминирующая модели отношений сопряжены с выраженностью нетипичных возрастных стереотипов ($\alpha < 0,01$), тогда как возрастно-манипулятивная модель – с выраженностью типичных стереотипов ($\alpha < 0,05$).

Полученные результаты опровергли наши первоначальные представления о том, что нетипичные стереотипы, отклоняясь от магистрального «детско-центричного» и «взросло-центричного» содержания, должны способствовать росту толерантности в межвозрастных отношениях. Помимо возрастно-толерантной модели отношений, они оказались связанными с возрастно-дискриминирующей моделью. На наш взгляд, этот факт заслуживает особого внимания, поскольку иллюстрирует укорененность дискриминирующих практик в сфере профессиональных отношений, «нормативность» этой модели отношений в профессиональной сфере. Особенно уязвимыми в этой связи, согласно полученным результатам, являются взрослые и пожилые люди с парадоксальной возрастной идентичностью, а также подростки с нормативной идентичностью.

5. МЕЖВОЗРАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛЮДЕЙ

В социальной психологии межличностные отношения понимаются как отношения между отдельными людьми, имеющими свой уникальный жизненный опыт, в том числе опыт контактов с другими людьми. В «Кратком психологическом словаре» межличностные отношения определяются как субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе взаимодействия (Краткий психологический словарь, 1985). Таким образом, очевидно, что межличностные отношения интегрируют в себе объективный и субъективный аспекты. Первый представлен практиками личного взаимодействия между людьми как носителями возрастных свойств. Второй аспект характеризует отражение этих практик непосредственными субъектами взаимодействия в виде социальных установок. Это наглядно прослеживается, в частности, в определении межличностных отношений, предложенном Н.Н. Обозовым, где этот вид отношений описывается как готовность субъектов к определенному типу взаимодействия, сопровождаемая эмоциональными переживаниями той или иной модальности и реализующаяся в их поведении в условиях совместной деятельности (Обозов Н.Н., 1979). При этом, как подчеркивают М.Ю. Кондратьев и В.А. Ильин, обозначенные аспекты межличностных отношений находятся в соотношении взаимообуславливания: с одной стороны, объективные характеристики взаимодействия определяют содержание и модальность установок, составляющих субъективный аспект отношений, а те, в свою очередь, создают предпосылки для реализации тех или иных моделей в поведении субъектов (Кондратьев М. Ю., Ильин В. А., 2007).

Важнейшей характеристикой межличностных отношений является их определенность условиями совместной деятельности и социально-психологическими характеристиками той общности, в рамках которой они осуществляются (Коллектив, личность, общение, 1987). Благодаря этому социальные установки, учитывающие специфику опыта личных контактов с партнером по взаимодействию, могут рассматриваться как более гибкий механизм социального познания, в сравнении с социальной стереотипизацией (Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2003).

В целом, в качестве специфических характеристик межличностных отношений необходимо учитывать их взаимный характер, значимость аффективной стороны, определенность личностными особенностями и опытом партнеров, а также контекстом взаимодействия. Эти характеристики положены в основу анализа межвозрастных отношений, реализующихся в межличностном взаимодействии, в их объективном и субъективном аспектах.

5.1. Практики межличностного взаимодействия людей как представителей возрастных групп

Практики межличностного взаимодействия людей как представителей возрастных групп, составляющие объективный аспект межличностных межвозрастных отношений, проявляются в характеристиках контактов между людьми разных возрастов в реальной жизни, прежде всего, в показателях их частоты и направленности.

На основе результатов проведенного нами исследования, полученных с помощью модификации методики «Социальные сети подростка» (Казьмина О.Т., 1998), были выделены приоритетные векторы контактов в межличностном взаимодействии (n=930 в возрасте от 14 до 82 лет). Оказалось, что основные межвозрастные контакты детей и пожилых людей сосредоточены в семейной сфере. Межвозрастные контакты подростков расширяются за счет эмоционально значимых формальных и дружеских связей с людьми разных возрастов за пределами семьи. Максимальная вариативность межвозрастных контактов наблюдается у взрослых людей, которые реализуют их в самых разнообразных сферах взаимодействия (семейной, профессиональной, дружеской и др.), минимальная – у пожилых людей. Помимо этого, в исследовании была выявлена тенденция к одновозрастному неформальному взаимодействию (дружескому общению), типичная для всех возрастных групп.

Полученные данные еще раз иллюстрируют сделанный в главе 2 вывод о том, что приоритетными сферами реализации межвозрастных отношений являются сферы семейного и профессионального взаимодействия. Ниже представлена более подробная характеристика контактов людей разных возрастов в этих сферах.

В условиях современной российской действительности нуклеарная и расширенная семьи трансформировались в модифицированные расширенные семьи, внутри которых наблюдаются довольно тесные отношения между поколениями, не обязательно подкрепленные проживанием на одной территории (Морозова О.Н., 2010). Отношения между поколенческими группами в семье, одним из определяющих признаков которых является принадлежность членов семьи к той или иной возрастной группе, является важнейшим фактором функциональности семейной системы (Сизова М.А., 2012). В дипломном исследовании Е.В. Мокрогуз, проведенном под нашим руководством, было показано, что отношения между людьми разных возрастов в рамках семейного взаимодействия характеризуются различной степенью эмоциональной близости / дистанцированности. Наиболее тесные отношения отмечаются между детьми, с одной стороны и взрослыми и пожилыми людьми, с другой, наиболее разобщенными являются отношения в системах «подростки – пожилые люди» и «взрослые – пожилые люди» (Мокрогуз Е.В., 2013).

Социальную дистанцию в межличностных отношениях людей разных возрастов в профессиональной сфере можно охарактеризовать, опираясь на результаты, полученные в исследовании Т.В. Смирновой. Наибольшая социальная дистанция наблюдается между взрослыми и пожилыми работниками,

причем она имеет тенденцию возрастать по мере увеличения разницы в возрасте. Эта тенденция проявляется независимо от того, в каких отношениях («руководитель – подчиненный» или коллеги) находятся люди разных возрастов (Смирнова Т.В., 2008).

Подводя итог характеристике объективного аспекта межвозрастных отношений, реализующихся в межличностном взаимодействии, можно отметить, что межличностные контакты между людьми разных возрастов имеют разную степень напряженности и социальной близости / дистанцированности: наибольшая дистанция наблюдается в отношениях между пожилыми людьми и людьми других возрастов, наименьшая – в отношениях с детьми.

5.2. Возрастные установки как социально-психологический феномен

В современной социально-психологической литературе (как отечественной, так и зарубежной) нам не удалось встретить работы, посвященные феномену возрастной установки. Как правило, исследователи оперируют термином «возрастной стереотип». Однако при содержательном анализе процедуры и результатов отдельных исследований становится очевидным, что на самом деле в них идет речь о социально-психологических характеристиках отношений, осуществляющихся в межличностных отношениях, то есть, по сути, не о возрастных стереотипах, а о возрастных установках.

Дифференциация возрастной установки от возрастного стереотипа и ее описание как самостоятельной социально-психологической характеристики межвозрастных отношений, реализуемых в межличностном взаимодействии, представляется нам крайне важной в силу того, что социальные установки и стереотипы, частным случаем которых являются рассматриваемые нами феномены, определяют разные по сути эффекты отношений людей. Возрастные стереотипы позволяют оперировать только обобщенной, схематизированной информацией о человеке как «типичном представителе своей возрастной группы» и играют конструктивную роль только в ситуациях межгруппового взаимодействия (прежде всего, кратковременного ролевого общения). Возрастные установки, напротив, обладают более гибким содержанием в силу опосредованности реальным опытом межличностного взаимодействия. В социальной психологии уже давно является «общим местом» утверждение, что реализация социальных стереотипов в межличностном общении значительно ухудшает качество последнего. То же самое можно сказать и о недифференцированном использовании понятий «возрастной стереотип» и «возрастная установка» в научных исследованиях: использование единого для разных уровней анализа межвозрастных отношений термина «возрастной стереотип» обедняет возможности исследования закономерностей межвозрастных отношений, реализующихся в межличностном взаимодействии. В этой связи в нашем исследовании предложена характеристика возрастной установки как социально-психологического феномена, при разработке которой мы опирались, с одной стороны, на достижения социальной психологии в области изучения социальных установок в целом, и, с другой стороны, на имеющиеся в

литературе данные, характеризующие различные эффекты межвозрастных отношений в межличностном взаимодействии.

В социальной психологии понятие «социальная установка» используется для изучения и объяснения фактов и явлений, связывающих личность и социальную среду (Битянова М.Р., 2002). Эту функцию социальная установка выполняет в силу того, что, как указывает П.Н. Шихирев, она одновременно представляет собой элемент и социальной структуры, и психологической структуры личности (Шихирев П.Н., 1999).

На основе классического определения социальной установки как «состояния сознания индивида относительно некоторой социальной ценности», предложенного У. Томасом и Ф. Знанецким в первой четверти XX века (Томас У., Знанецкий Ф., 1998), сегодня социальная установка понимается как предрасположенность субъекта к совершению определенного социального поведения (Большой психологический словарь, 2005). Принято считать, что социальная установка имеет трехкомпонентную структуру, включающую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты (Смит М., по: Андреева Г.М., 2008).

Объектами социальной установки могут становиться любые социальные феномены: отдельные люди, социальные общности, события общественной жизни и т.д. В контексте проблематики межвозрастных отношений в качестве объекта возрастной установки рассматривается личность как представитель возрастной группы. В соответствии с этим, *возрастная установка, понимаемая нами как частный случай социальной установки, может быть определена как готовность человека вести себя определенным образом в соответствии со своей возрастной ролью и возрастной ролью партнера по взаимодействию.* В качестве когнитивного компонента возрастной установки рассматриваются обобщенные знания о возрастных ролях в контексте специфики их реализации конкретными людьми (необходимо подчеркнуть, что, в отличие от явления социальной стереотипизации, «объектом» в этом случае выступает конкретный, а не обобщенный человек как носитель возрастных свойств). Аффективный компонент установки в этом случае предполагает переживание эмоциональной оценки исполнения возрастной роли партнером, а поведенческий – готовность вести себя определенным образом при взаимодействии с ним.

В соответствии с традиционно выделяемыми в социальной психологии функциями социальных установок (см., например, Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2003), в качестве функций возрастных установок выделяются утилитарная, познавательная, ценностно-экспрессивная и эго-защитная функции. Познавательная функция (функция организации знаний), основанная на стремлении человека к упорядочиванию сведений об окружающем мире, определяется тем, что возрастная установка содержит информацию о возрастных ролях и статусах людей в различных контекстах взаимодействия. Утилитарная (инструментальная, адаптивная) функция, которая определяет

приспособительные тенденции в поведении человека, в случае возрастной установки заключается в ее способствовании использованию различий в возрастных ролях и статусах для эффективного достижения собственных целей во взаимодействии с людьми. Ценностно-экспрессивная функция (функция самореализации), выражающая отношение к социальным объектам, опосредованное системой ценностей человека, проявляется в выражении отношения к людям как носителям возрастных ролей, реализуемое во взаимодействии с ними. Эгозащитная функция, связанная с возможностью социальной установки способствовать решению внутриличностных конфликтов, проявляет себя в объяснении и субъективной «нормализации» используемых практик межвозрастного взаимодействия в различных сферах.

В отечественных и зарубежных социально-психологических исследованиях показано, что содержание социальных установок имеет многофакторную детерминацию, и опосредовано, как минимум, предшествующим опытом личности (Олпорт Г., по Асмолов А. Г., Ковальчук М. А., 1977), ее общей социальной направленностью и ценностными ориентациями (Ядов В.А., 1975), а также ситуацией, в которой воспроизводится установка (Rokeach M., 1968). Множественная опосредованность определяет сложность связей между социальной установкой и реальным поведением человека.

Как экспериментально доказали Р. Фазио и К. Уильямс, наиболее тесная связь между социальными установками и поведением наблюдается в том случае, если социальная установка является легкодоступной, то есть актуализирующейся за минимальный промежуток времени и с большой долей вероятности (по: Асмолов А. Г., Ковальчук М. А., 1977). Результаты целого ряда зарубежных исследований (Cuddy A. J. C., Fiske S. T., 2002; Kunda Z., 1999; Levy B. R., Hausdorff J. M., Hencke R., Wei J. Y., 2000) позволяют предполагать, что возрастные установки, опираясь на возрастные признаки человека как основную наряду с гендером социально-познавательную категорию, относятся к легкодоступным, в силу чего регулируют поведение человека в широком диапазоне ситуаций, причем, как правило, роль возраста партнера в выстраивании взаимодействия с ним не осознается (Perdue C. W., Gurtman M. B., 1990). Эти данные подтверждены и на российской выборке на материале анализа взаимодействия студентов и преподавателей с применением теста имплицитных ассоциаций (ИАТ) в магистерской диссертации А. А. Хрящевой, подготовленной под нашим руководством.

Актуализация возрастных установок, судя по имеющимся в литературе данным, помимо внешних возрастных признаков (Ptacek P. H., Sander E. K., 1966), может опираться на особенности вербального и невербального поведения партнера. К значимым в этой связи вербальным характеристикам можно отнести возрастную тематичность общения (Елютина М.Э., Чеконова Э.Е., 2004), а также особенности ведения беседы – темп, количество уточняющих вопросов, повторов и т.д. (Bieman-Copland S., Ryan E.B., 2001). Среди невербальных характеристик можно отметить тембр голоса и особенности ин-

тонирования (Hummert M. L., Mazloff D., Henry C., 1999), мимические паттерны (Hummert M. L., Garstka T. A., Shaner J. L., 1997).

Как и любые другие социальные установки, возрастные установки обладают достаточно высокой степенью устойчивости, которая возрастает по мере накопления личностью социального опыта (Годфруа Ж., 1992). В этой связи довольно актуален вопрос о возможностях их трансформации, особенно в том случае, когда они приводят к неконструктивным формам межвозрастного взаимодействия. Соотнося имеющиеся на сегодняшний день в литературе данные с основными теоретическими концепциями, претендующими на объяснение механизмов формирования социальных установок, можно констатировать, что бихевиористская концепция применительно к возрастным установкам не находит эмпирического подтверждения. Как показано в исследовании Н.В. Техтелевой и Е.В. Белугиной, интенсивнее всего подкрепляется то поведение, которое соответствует возрастной роли взрослого, вне зависимости от реальной возрастной принадлежности человека (Белугина Е.В., 2007; Техтелева Н.В., 2008). Между тем, как будет показано ниже, различные возрастные группы обладают содержательно специфичными возрастными установками.

Когнитивистская концепция формирования и трансформации социальных установок также оказывается эмпирически неподтвержденной. В частности, трансформация сложившихся в реальном взаимодействии с пожилыми родственниками установок с применением информирования о пожилых людях, сохраняющих интеллектуальную активность или физическую привлекательность, оказывается неэффективной (Whitbourne S.K., Hulicka I.M., 1990), равно как и использование рассказов о талантливых пожилых людях (Gilbert M.A., 1999).

Наибольшее эмпирическое подтверждение применительно к возрастным установкам, судя по всему, получено для интеракционистской концепции трансформации социальных установок, в рамках которой этот процесс рассматривается как функция изменения структуры межличностных отношений. В исследованиях зарубежных социальных психологов продемонстрировано, что наиболее перспективным направлением работы по трансформации возрастных установок является создание условий для субъективной дифференциации возрастных ролей в сознании людей, прежде всего за счет непосредственных контактов с людьми разных возрастов (Hummert M. L., 1990). При этом крайне важен характер подобного межвозрастного общения. Формальное общение, например, общение по долгу службы, как правило, не приводит к трансформации первоначальных возрастных установок (Koder D.A., Helmes E., 2008), тогда как эмоционально насыщенные, лично значимые отношения с представителями различных возрастных групп (на модели семейных отношений), напротив, могут приводить к их изменению (Rados R.C., 2004).

СОДЕРЖАНИЕ ВОЗРАСТНЫХ УСТАНОВОК

Результаты проведенного нами исследования, направленного на выявление содержания возрастных установок ($n=169$ в возрасте 15-72 года, структурированная беседа), показали, что содержание возрастных установок варьируется в зависимости от возрастной принадлежности субъектов взаимодействия. Так, детей, вовлеченных в межличностное взаимодействие, испытуемые готовы воспринимать, в первую очередь, как зависимых от людей других возрастов, к которым они обращаются с какими-либо просьбами или вопросами («поиграть», «дать вкусенького», «помочь с уроками» и т.д.). В поведении подростка отмечаются как черты зависимости («просит что-то купить», «просит денег»), так и элементы партнерского межвозрастного взаимодействия («рассказывает, что случилось», «делится секретами»). Поведение взрослого человека описывается в терминах равноправия и, по отношению к пожилым людям и особенно подросткам, доминирования («учит жизни», «требуется помогать по дому»). При описании поведения пожилых людей на первый план выходит их активность по налаживанию партнерских отношений в межвозрастном взаимодействии, которая проявляется в предложениях заботы, помощи и совместного времяпровождения («предлагает помощь», «рассказывает истории из жизни»).

На этом основании можно утверждать, что содержание возрастных установок во многом определяется магистральными возрастными представлениями, а также возрастными стереотипами. Так, в качестве обычной формы поведения детей представители всех возрастных групп рассматривают просьбу поиграть с ним (усредненная удельная частота составляет 0,023), пожилые люди добавляют к этому их склонность шуметь (0,014). В действиях подростка усматриваются традиционные черты протестного поведения (0,017 в выборке взрослых и 0,019 в выборке пожилых). В описании поведения пожилых людей ярко проявляются стереотипы слабого здоровья и потребности делиться своим жизненным опытом (усредненные показатели частоты встречаемости составляют 0,013 и 0,011 соответственно). Эти факты демонстрирует опосредованность содержания возрастных установок социально-психологическими характеристиками более высокого уровня обобщенности. В целом оказывается, что в повседневном взаимодействии люди оказываются готовы замечать в поведении партнеров именно возрастноспецифичные черты, то есть особенности, которые соответствуют содержанию возрастных представлений и стереотипов.

При этом содержание возрастных установок, функционирующих в сфере внутрисемейного взаимодействия, практически полностью содержательно совпадают с магистральными возрастными установками (92,4 %), отражая в том числе и эффекты опосредованности процессами возрастной стереотипизации и возрастными представлениями. В них в целом отражаются представления о той или иной степени зависимости детей, подростков и пожилых людей в семейных отношениях, а также стереотипы «играющего ребенка»,

«кризисного подростка», «заботящегося взрослого», «стремящегося поделиться жизненным опытом» пожилого человека. Совпадения содержания возрастных установок, функционирующих в профессиональной сфере, с магистральными возрастными установками гораздо менее значимо (46,7 %). Их содержание во многом определяется особенностями профессионального взаимодействия как особого вида взаимодействия людей. Достаточно большое количество ответов испытуемых описывает характеристики «рабочего» поведения коллег разного возраста (0,375). При этом прослеживается тенденция ожидать от подростков вопросов, связанных с ходом выполнения работы (0,063), а от взрослых – ответов на эти вопросы (0,022) и руководящей позиции (0,054). Интересно, что «профессиональные» характеристики, выраженные в содержании установок в адрес подростков и взрослых людей, практически не нашли отражения в ожиданиях относительно пожилых людей. По всей вероятности, в этом также проявляются возрастные стереотипы (в данном случае, геронтостереотипы), в содержании которых профессиональная деятельность в структуре образа пожилого человека не представлена.

Описывая собственные реакции, которые возникают в процессе взаимодействия с людьми разных возрастов, испытуемые в большинстве случаев декларировали «мирное сосуществование» между людьми разных возрастов. В своей активности в межвозрастном взаимодействии они обращали внимание, прежде всего, на те формы поведения, которые способствуют бесконфликтному развитию отношений. При этом ответы испытуемых отличались крайне низким содержательным разнообразием.

Взаимодействие с детьми в описаниях испытуемых всех возрастов наделялось преимущественно характеристиками положительной модальности: дети вызывают своим поведением положительные эмоции (усредненная частота 0,017), их просьбы удовлетворяются (0,008), возникшие непонимания разъясняются (0,005). Взаимодействие с людьми остальных возрастов в целом характеризовалось как эмоционально-нейтральное. В общении с подростками, в частности, доминировали стратегии прояснения ситуации (0,012) и уклонения от возможных противоречий (0,011). Уклонение от потенциальных конфликтов описывалось и как основная стратегия взаимодействия с пожилыми людьми (0,027). Чуть более разнообразно были представлены стратегии взаимодействия со взрослыми людьми: помимо уклонения от возможных конфликтных ситуаций (0,011), испытуемые разных возрастов указывали различные возможности равноправного взаимодействия с ними, в том числе обмена опытом (пожилые люди, 0,013) и конфронтации (подростки, 0,011).

Судя по всему, эти результаты являются иллюстрацией эффекта социальной желательности: норма толерантности, активно пропагандируемая сегодня, проявилась прежде всего в отношении представителей тех возрастных групп, статус которых относительно невысок. Однако результаты, полученные с помощью Цветового теста отношений, позволяющего отчасти обойти барьер социальной желательности, свидетельствуют о том, что эта норма яв-

ляется в большей степени декларативной и в полной мере не интериоризирована испытуемыми.

Сопоставление оценок испытуемыми отношений с людьми, описание поведения которых соответствовало или не соответствовало содержанию возрастных стереотипов, показало, что модальность взаимоотношений в целом выше в тех случаях, когда восприятие поведения партнера свободно от магистральных возрастных стереотипов, причем в выборке подростков этот факт статистически достоверен ($U=997$, $\alpha<0,05$), а выборках взрослых и пожилых людей существует на уровне выраженной тенденции. Учитывая, что в исследовании не обнаружено достоверных взаимосвязей между показателем психологической дистанции и модальностью оценки взаимоотношений, можно с большой долей уверенности говорить о том, что стереотипность восприятия партнеров по межличностному взаимодействию не обусловлена недостаточной личностной вовлеченностью или ограниченным опытом контактов с ними. Стереотипность в восприятии партнеров по межличностному взаимодействию может рассматриваться в качестве одной из характеристик возрастной установки как социально-психологической характеристики межвозрастных отношений в межличностном взаимодействии.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ВОЗРАСТНЫХ УСТАНОВОК

В целом, исследование содержания возрастных установок показало, что в его структуре можно выделить компонент, обусловленный содержанием магистральных возрастных стереотипов, а также компонент, свободный от возрастного-стереотипного содержания, которые находятся в обратной и прямой сопряженности с положительной эмоциональной модальностью взаимоотношений между людьми соответственно. На этом основании можно предложить *эмпирическую типологию возрастных установок*, позволяющую дифференцировать их на толерантные и интолерантные (см. рисунок 10). Толерантные возрастные установки представляют собой готовность воспринимать поведение партнера по взаимодействию независимо от содержания магистрального возрастного стереотипа и принимать его различные возраст-специфические особенности. Сущность установок этого типа заключается в готовности учитывать межвозрастные различия, сведения о которых почерпнуты в собственном жизненном опыте, при выстраивании стратегий взаимодействия с партнером того или иного возраста. Интолерантные возрастные установки представляют собой готовность воспринимать поведение партнера по взаимодействию через призму магистрального возрастного стереотипа с тенденцией не принимать отмечаемые возраст-специфические черты его поведения. Они, напротив, предполагают проявление в поведении носителя элементов неконструктивных способов взаимодействия: дискриминации, манипуляции, игнорирования и др.

Рисунок 10. Эмпирическая типология возрастных установок

Для оценки выраженности толерантных и интолерантных возрастных установок мы посчитали целесообразным использовать опросник «Виды и компоненты толерантности (ВИКТИ)» (Бардиер Г.Л., 2005), шкала «Межпоколенная толерантность». Несмотря на то, что название шкалы апеллирует к термину «поколение», формулировки составляющих ее вопросов отражают преимущественно проблематику межвозрастного взаимодействия и обращены к личному опыту испытуемых, что позволило использовать эту шкалу в контексте задачи изучения межвозрастных отношений (n=134 в возрасте 15-72 года)¹⁹.

Усредненные показатели межпоколенной толерантности составили 51,7, 51,6 и 48,7 в выборках подростков, взрослых и пожилых людей соответственно. Оказалось, что возрастнo-толерантные установки в большей степени выражены в возрастных группах подростков и взрослых, в сравнении с группой пожилых людей (различия достоверны, $t=2,62$, $\alpha<0,01$ и $t=4,16$, $\alpha<0,01$). При этом обнаружили значимые корреляционные взаимосвязи показателя межпоколенной толерантности с показателем благополучия в сфере возрастной идентичности (Опросник «Структура социальной идентичности»): в выборке подростков $r_s=-0,37$, $\alpha<0,05$, в выборке пожилых людей $r_s=0,35$, $\alpha<0,05$. В выборке взрослых прямая связь между этими показателями существует на уровне тенденции.

Таким образом, была выявлена положительная взаимосвязь между выраженностью толерантных возрастных установок с нормативной возрастной идентичностью пожилых и (на уровне тенденции) взрослых людей, а также парадоксальной возрастной идентичностью подростков. Интолерантные возрастные установки, напротив, в большей степени оказались характерны для

¹⁹ Исследование выполнено А.С. Лойкканен в рамках НИРС под нашим руководством. Результаты используются в работе с ее согласия

взрослых и особенно пожилых людей, имеющих парадоксальную возрастную идентичность, и для подростков, чья возрастная идентичность характеризуется нормативностью. Этот результат еще раз демонстрирует опосредованность содержания возрастных установок социально-психологическими характеристиками межвозрастных отношений более высокого уровня обобщенности, которые предписывают «нормальному подростку» проявления интолерантности в отношениях с людьми. Принятие возрастной роли подростка, таким образом, может выступать фактором, подкрепляющим интолерантные формы взаимодействия с людьми других возрастов.

ФУНКЦИИ ВОЗРАСТНЫХ УСТАНОВОК

На основе полученных результатов можно уточнить *функции, выполняемые возрастными установками* в межличностном взаимодействии. Функция организации знаний определяется соотносительностью содержания возрастных установок с содержанием магистральных возрастных представлений и стереотипов. Инструментальная функция реализуется в использовании содержания возрастных установок для достижения собственных целей во взаимодействии с людьми. Ценностно-экспрессивная функция заключается в опосредованности возрастными установками модальности межличностного взаимодействия. Эгозащитная функция заключается в содействии системы возрастных установок личности поддержанию благоприятной возрастной идентичности субъекта.

5.3. Модели межвозрастных отношений в межличностном взаимодействии

Несмотря на то, что исследования семейных и профессиональных отношений, в том числе с учетом фактора возраста или поколенческой принадлежности субъектов, достаточно широко представлены в современной литературе, посвященной проблемам психологии семьи и психологии труда соответственно, нам не удалось встретить эмпирические результаты, которые позволили бы охарактеризовать модели межвозрастных отношений в семейной и профессиональной сферах. В связи с этим была проведена серия исследований, цель которых заключалась в определении распространенности различных моделей межвозрастных отношений во внутрисемейном (n=236 в возрасте 16-82 года, анализ текстов эссе, модифицированный вариант «Опросника эйджизма» (Palmore E., 2001), авторская анкета «Проективные ситуации», методика «Психологический климатический круг» (Психология здоровья, 2007)) и профессиональном (n= 330 человек в возрасте 16-75 лет, работающие, анализ тестов эссе, «Опросника эйджизма», авторская анкета «Проективные ситуации», Опросник удовлетворенности работой (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М., 2002)) взаимодействии.

МОДЕЛИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ

Согласно полученным данным, наибольшее распространение в контексте семейного взаимодействия имеют неконструктивные модели межвозрастных отношений:

возрастно-манипулятивная (37,3 %) и возрастно-дискриминирующая (28,0 %). Возрастно-толерантная модель отношений, имеющая конструктивный характер, значительно уступает совокупной распространенности неконструктивных моделей (33,0 %). Возрастно-игнорирующая модель в контексте непосредственного внутрисемейного взаимодействия оказалась практически непредставленной (1,7 %), в силу чего ее проявления во внутрисемейном взаимодействии в дальнейшем анализе не представлены.

Возрастно-манипулятивная модель межличностных отношений в сфере внутрисемейного взаимодействия проявляется в нескольких формах. Во-первых, это апелляция к возрастным особенностям родственников и/или их возможностям, которая рассматривается как средство воздействия («Старики частенько тихой сапой настаивают на своем, напирая на свой огромный жизненный опыт, и ведь не поспоришь – невежливо»²⁰, мужчина, 17 лет; «Они же моложе, им проще денег заработать, вот пусть и содержат родителей», женщина, 71 год). Помимо этого, возрастно-манипулятивная модель может проявляться посредством акцентирования значимости различий между родственниками разных возрастов в контексте достижения собственных целей («Молодежь хитрее стариков, веревки вяют, а старики не замечают даже», женщина, 41 год).

Возрастно-дискриминирующая модель отношений в сфере внутрисемейного взаимодействия обнаруживается, прежде всего, в ограничении родственниками одного возраста прав родственников другого возраста («Родители требуют быть дома к определенному времени, хотя человеку уже хорошо за тридцать», женщина, 38 лет). Другой формой является сосредоточение в руках представителей одного поколения семьи большинства семейных ресурсов («Кто-то из старших родственников должен считать себя семейным казначеем и имеет право настаивать, чтобы ему отдавались деньги», женщина, 53 года) или права принятия общесемейных решений («Старшее поколение «в одно рыло» решает, куда всем ехать отдыхать, что есть, что покупать в дом», женщина, 17 лет).

Наконец, возрастно-толерантная модель проявляется в признании равенства прав и обязанностей всех членов семьи («Дети – такие же члены семьи, как и взрослые. С их мнением нужно считаться. Но и пользу семье они тоже должны оказывать», мужчина, 46 лет), равенства возможностей всех членов семьи вне зависимости от возраста («Хорошо, чтобы в семье было хорошо всем – и молодым, и пожилым», женщина, 69 лет). Другим проявлением возрастно-толерантной модели является учет межвозрастных различий

²⁰ Пример высказывания испытуемого (без сохранения авторской орфографии и пунктуации), иллюстрирующего приведенное в тексте обобщение.

Рисунок 11. Векторы реализации различных моделей межвозрастных отношений во внутрисемейном взаимодействии

Согласно полученным результатам, в отношениях с пожилыми людьми чаще, чем в отношениях с членами семьи других возрастов, реализуется возрастнo-толерантная модель (усредненный показатель 31,4 %). Взрослые достоверно чаще, чем остальные, вовлечены в возрастнo-манипулятивные отношения (47,5 %, критерий ϕ^* , $\alpha < 0,01$). Подростки взаимодействуют с родственниками преимущественно в контексте возрастнo-дискриминирующей модели отношений (45,8 %). В целом, в наиболее уязвимом положении оказываются подростки, которые не имеют ресурса возрастнo-толерантного отношения к себе, имеющегося у пожилых людей, или ресурса симметричности неконструктивных моделей межвозрастных отношений, которым обладают взрослые.

Анализ результатов, полученных на материале целостных семей ($n=123$, 37 трехпоколенных семей), подтверждает, что охарактеризовать межвозрастные отношения в семье посредством признаков, относящихся к какой-либо одной модели, не представляется возможным. Во всех 37 семьях, принявших участие в исследовании, было отмечено функционирование нескольких моделей межвозрастных отношений одновременно. При этом в 21 семье представители всех трех поколений одинаково описали межвозрастные отношения внутри семейной системы, в 16 – по-разному. Сопоставление социально-психологических характеристик межвозрастных отношений в этих семьях с показателями психологического климата в семье показало, что единое понимание межвозрастного контекста внутрисемейных взаимоотношений сопряжено с благополучным психологическим климатом в семье, и наоборот (критерий ϕ^* , $\alpha < 0,05$). Таким образом, полученные результаты не дают оснований для того, чтобы признать какую-либо из моделей межвозрастных отношений (в частности, возрастнo-толерантную модель) может фактором, вносящего вклад в социально-психологическое благополучие семьи. По всей вероятности, таким фактором является понятность функционирующих в семье моделей межвозрастных отношений, благодаря которой представители

разных поколений семьи имеют возможность выработать способы совладания с последствиями неконструктивных межвозрастных воздействий.

В целом, проведенное исследование показало, что наиболее уязвимое положение в возрастной структуре семьи занимают подростки. Они в большей степени, чем представители других поколений семьи, отмечают факты возрастной дискриминации в свой адрес при том, что их возможности ответного воздействия в контексте межвозрастной проблематики оказываются самыми незначительными. Однако, поскольку описанная картина в целом не противоречит содержанию магистральных возрастных представлений и стереотипов, у подростков в целом есть возможности более или менее полной реализации своих возрастных функций в контексте семейного взаимодействия.

Пожилые члены семьи располагают определенным ресурсом толерантности со стороны представителей других поколений семьи. Помимо этого, в соответствии с содержанием магистральных возрастных представлений и стереотипов, пожилые люди менее остро, в сравнении с подростками, реагируют на факты возрастной манипуляции и дискриминации, особенно в том случае, когда обладают нормативной возрастной идентичностью.

Положение взрослых в возрастной структуре семьи неоднозначно. Люди этого возраста, по сути, находятся в ситуации «двойной дискриминации», когда, с одной стороны, над ними довлеет статус взрослого человека, согласно преспективным характеристикам которого им предписывается семейная функция «доминирующей заботы», и для поддержания позитивной возрастной идентичности эту функцию необходимо так или иначе реализовывать. С другой стороны, взрослые сталкиваются с объективными фактами возрастной манипуляции и ограничения их возможностей в семье со стороны представителей других поколений. В итоге неконструктивные модели межвозрастных отношений в семье труднее всего переживаются именно взрослыми людьми, особенно в том случае, когда наблюдается неблагополучие в сфере идентификации с ролью взрослого человека.

МОДЕЛИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Результаты исследования отношений между людьми разного возраста в контексте профессионального взаимодействия позволяют утверждать, что в сфере профессионального взаимодействия преобладают неконструктивные модели межвозрастных отношений. Распространенность возрастно-дискриминирующей модели, по нашим данным, составляет 34,6 %, возрастно-манипулятивной – 25,6 %, возрастно-игнорирующей – 1,0 % (возрастно-игнорирующая модель в силу незначительной распространенности и недостаточности полученных эмпирических характеристик в последующем анализе не представлена). Признаки носящей конструктивный характер возрастно-толерантной модели отношений проявились в 38,8 % ответов.

Формы проявления выявленных моделей отношений во многом сходны с аналогичными характеристиками отношений между людьми разных возрастов в контексте внутрисемейного взаимодействия, однако имеют специфику, связанную с содержанием профессиональной деятельности людей.

К формам проявления возрастно-манипулятивной модели межличностных отношений в сфере профессионального взаимодействия можно отнести, во-первых, перекладывание своих обязанностей на других людей посредством апелляции к их возрасту («Старички часто говорят, что молодым легче работать, и просят отдать *большую* часть работы нам»²¹, мужчина, 29 лет). В качестве второй формы можно обозначить, напротив, попытку получить желаемое задание или карьерное продвижение на «возрастном» основании («Однажды своими ушами слышала, как какой-то сопляк объяснял начальнику, что справится с проектом лучше, чем какие-то старперы», женщина, 66 лет).

Возрастно-дискриминирующая модель отношений в сфере профессионального взаимодействия обнаруживается, в первую очередь, в неравном распределении ресурсов, материальных («Молодежь часто не понимает, что приличную зарплату надо сначала заработать. Наше поколение для этого двадцать лет пахало, теперь их очередь пахать», мужчина, 41 год) и нематериальных, например, ресурсов руководства («Смотришь на него и понимаешь, что толку от такого начальника никакого – ему же чуть за двадцать!», мужчина, 64 года).

Возрастно-толерантная модель межвозрастных отношений в профессиональной сфере, в свою очередь, выражается терпимостью к возрастнo-специфическим особенностям коллег («Конечно, они еще многого не умеют, это понятно. Я сам раньше был таким же», мужчина, 30 лет), с одной стороны, и готовностью оценивать профессиональные возможности человека вне зависимости от его возраста («Успехи человека в работе и его способности зависят совсем не от того, сколько ему лет и какой у него стаж», женщина, 37 лет), с другой.

Детализация приведенных выше данных показала, что, в отличие от семейной сферы, в профессиональном пространстве не наблюдается тенденции преобладания одних моделей межвозрастных отношений над другими (за исключением возрастнo-игнорирующей модели, которая имеет очень ограниченное распространение): их выраженность во всех трех выборках примерно одинакова.

Представители всех без исключения возрастных групп в целом продемонстрировали склонность к реализации возрастнo-толерантной модели отношений в профессиональном взаимодействии вне зависимости от возрастной принадлежности партнера. Показатели распространенности этой модели

²¹ Пример высказывания испытуемого (без сохранения авторской орфографии и пунктуации), иллюстрирующего приведенное в тексте обобщение

составили усредненно 42,8 % в выборке подростков, 37,4 % в выборке взрослых и 46,0 % в выборке пожилых людей.

С нашей точки зрения, отличия, обнаруженные при сравнении профессионального контекста реализации межличностных межвозрастных отношений с семейным, могут быть объяснены взаимодействием возрастной роли с другими социальными ролями человека. Как уже отмечалось выше, семейные роли, судя по всему, содержательно поддерживают неконструктивные модели межвозрастных отношений, тогда как профессиональные, напротив, опираются на правила деловой коммуникации, содержательно перекликающиеся с нормами уважения и терпимости, то есть с конструктивными формами отношений между людьми разных возрастов.

Возрастно-манипулятивная модель профессионального взаимодействия оказалась в большей степени характерной для подростков (усредненный показатель составляет 23,4 %). Реже она прослеживается в характеристиках межвозрастных отношений, упоминаемых пожилыми (16,2%) и взрослыми (11,9 %) людьми. «Вектор» возрастно-манипулятивных отношений почти всегда носит межвозрастной характер: признаки возрастных манипуляций практически не встречаются в характеристиках внутривозрастных профессиональных контактов.

Возрастно-дискриминирующая модель межвозрастных отношений в профессиональной сфере проявляется относительно нечасто (15,8 % в выборке подростков, 15,9 % в выборке взрослых и 13,3 % в выборке пожилых людей). Основными «векторами» ее реализации ожидаемо оказались межвозрастные отношения, в которых один из партнеров принадлежит к группе подростков или пожилых людей.

Обобщение описанных результатов представлено на рисунке 12.

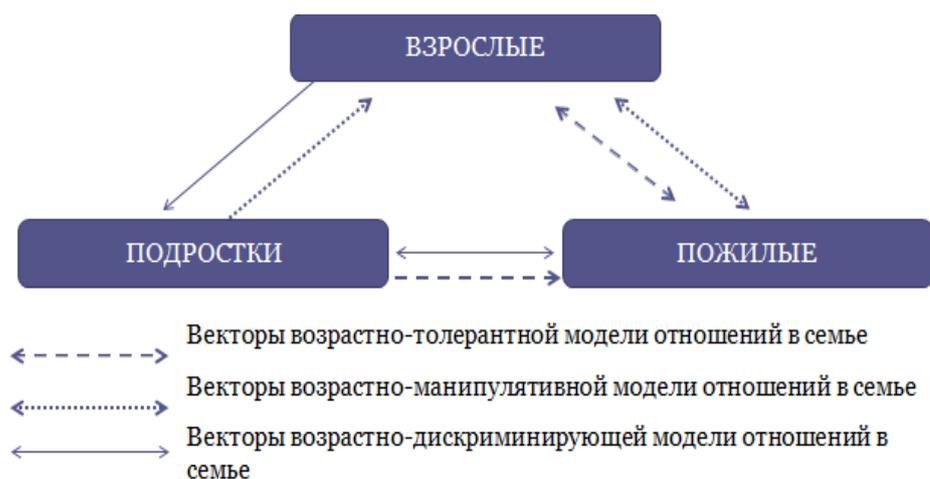

Рисунок 12. Векторы реализации различных моделей межвозрастных отношений в профессиональном взаимодействии

Согласно полученным результатам, в профессиональных отношениях между людьми любых возрастов реализуется преимущественно возрастнотолерантная модель. Однако ряд тенденций, описанных на материале внутрисемейного межвозрастного взаимодействия, воспроизводится и в профессиональной сфере. В частности, это вовлеченность в межвозрастные манипуляции, прежде всего, взрослых людей, а также взаимодействие с подростками преимущественно в контексте возрастнодискриминирующей модели отношений.

В целом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что наиболее уязвимое положение в межвозрастных отношениях в профессиональной сфере занимают подростки, положение взрослых и пожилых людей определяется характером их возрастной идентичности, причем положение взрослого, обладающего нормативной возрастной идентичностью, может быть усложнено противоречием между возрастным и профессиональным статусом, а положение пожилого человека с такой же идентичностью – осознанием отсутствия профессиональных перспектив. Несмотря на то, что эффекты межвозрастных отношений в профессиональной сфере во многом повторяют факты, описанные на материале внутрисемейного взаимодействия, необходимо отметить, что значимость межвозрастного контекста в целом и субъективная острота переживаний последствий неконструктивных моделей межвозрастных отношений в частности в сфере профессионального взаимодействия ниже, в сравнении с семейной сферой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в монографии предложена авторская концепция межвозрастных отношений как социально-психологического феномена, а также представлены результаты эмпирических исследований, верифицирующие и иллюстрирующие ее основные положения.

Анализ содержания категории «возраст» демонстрирует многообразие ее трактовок. С одной стороны, возраст – это индивидуальная особенность человека, которая рассматривается как фактор, приоритетно предопределяющий его развитие («возраст развития»). С другой стороны, возраст – это социально-обусловленная характеристика человека, представляющая собой набор нормативно-ролевых характеристик, производных от системы разделения труда и социальной структуры общества, который определяет обязательность и доступность различных форм социальной активности для людей («социальный возраст»). Помимо этого, возможна такая трактовка возраста, согласно которой каждый человек в большей или меньшей степени разделяет ценности той или иной возрастной субкультуры и причисляет себя к той или иной возрастной категории на основе субъективно переживаемого (психологического) возраста.

Изначально различные возрастные периоды (детство, юность, взрослость, старость) в психологии рассматривались как инвариантные этапы жизни, четко зафиксированные в соответствующих демографических категориях и физиологически обусловленных закономерностях развития. Однако сегодня очевидно, что возрастные признаки человека не могут трактоваться как исключительно биологический или психофизиологический феномен. Возраст оказывается теснейшим образом связанным с социальным статусом человека не только на ранних этапах социогенеза, но и в современном обществе. Сегодня возраст, безусловно, не является единственным или доминирующим признаком, определяющим социальный статус человека, однако очевидно, что положение людей разного возраста в иерархии общественных отношений обусловлено в том числе и местом, которое занимает их возрастная группа в структуре общества, а также функциями, которые группа выполняет. Возрастной статус, представляющий собой место возрастной группы в иерархически организованной возрастной структуре общества, является важнейшим фактором, опосредующим развитие отношений между возрастными группами и их отдельными представителями и определяющим содержание возрастных ролей – моделей поведения, соответствующих статусам различных возрастных групп.

В целом, в современной науке термин «возраст» применяется для анализа тесно взаимосвязанных, но различных по своей сути явлений – онтогенетического развития человека и жизненного пути личности, и к настоящему времени «возраст как объективная мера физического и психического развития» и «возраст как социокультурно-обусловленное явление» обозначаются единым термином (в отличие, например, от терминологически разграниченных «пола» и «гендера»). Необходимо отметить, что в зарубежной социоло-

гии была предпринята попытка подобного терминологического разграничения: было предложено различать «возраст» и «биологический рост», причем первое понятие, по задумке авторов, должно обозначать исключительно возраст как социокультурный конструкт, а второе – подчеркивать биологически обусловленные аспекты взросления и старения (James A., Quortrup A.P.J., 1997). Однако, как показывает анализ литературы, эти термины пока не являются общепринятыми ни в зарубежной, ни в отечественной психологии, и существующее многообразие трактовок категории «возраст» определяет сложности, с которыми сталкиваются психологические исследования, претендующие на социально-психологическую трактовку межвозрастных отношений и межвозрастного взаимодействия.

Выделение второго из обозначенных выше аспектов возраста (социально-психологического аспекта) в качестве самостоятельного предмета исследования предполагает такую постановку вопроса, в которой возраст трактуется как особый регулятор социального взаимодействия людей. Анализ литературы показывает, что в подобном ракурсе проблема возраста рассматривается в психологии крайне фрагментарно и касается исключительно частных случаев социального взаимодействия, как правило, межличностного. Значительно большую проработку данная проблема получила в социологии и, отчасти, лингвистике.

В частности, социологами, работающими в рамках социокультурной парадигмы исследований межвозрастного взаимодействия, наглядно продемонстрировано, что индивидуальное развитие человека протекает в логике распространенных в обществе представлений о содержании тех или иных возрастных этапов, причем по мере взросления человек принимает все более и более активное участие в конструировании своего жизненного пути в соответствии с ними. Благодаря социологическим исследованиям, выполненным в стратификационной парадигме, становится очевидным существование особого вида социальных отношений – возрастных отношений, в которых отображаются сложившиеся в обществе практики межвозрастного взаимодействия, с одной стороны, и которые являются средствами конструирования этих практик, с другой. Эти выводы социологов подкрепляются и результатами филологических исследований, иллюстрирующими их на материале языкового контекста межвозрастного взаимодействия и отношения к различным возрастным группам.

Однако в силу различий в базовых теоретико-методологических предпосылках достижения смежных с психологией наук не могут быть механически использованы в теории и практике психологических исследований. В итоге, в социально-психологических исследованиях, как правило, воспроизводится противоречие между традиционной для психологии психофизиологической (онтогенетической) трактовкой возрастных признаков человека и социально-психологическими интерпретациями их роли в регуляции социального поведения людей в межличностном или межгрупповом взаимодействии, а также во взаимодействии личности и группы с обществом в целом.

Сказанное выше определило целесообразность разработки новой социально-психологической концепции – социально-психологической концепции межвозрастных отношений. Накопленный в социальной психологии и смежных науках материал позволяет интегрировать в процессе разработки концепции межвозрастных отношений достижения социальной психологии отношений как раздела социальной психологии, а также накопленные в психологии и смежных науках сведения о закономерностях межвозрастных отношений.

На основании теоретических положений социальной психологии, позволяющих охарактеризовать взаимные отношения людей, была предложена характеристика феномена межвозрастных отношений. При этом учитывались следующие важнейшие особенности социально-психологического подхода к проблеме отношений: их взаимный характер; многоуровневая структура; интеграция объективного и субъективного аспектов; регулирующая роль социальной идентичности; способность не только отражать, но и конструировать социальную реальность.

В нашей работе межвозрастные отношения рассматривались в качестве разновидности социально-психологических отношений, представляющей собой отношения между людьми как представителями возрастных групп, осуществляемые в процессах взаимодействия. Критерием выделения межвозрастных отношений из широкого спектра взаимоотношений людей была определена актуализация возрастной идентичности субъектов в процессе взаимодействия, благодаря которой возрастные категории становятся значимым основанием для регуляции взаимодействия людей.

В качестве субъектов межвозрастных отношений рассматривались государство, возрастные группы и отдельные личности как представители возрастных групп. Объективный аспект межвозрастных отношений может анализироваться на основе исследования практик взаимодействия между государством и возрастными группами, возрастными группами друг с другом и между отдельными личностями как представителями возрастных групп. Субъективный аспект рассматривался как проявление межвозрастных отношений соответственно в возрастных представлениях, возрастных стереотипах и возрастных установках, которые представляют собой содержательные аспекты возрастной идентичности и обладают смысловой природой, благодаря чему наиболее перспективным исследовательским подходом нам представляется психосемантический подход. Было показано, что возрастная идентичность может носить нормативный или парадоксальный характер, что в свою очередь позволяет предполагать, что возрастные представления, стереотипы установки могут различаться у людей с разными типами возрастной идентичности.

Для анализа межвозрастных отношений были выбраны два параметра, первый из которых предполагает характеристику в аспекте проблемы равенства/неравенства возрастных статусов, а второй – акцентирования сходств/различий между людьми разного возраста. В итоге было выделено

четыре модели межвозрастных отношений, из которых только одна (возрастно-толерантная модель, предполагающая равенство возрастных статусов в контексте принятия возрастных различий) рассматривается нами в качестве конструктивной. Остальные модели (возрастно-дискриминирующая, возрастно-манипулятивная и возрастно-игнорирующая), опирающиеся на идею неравенства возрастных статусов и/или незначимости возрастных различий, в нашей работе рассматриваются как неконструктивные.

Было показано, что в контексте общественного взаимодействия возраст может рассматриваться как одно из оснований, определяющих систему общественного неравенства, категория, лежащая в основе социальной стратификации общества. Межвозрастные отношения в общественном взаимодействии специфичны асимметрией субъектности сторон: собственно субъектную позицию в них занимает государство, которое законодательно определяет статусы различных возрастных групп и контролирует их реализацию. Возрастные группы в большей степени выступают в этих отношениях в объектной позиции, предполагающей отражение и воспроизведение устанавливаемых государством нормативных возрастных представлений. Особенности межвозрастных отношений, реализующихся в общественном взаимодействии, обусловлены широким спектром социально-политических, социально-экономических, социокультурных условий общественной жизни. Они носят безличный характер и, по сути, представляют собой отношения между государством и возрастными ролями.

Объективный аспект межвозрастных отношений в контексте общественного взаимодействия представляют собой практики взаимодействия между государством и людьми как представителями возрастных групп. Проведенный анализ показал, что государственная политика создает предпосылки для возникновения и поддержания неравенства между возрастными группами, проявляющегося в плане возможностей и ограничений (цензов) участия в жизни общества, а также в распределении ресурсов социальной поддержки между ними. В основе этого неравенства лежат представления об особенностях каждого возраста, которые благодаря законодательной деятельности государства закрепляются и легитимизируются. Можно утверждать, что благодаря государственной политике легитимизируется приоритет взрослости как периода наибольших социальных возможностей и наименьших потенциальных сложностей, и остальные возрастные группы находятся в более или менее зависимом положении от группы взрослых. При этом в содержании представлений о сущности каждого возрастного этапа, лежащих в основе государственной политики, констатируются выраженные противоречия, а декларируемые государством приоритеты в области социальной поддержки возрастных групп зачастую рассогласованы с реальной практикой.

Неравенство возрастных групп в контексте общественных отношений проявилось при анализе возрастных представлений, выступающих субъективной характеристикой межвозрастных отношений, реализуемых в социальном взаимодействии. Возрастные представления были определены как ча-

стный случай социальных представлений, включающий в себя обусловленные общественно-историческим контекстом способы интерпретации возрастной дифференциации и стратификации общества.

Результаты эмпирического исследования позволили утверждать, что возрастные представления людей, относящихся к различным возрастным группам, в целом содержательно универсальны как в случае интерпретации возрастной группой своего собственного положения в системе межвозрастных отношений в обществе, так и в случае интерпретации положения других возрастных групп. Возрастные представления опираются на понимание детства как периода получения образования и накопления опыта, подросткового возраста – периода профессионализации, взрослости – трудовой деятельности, пожилого возраста – пенсионного образа жизни. Основным моментом, привносящим в них содержательное разнообразие, является направление «векторов ответственности» между возрастными группами: если для возрастных групп детей, подростков и пожилых людей в большей степени свойственно делегировать ответственность за свое благополучие группе взрослых, то для взрослых более характерным является представление о взаимной ответственности возрастных групп.

На фоне достаточно выраженной содержательной универсальности в возрастных представлениях фиксируются различия в оценках возможностей, атрибутируемых различным возрастным группам. Это дало основание для построения эмпирической типологии возрастных представлений, в которой они были дифференцированы на континуальные (убежденность в том, что доступность ресурсов не определяется хронологическим возрастом, и каждый возрастной период жизни человека обладает самостоятельной ценностью) и итеративные (убежденность в том, что доминирующим возрастным модусом бытия, для которого характерна максимальная доступность различных ресурсов, является взрослость, в силу чего достижение и / или сохранение статуса взрослого выступает в качестве приоритетной задачи продвижения по жизненному пути). В исследовании было показано, что выраженность итеративных представлений по мере продвижения по жизненному пути снижается, в то время как выраженность континуальных – возрастает. Это является одним из механизмов поддержания позитивной возрастной идентичности вне зависимости от объективного социального контекста межвозрастных отношений, который подавляющее большинство испытуемых независимо от возраста описывают посредством характеристик, отражающих особенности неконструктивных моделей межвозрастных отношений (прежде всего, возрастно-дискриминирующей).

При анализе межвозрастных отношений, реализуемых в межгрупповом взаимодействии, учитывалось, что такие отношения предполагают трактовку поведения человека через призму возрастной группы, к которой он принадлежит, и реализуются, прежде всего, в ситуациях кратковременного ролевого взаимодействия, когда, в условиях дефицита опыта личного взаимодействия

с партнером, основным источником информации о нем становится атрибутируемый ему возраст.

Объективный аспект отношений между возрастными группами представляют собой практики взаимодействия между ними. Анализ подобных практик в приоритетных сферах осуществления межвозрастных отношений (семейной и профессиональной) позволил говорить о фактическом неравенстве возрастных групп. С одной стороны, наибольшее количество ресурсов доступно группе взрослых людей. Однако, с другой стороны, именно от них ожидается самая активная поддержка других возрастных групп. Это неравенство проявляет себя и в субъективных аспектах межвозрастных отношений.

Субъективный аспект отношений между возрастными группами представлен возрастными стереотипами – разновидностью социальных стереотипов, представляющей собой упрощенное схематизированное знание о психологических особенностях представителей тех или иных возрастных групп. Возрастные стереотипы функционируют в отношениях между возрастными группами имплицитно, в виде «свернутых» смыслов, конструирующих образы возрастных ин- и аут-групп, которые характеризуются содержательной амбивалентностью, акцентированием коммуникативных различий как основного признака, дифференцирующего возрастные группы в субъективном плане, и содержательной устойчивостью вне зависимости контекста взаимодействия.

На основе полученных результатов были выделены два эмпирических типа возрастных стереотипов: типичные – традиционные для возрастных субкультур образы «наивного ребенка», «переживающего кризис подростка», «ответственного взрослого» и «регрессирующего пожилого человека», и нетипичные – отличающиеся от магистральных образы «манипулятивного детства», «ответственного подростничества», «усталой взрослости» и «мудрой старости». Было показано, что возрастные стереотипы разных типов сопряжены с разными моделями отношений между возрастными группами.

В исследовании было установлено, что и в семейной, и в профессиональной сферах чаще других встречается возрастно-толерантная модель межвозрастных отношений. Однако, если в семейной сфере, для которой характерно тесное переплетение семейных и возрастных ролей, отношения между возрастными группами в целом симметричны, то в профессиональном контексте наблюдается выраженная асимметрия.

Интолерантные (в частности, возрастно-дискриминирующая и возрастно-манипулятивная) модели отношений между возрастными группами в сфере внутрисемейного взаимодействия оказались сопряжены с типичными возрастными стереотипами, утверждающими более высокий статус групп детей и особенно (в аспекте прав и возможностей) взрослых в сравнении с подростками и пожилыми людьми и тем самым поддерживающими и воспроизводящими объективные факты неравенства возрастных групп в семейной сфере, и воспроизводятся преимущественно в ат-групповом взаимодействии. Возрастто-толерантная модель, напротив, чаще была сопряжена с нетипич-

ными стереотипами, содержание которых вступает в противоречие с этими фактами и позволяет тем самым отчасти нивелировать их значимость, и в большей степени характерна для ин-группового взаимодействия. Наиболее уязвимой возрастной группой в семейном взаимодействии в итоге оказались подростки, особенно в том случае, если они имеют нормативную («подростковую») идентичность.

В отличие от семейных отношений, отношения между возрастными группами в профессиональной сфере были охарактеризованы как имеющие большой потенциал напряженности в силу асимметричности реализуемых возрастными группами моделей отношений, что касается как аут-групповых, так и ин-групповых отношений. Было показано, что группа взрослых в этих отношениях находится в наиболее выгодном положении, в то время как пожилые люди и особенно подростки чаще становятся объектами возрастной дискриминации или манипуляции. Сопряженность с нетипичными возрастными стереотипами не только возрастнотолерантной, но и возрастнодискриминирующей модели профессиональных отношений между возрастными группами указала на «нормативность» этой модели отношений в профессиональной сфере, особенно в случаях нормативной возрастной идентичности подростков и парадоксальной – пожилых людей.

В исследовании были отмечены факты, позволяющие проиллюстрировать взаимосвязь эффектов отношений между возрастными группами с содержанием межвозрастных отношений между возрастными группами и государством. В частности, была показана опосредованность возрастными представлениями содержания возрастных стереотипов.

Анализ реализации межвозрастных отношений в межличностном взаимодействии, субъектами которых являются люди как носители тех или иных возрастных ролей, проводился с учетом того, что отличительными чертами межличностных межвозрастных отношений являются их взаимность, эмоциональная окрашенность, «личностность», проявляющаяся во влиянии на их характер личностных особенностей и опыта субъектов, а также опосредованность ситуационным контекстом.

Объективный аспект межвозрастных отношений представляют собой практики межличностного взаимодействия между людьми разных возрастов. На основе теоретического анализа было показано, что межличностные межвозрастные контакты имеют разную степень напряженности и социальной близости / дистанцированности, что дало основание для предположения о функционировании в межличностном взаимодействии различных моделей межвозрастных отношений, сопряженных с различными возрастными установками.

В качестве социально-психологической характеристики субъективного аспекта межличностных межвозрастных отношений рассматривались возрастные установки, представляющие собой частный случай социальной установки и определяемые как готовность человека вести себя определенным образом в соответствии со своей возрастной ролью и возрастной ролью партне-

ра по взаимодействию. На основе эмпирических данных было показано, что содержательное ядро возрастных установок формируется преимущественно на основе опыта внутрисемейного взаимодействия, опыт профессионального взаимодействия в этом смысле оказывается менее значимым.

В содержании возрастных установок было выделено два компонента, один из которых оказался обусловленным содержанием магистральных возрастных стереотипов, а другой – свободным от возрастно-стереотипного содержания. Свободные от опосредования эффектами возрастной стереотипизации возрастные установки показали сопряженность с положительной модальностью взаимоотношений людей в большей степени, чем те установки, содержание которых содержит элементы магистральных возрастных стереотипов. На этом основании была предложена эмпирическая типология возрастных установок, позволившая разделить их на две группы: толерантные (готовность воспринимать поведение партнера по взаимодействию независимо от содержания магистрального возрастного стереотипа и принимать его различные возрастно-специфические особенности) и интолерантные (готовность воспринимать поведение партнера по взаимодействию через призму магистрального возрастного стереотипа с тенденцией не принимать отмечаемые возрастно-специфические черты его поведения). Наибольшая выраженность толерантных установок была обнаружена в выборках подростков и взрослых, наименьшая – в выборке пожилых людей.

Проведенное эмпирическое исследование показало, что в семейном взаимодействии преобладают неконструктивные модели межвозрастных отношений (возрастно-манипулятивная и возрастно-дискриминирующая), подкрепленные интолерантными возрастными установками, выраженность которых возрастает по мере продвижения человека по жизненному пути. В профессиональном взаимодействии перечисленные модели межвозрастных отношений представлены примерно в равном соотношении.

Было выявлено, что положение людей разных возрастов в межличностных отношениях различается, причем в семейном и профессиональном контекстах воспроизводятся сходные эффекты. Так, с точки зрения реализуемых субъектами практик взаимодействия, в самом неблагоприятном положении оказываются подростки. Однако принципиальная проницаемость границ их возрастной группы, возможность достижения более высокого возрастного статуса создает ресурс для преодоления потенциальных негативных последствий возрастной дискриминации и манипуляции. Положение пожилых людей в межличностном взаимодействии в целом несколько более благоприятно, чем положение подростков, чему способствует относительная распространенность возрастно-толерантной модели во взаимодействии с ними людей других возрастов, которая, в то же время, не исключает и неконструктивные модели межличностных отношений, в которые они вовлечены. Тем не менее, в случае нормативной возрастной идентичности пожилые люди переживают факты возрастной дискриминации и манипуляции не слишком остро, воспринимая их как нормальное положение дел. По сути, в данном случае

срабатывает эффект «самодискриминации», улучшающий, как ни странно, положение пожилых людей в системе межличностных отношений. Взрослые люди находятся в крайне неоднозначном положении «двойной дискриминации» (давления собственного возрастного статуса, с одной стороны, и фактов дискриминации и манипуляции, с другой), которое содержит в себе потенциал противоречия. В итоге неконструктивные модели межвозрастных отношений в межличностном взаимодействии труднее всего переживаются именно взрослыми людьми.

Разработанная концепция межвозрастных отношений может использоваться для планирования социально-психологических исследований, обращённых к межвозрастной проблематике, а также для решения широкого спектра практико-ориентированных задач, связанных с формированием межвозрастной толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 431 с.
2. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
3. Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – М.: Проспект, 2005. – 560 с.
4. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 144 с.
5. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: изд-во МГУ, 1990. – 240 с.
6. Адлер А. Понять природу человека / Пер. Е.А.Цыпина. – СПб.: Академический проект, 1997. – 256 с.
7. Александрова Н.Л., Федорова В.В. ИмPLICITные представления о взрослости // V Съезд ООО «Российское психологическое общество». Материалы участников съезда. Т. 1. – М.: РПО, 2012. – 496 с. – с. 262.
8. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды / Б.Г. Ананьев. - В 2-х т. - Т.1. - М.: Педагогика, 1980. – 336 с.
9. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: изд-во ЛГУ, 1968. – 337 с.
10. Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI века // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 372 с. – с. 9-26.
11. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект-пресс, 2008. – 363 с.
12. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 239 с.
13. Антипова И.Г. Проявление эмоций в деятельности и формирование новых эмоциональных отношений личности // Проблемы взаимосвязи эмоций, мышления и воли. Тезисы VI Российской научной конференции. 9-11 июня 1994 г. Рязань: изд-во РГПУ, 1994. – 117 с. – С. 18-19.
14. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Наука–Смысл, 1998. – 350 с.
15. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 416 с.
16. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с.
17. Асмолов А. Г., Ковальчук М. А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой. – М.: изд-во МГУ, 1977. – с. 143-163.

18. Асмолов А.Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2008. – 244 с. – с.3-14.
19. Афанасьев А.Б. Технологии оптимизации межвозрастных отношений в поликультурном (полиэтническом) пространстве // Технологии гармонизации межвозрастных отношений: Учебно-методический комплекс. – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 215 с. – с. 94-143.
20. Афанасьева А.И. Исторический процесс и смена поколений // Преемственность поколений как социологическая проблема. – М., 1973. – с. 20-24.
21. Баранова Т.С. Теоретически модели социальной идентификации личности // Социальная идентификация личности. – М.: изд-во ИС РАН, 1993. – с. 35-46.
22. Бардьер Г.Л. Социальная психология толерантности. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 120 с.
23. Баукин А. В. Манипулирование сознанием. Опыт социально-философского анализа Автореф дис. . канд. филос. наук. – М., 2007. – 17 с.
24. Бедненко А. В. Личностные предпосылки манипулятивного воздействия // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2000. – № 1. – С. 65-67.
25. Безлюева Г.В. Толерантность: взгляд, поиск, решение. – М.: Вербум, 2003. – 168 с.
26. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – 475 с.
27. Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. – 1999. – № 3. – с. 140-147.
28. Белозерова Л.М. Онтогенетический метод определения биологического возраста человека // Успехи геронтологии. – 1999. – выпуск 3. – с. 108-112.
29. Белоконная Л., Гимпельсон В., Горбачева Т., Жихарева О., Капелюшников Р., Лукьянова А. От чего зависят различия в зарплате россиян // Демоскоп. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – 2007. – № 293-294 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0293/tema05.php> (02.08.2013).
30. Белопольская Н.Л. Половозрастная идентификация. Методическое пособие. – М.: Когито-Центр, 2009. – 24 с.
31. Белугина Е. В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни. Дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2003. – 199 с.
32. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. – М.: Наука, 2007. – 360 с.
33. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
34. Бизюков П.В., Гвоздицких А.В. Дискриминация в сфере труда: распространенность, формы и причины существования. Социологическое исследование. – М.: Центр социально-трудовых прав, 2007. – 16 с.
35. Битянова М.Р. Социальная психология. – М., Эксмо, 2002. – 577 с.

- 36.Блонский П.П. Педология. – М.: Владос, 2000. – 228 с.
- 37.Богомолова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В. Психология большой социальной группы: новые судьбы, новые подходы // Социальная психология в современном обществе / под ред. Андреевой Г.М., Донцова А.И. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 335 с. – с. 132-148.
- 38.Бодалев А.А.О взаимосвязи общения и отношения // Вопросы психологии. – 1994. – №1. – с. 122-137.
- 39.Божович Л.И. Проблемы формирования личности. – М.: изд-во Института практической психологии, Воронеж: МОДЭК, 1995. – 352 с.
- 40.Болотова А.К. Психология времени в межличностных отношениях // Время и развитие личности в онтогенезе. – М.: МПСИ, 1997. – с.102 – 108.
- 41.Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 9 / Отв. ред. С. Л. Кравец. – М.: БРЭ, 2007. – 767 с.
- 42.Большой психологический словарь / ред. Б.Г.Мещеряков, В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2005. – 672 с.
- 43.Большой толковый социологический словарь. В 2 т. Т.1 / ред. Дж. Джери. – М.: Вече, ОСТ, 2001. – 543 с.
- 44.Бочаров В.В. Антропология возраста. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. – 196 с.
- 45.Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. – М.: Ин-т психологии РАН, 1994. – 109 с.
- 46.Валитова Р. Р. Толерантность как этическая проблема: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997. – 20 с.
- 47.Василькова Ю.В. Социальная педагогика. – М.: Изд. центр «Академия», 2000. – 118 с.
- 48.Вдовина М.В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в современной семье. Автореферат дис. ... д.пс.н. – М., 2008. – 36 с.
- 49.Веселкова Н.В. Эйджистское конструирование старения // Социальная работа и сестринское дело в системе здравоохранения и социальной защиты населения: проблемы профессиональной деятельности и перспективы подготовки кадров: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 22-23 апреля 2008 г. /Уральская государственная медицинская академия / Под ред. К.В.Кузьмина. Екатеринбург, 2008. – 459 с. – с. 112-116.
- 50.Владимиров Д. Г. Старшее поколение как фактор экономического развития // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 57—60.
- 51.Войнов В.Б. Информативные показатели готовности детей к школьному обучению // Наука и образование. – 2003. – №1. – С.208-214.
- 52.Волкоморова О. Б. Лексика возрастной стратификации в русском языке и речи. Автореферат дис. ... канд. филол. Наук. – Тюмень, 2006. – 23 с.
- 53.Воловик В.И. Преемственность поколений и прогресс социалистического общества. Автореферат дис. ... канд.филос.наук. – М., 1972. – 21 с.
- 54.Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики. /Под ред. А. М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.

55. Вялова Г.П. Детство – ценность культуры. Автореферат дис. ... к. филос. н. – М., 1995. – 23 с.
56. Гайдар К.М. Феномен идентичности группового субъекта // Вестник ТГПУ. – 2009. – №11. – С. 148-155.
57. Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю.В. Ивановой, Л. В. Покровской. – М.: изд-во Вост. литературы, 2002. – 198 с.
58. Гладкова М.М. Социальная политика в отношении пожилых людей в условиях социально-экономического кризиса // Опыт организации деятельности социальных служб: состояние, региональные особенности, перспективы развития: материалы Региональной научно-практической конференции. – Балашов: Николаев, 2009. – 76 с. – с. 8-12.
59. Гладникова Е.В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие. // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). 7 (осень-зима). http://spero.socpol.ru/docs/N7_2007-125-148.pdf 26 (01.08.2013)).
60. Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б. Поздний возраст и стратегии его освоения. – М.: изд-во МПСИ, 2003. – 112 с.
61. Годфруа Ж.. Что такое психология. – в 2 томах. – т. 2. – М.: Мир, 1992. – 376 с.
62. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. – М.: изд-во МГУ, 1987. – 176 с.
63. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
64. Грачев Г. В. Манипулирование личностью. – М.: Эксмо, 2003. – 384 с.
65. Гулевич О.А., Безменова И.К. Аттитюды и их взаимосвязь с поведением. – М.: Российское психологическое общество, 1999. – 144 с.
66. Гулевич О.А., Онучин А.Н. Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия. // Вопросы психологии. – 2002. – №3. – с.132-145.
67. Давидчук А. Н. Разновозрастная группа: сенсорное воспитание и развитие элементарных математических представлений // Дошкольное воспитание. – 2000. – № 8. – с. 69-79.
68. Демидов А.А., Дивеев Д.А., Кутенев А.В. Оценка возраста и индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица // Экспериментальная психология. 2012. №1. – С. 69-81.
69. Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.
70. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
71. Дихотомия геронтологической ситуации в современной России: эксклюзия – инклюзия / Под ред. М.Э. Елютиной. – Саратов: Саратовский гос. техн. ун-т, 2006. – 237 с.

72. Доронова Т.Н., Щур В.Г., Якобсон С.Г. Предпосылки организации совместной деятельности в разновозрастной группе малокомплектного детского сада // Дошкольное воспитание. – 1985. – № 6. – С. 12-16.
73. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
74. Дробижева Л. М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России. – М.: Институт социологии, 1998. – 385с.
75. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности // Социс. – 1995. – № 6. – с. 110-119.
76. Дымов Е.И. Особенности межвозрастного взаимодействия // Личность в системе коллективных отношений. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – Курск: б.м., 1980.– С. 81-82.
77. Егоров В.К. История есть смена поколений. Преемственность поколений в условиях социалистического строительства: проблемы теории и практики. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 255 с.
78. Елисеева Ю.А. Возраст как ментальная универсалия: культурфилософские основания моделирования. Автореферат дис. ... докт. филос. наук. – Саранск, 2008. – 38 с.
79. Елютина М.Э. Историко-понятийная рефлексия слова «старость» // Российский журнал социальной работы. – 1998. – № 1/7. – с. 88-92.
80. Елютина М.Э. Социокультурное конструирование образа старости // Поколенческая организация современного российского общества. – Саратов: Надежда, 2002. – Вып.1. – с. 12-19.
81. Елютина М.Э., Чеконова Э.Е. Социальная геронтология. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 157 с.
82. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 400 с.
83. Еремеев Б.А. Статистические процедуры при психологическом изучении текста. – СПб.: Образование, 1996. – 55 с.
84. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. – Том 1. – М.: АСТ, Астрель, 2006. – 1168 с.
85. Жарков Г.В. Хронотоп в структуре личности девиантных подростков. Автореферат дис. ... к.пс.н. – Владимир, 2000. – 19 с.
86. Журавлёв А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 5. – С. 72-80.
87. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка.– М.: Высшая школа, 1989. – 124 с.
88. Загребина А.В. Опыт исследования экономического поведения в сфере пенсионного обеспечения и межпоколенческих трансфертов на примере семей петербургских студентов // Телескоп. Журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2010. – № 3. – с. 41-45.

89. Загребина А.В., Сурков А.В. Социологические аспекты альтруизма в межпоколенческих отношениях // Социологические исследования. – 2010. – №11. – с. 105-109.
90. Захарова О.Л. Развитие готовности ребенка к школе в условиях разновозрастных групп детского сада. Автореферат дис. ... канд.психол.наук. – М., 2006. – 23 с.
91. Зима Е.Г. Конструирование элементов детства в современном обществе // IV Всероссийский социологический конгресс. Социология в системе научного управления обществом. Секция 40. Социология детства. – Москва 2-4 февраля 2012 г. – Электронный ресурс/ ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012. 2554 с.– 1 CD ROM. – с. 2369-2371.
92. Злотникова Т.С. Гендерный и возрастной аспекты архетипа современной массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – №4. – с. 16-25.
93. Знаков В. В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. – 2002. – № 6. – С. 45-54.
94. Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи. – Оренбург: печ.дом «ДИМУР», 1999. – 290 с.
95. Иванова Е.И. Социально-демографические поколения современной России: воспроизводство и взаимодействие. – М.: РГГУ, 2012. – 296 с.
96. Игнатова Н.Ю. Бытие взрослого в мире: философский анализ. Автореферат дис. ... д.филос.н. – Екатеринбург, 2005. – 41 с.
97. Иконникова С.Н. Закрытость детства в открытом обществе // Ребенок в современном мире. Материалы конференции– СПб.: , 1999. – с. 16-18.
98. Ильин В.И. Государство и стратификация советского и постсоветского общества в 1917-1996 г.г.: опыт конструктивистско-структуралистского анализа. – Сыктывкар: Сыктывкарский университет, Институт социологии РАН, 1996. – 349 с.
99. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. – М.: Голос, 2001. – С. 467.
100. Илющенко В.Г. Современные подходы к оценке биологического возраста человека // Валеология. – 2003. – № 3. – с. 11-19.
101. Казьмина О.Т. Тест «Социальные сети подростка» // Школьный психолог. – 1998. – №41. – С. 2.
102. Карабанова О.А. Социальное конструирование детства // Образовательная политика. – 2010. – № 5-6. – с. 43-44.
103. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 832 с.
104. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Проблема реальности в социологии: как возможна социальная группа? //Социологические исследования. – 1996. – № 12. – с. 90–105.
105. Кирсанова Е.П. Зарубежный опыт социальной работы: проблемы и возможности использования в России / Актуальные проблемы истории,

- теории и технологии социальной работы. Сб. науч. статей, вып. 1. – Ростов-на-Дону, 1998. – с. 12-18.
106. Киселёва Е.Н. Межвозрастное общение как фактор личностного развития школьников. Автореф. дисс... канд. пед. наук. – М., 1995. – 18 с.
107. Кле М. Психология подростка: Психосексуальное развитие. / пер. с фр. – М.: Педагогика, 1991. – 171 с.
108. Клецина И. С. Психология гендерных отношений. Автореферат дис. ... д.пс.н. – СПб., 2004. – 39 с.
109. Климова С.Г. Критерии определения групп «мы» и «они» // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С. 83-95.
110. Ковалева Г.А. Детство на рубеже XX - XXI веков: Социологический анализ. Автореферат дис. ... к.социол.н. – СПб., 2002. – 21 с.
111. Козлова О. Н. Управляемость социальной жизни: от быта к бытию // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С.128-138.
112. Кокоренко В.Л. Полоролевая, возрастная идентификация и система самооценок у подростков с отдельными вариантами нарушений психического развития. Автореферат дис. ... к.пс.н. – СПб., 2006. – 28 с.
113. Коллектив. Личность. Общение: словарь социально-психологических понятий./ Под ред. Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова. – Л.: Лениздат, 1987. – 143 с.
114. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности). – Мн.: изд-во БГУ, 1976. – 350с.
115. Коломинский Я.Л. Возрастная и педагогическая социальная психология в свете проблем воспитания. Прикладные проблемы социальной психологии. // Сб. ст. АН СССР Ин-т психологии. / Под ред. Е.В.Шороховой, В.П.Левкович. – М.: Наука, 1983. – с. 266-282.
116. Коломинский Я.Л., Реан А.А. Педагогическая социальная психология. – СПб.: Питер, 1999. – 416 с.
117. Комлик Л.Ю. Формирование психологической готовности студентов к обеспечению межвозрастного взаимодействия дошкольников в игровой деятельности. Автореферат дис. ... канд.психол.наук. – Курск, 2006. – 20 с.
118. Кон И.С. Социология личности. – М.: Наука, 1967. – 317 с.
119. Кон И.С., Лосенков В.А. Проблемы исследования юношеской дружбы // Советская педагогика. – 1974. – № 10. – С. 35-45.
120. Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 270 с.
121. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.
122. Косова Л. Про равенство и неравенство // Отечественные записки. Выпуск журнала № 5 (50) 2012 // <http://www.strana-oz.ru/2012/5/pro-ravenstvo-i-neravenstvo> (02.08.2013).
123. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – СПб.: Питер, 2005. – 940 с.

124. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. – М.: Академия, 2002. – 228 с.
125. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 432 с.
126. Криворученко В.К., Яковлев И.Г. Теории молодежи. – М: Канон+, РО-ОИ «Реабилитация», 2012. – 528 с.
127. Круглова Н.В. Становление толерантности как социокультурной нормы. – СПб: издательство «Инфо-Да», 2011 г. – 224 с.
128. Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2(2). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.05.2013).
129. Крючкова Н.В. Концепт «молодость» в политическом дискурсе // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006.– Т.1. – с. 86-88.
130. Кувшинова О.А. Проблемы формирования социальной политики в отношении лиц пожилого возраста // Вопросы управления. – 2012. – № 2(19) // <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2012/02/> (01.08.2013)),
131. Куницына Н.В., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
132. Куницына В.Н., Панферов В.Н. Проблема отношений личности в трудах В.Н. Мясищева // Психологический журнал. – Том 13. – 1992. – №3. – с. 140-147.
133. Курышева О.В. Возрастные аспекты социальной категоризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11. – 2013. – № 1(5). – с. 77-83
134. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. – М.: Прогресс, 1980. – 392 с.
135. Лазуренко Н.В. Управление системой социальной защиты детства: муниципальный уровень. Автореферат дис. ... к.социол.н. – М., 2009. – 19 с.
136. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. – М.: Наука, 1997. – 445 с.
137. Лебедева М.Ю. Интерпретационное поле концепта детство (опыт экспериментального исследования) // Русский язык за рубежом. – 2012. – №5. – с. 50–57.
138. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика, 1999. – 603 с.
139. Левинсон А.Г. Старость как институт // Отечественные записки. – 2005. – №3 (23). – с. 8-26.
140. Лезгина Д.В. Культурная трансмиссия в отношениях поколений // Молодежная культура и ценности будущего /

- Отв. ред. А. Г. Козлова, М. С. Гаврилова. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. – 560 с. – с. 234-237.
141. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
142. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.
143. Лисовский В.Т. Социология молодежи. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. – 460 с.
144. Личко А.Е. Проблема бессознательного и психологические отношения // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4 томах. Т.2. – Тб.: Мецниереба, 1978. – 687 с. – С. 449-454.
145. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 350 с.
146. Лоренц К. Обратная сторона зеркала / Федоров А.И., Швейник Г.Ф. (пер. с нем.). – М.: Республика, 1998. – 393 с.
147. Любина И.М. Аксиология концепта "возраст" в русской, британской и американской лингвокультурах. Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 205 с.
148. Люблева Е.Ю. Личностный смысл взросления как фактор развития самосознания в детстве. – М.: изд-во УРАО, 2012. – 142 с.
149. Вестник Университета Российской академии Образования. 2011. № 1
150. Макеева Н.Ю. Межпоколенная толерантность // Психология, образование, социальная работа: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы ежегодной научно-практической конференции студентов и аспирантов факультета психологии и социальной работы. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – 261 с. – с. 35-37.
151. Матисова З.П. Проблема эйджизма при профперееорентации в среднем возрасте лиц с высшим образованием. Дипломная работа. – М.: ВШП(И) 2012. – 78 с.
152. Матьяш О.И., Погольша В.М., Казаринова Н.В., Биби С., Зарицкая Ж.В. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.
153. Мехришвили Л.Л. Проблема детства в системе социальной политики региона. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2007. – 336с.
154. Мид Дж.Г. Аз и Я // Американская социологическая мысль. – М.: изд-во МГУ, 1994. – 396 с. – с. 122-128.
155. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 428 с.
156. Минаев А.И. География населения. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – 170 с.
157. Миронова А.В. Межпоколенные трансферты внутри семейных групп // Демоскоп. – 2012. – № 521-522 / <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0521/demoscope521.pdf> (01.08.2013).
158. Митрофанова С.Ю. Социальный статус детства: жизненно-стилевой подход. Автореферат дис. ... к. соц. наук. – Саратов, 2004. – 22 с.

159. Мехришвили Л.Л. Проблема детства в системе социальной политики региона. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2007. – 356 с.
160. Можейкина Л. Б. Развитие толерантности у подростков в процессе обучения русскому языку: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Новосибирск, 2006. – 24 с.
161. Мокрогуз Е.В. Возрастные установки в отношении подростков и взрослых к пожилым людям. Дипломная работа. – СПб., 2010. – 88 с.
162. Морозова О.Н. Межпоколенные отношения в современной российской семье как фактор социализации молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2010. – № 4(20). – с. 76-82.
163. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – том 16. – №2. – С. 3-14.
164. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. – М.: Академия, 2006. – 608 с.
165. Мухранова Е.Н. Возраст как феномен культуры. Автореферат дис. ... канд. филос. н. – СПб., 2006. – 22 с.
166. Мясичев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
167. Мясичев В.Н. Сознание как единство отражения действительности и отношения к ней человека // Проблемы сознания. Материалы симпозиума. – М.: б.м., 1966. – 600 с. – С. 126-133.
168. Николин В.В. Волшебная сказка: исследование воспроизводства культуры. – Екатеринбург: Стюарт, 2000. – 327 с.
169. Нилопец А.М. Динамика представлений о возрасте и перспективе взросления у детей 6-8 лет // Психологическая наука и образование. – 2010. – №2. – с. 20-27.
170. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
171. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. – Л.: изд-во ЛГУ, 1979. – 152 с.
172. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. – М.: Высшее образование; МГППУ, 2006. – 460 с.
173. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова . 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
174. Омельченко Е.Л. Российская молодежь на рубеже веков: (опыт исторического анализа исследований современного состояния сознания) // Вестник МГУ. Сер.8. История. – 2005. – N 3. – с.101-110.
175. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: изд-во ИС РАН, 2000. – 264 с.
176. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – 704 с.

177. Основы ювенологии: опыт комплексного междисциплинарного исследования / Науч. ред. Е. Г. Слуцкий, отв. ред. И. В. Скомарцева. – СПб.: БИС-принт, 2002. – 267 с.
178. Остапенко А.А. «Скрытые» факторы образования // Школьные технологии. – 2005. – № 3. – С. 16-39.
179. Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе. // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 1. – С. 75 – 88.
180. Павловская О.В. Биологический возраст у человека. Экологический аспект // Итоги науки и техники. Часть 1. – М., 1985. – с. 15-18.
181. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 528 с.
182. Панина Н.В. Социальный статус и стиль жизни личности // Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы / Отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. – Киев: Наукова думка, 1982. – с. 286-307.
183. Панферов В.Н. Психология человеческих отношений. Избранное. – СПб.: изд-во ИПП, 2009. – 497 с.
184. Парахонская Г.А. Пожилой человек в семье // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – с. 103-110.
185. Парачев А.М. Символический анализатор мир. – СПб., 1997 (рукопись). – 34 с.
186. Паршин П.Б., Сергеев В.М. Об одном подходе к изучению средств изменения моделей мира // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 688. Принципиальные вопросы теории знаний. – Тарту, 1984. – с. 127-143.
187. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: изд-во МГУ, 1988. – 208 с.
188. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 257 с.
189. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 257 с.
190. Петрова Е.А. Межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения. дис. ... к.пс.н. – М., 2008. – 26 с.
191. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды: Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.
192. Платонов К.К. Структура и развитие личности. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
193. Поддубная Т.Н. Становление и развитие института социальной защиты детства в России. // Ученые записки РГСУ. – 2006. – № 4 (52). – с. 105-116.
194. Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и

- групповых субъектов совместной жизнедеятельности//Психологический журнал. – 2012. – №5. – с. 5-15.
195. Поливанова К.Н. Практики развития: взросление в современном мире (Доклад) [Электронный ресурс] // Материалы научно-экспертного семинара "Новое детство" Практики развития: взросление в современном мире (Доклад). 2012. URL: <http://psyjournals.ru/56285> (16.06.2013) .
196. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. – М.: Академия, 2000. – 184 с.
197. Попов М. А. Межличностное понимание в разновозрастной группе школьников. Автореф. дисс... канд. псих. наук. – М: 198. – 21с.
198. Попова С.В. Воспитательный потенциал разновозрастного коллектива в условиях детского загородного лагеря. Автореферат дис. ... канд.пед.наук. – Воронеж, 2008. – 24 с.
199. Поправко Н.В.Ценностные параметры жизненных стратегий и жизненных планов молодежи томского региона //Ценностные параметры жизненных стратегий и жизненных планов молодежи Томского региона. Сибирь. Философия. Образование. – Новокузнецк: Сибирское отделение РАО ИПК. – Альманах, 2001 (5). – С. 59-66.
200. Постникова М. И. Межпоколенные отношения в контексте социокультурных изменений в современной России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – №81. – с. 265-272.
201. Прихидько А.И. Межгрупповые эмоции: основные направления исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Том 6. – 2009. – №4. – с. 103-117.
202. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. — М.: АНО «ПЭб», 2007. — 56 с.
203. Проценко Л.М. Социально-психологические инициации подростков во временных объединениях как условие развития личности. Автореферат дис. ... к.пс.н. – М., 2001. – 23 с.
204. Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер,2007 – 607 с.
205. Психология индивидуального и группового субъекта/ под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 368 с.
206. Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. – М. Изд-во «Когито-Центр», 2011. – 600 с.
207. Психология человека от рождения до смерти / Под общей редакцией А.А. Реана. – СПб.: ПраймЕврознак, 2002. – 656 с.
208. Пучков П. В. Геронтологическое насилие в условиях демографического кризиса (социологический анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Саратов, 2006. – 49 с.
209. Пую Ю.В. Социально - философские основания антропологии манипулирования. Автореферат дис. ... д.филос.н. – СПб., 2010. – 46 с.

210. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб. : Питер, 2000. – 624 с.
211. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. – М.: Мир, 1994. – 656 с.
212. Репина Т.А. Отношения между сверстниками в группе детского сада. – М.: Педагогика 1978. – 98с.
213. Роик В.Д. Экономика, финансы и право социального страхования. Институты и страховые механизмы. — М.: Альпина Паблишер, 2012. — 258 с.
214. Российская педагогическая энциклопедия. – т. 1. – М.: Педагогика, 1993. – 496 с.
215. Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. / пер. Е.В. Говор; ред. В.Р. Кабо – М.: Прогресс, 1989. – 319 с.
216. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 томах. Том 2. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.
217. Рудакова О.И. Концепты «молодость» и «старость» как динамические явления (на материале словообразования) // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. – 51/2007. – с. 247-252.
218. Рыбакова Н.А. Феномен старости. – Москва-Псков: изд-во ПИПКРО, 2000. – 169 с.
219. Рыбалко Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология. – СПб. : Питер, 2001. – 221 с.
220. Рыбинский Е.М. Управление системой социальной защиты детства: Социально-правовые проблемы. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 224 с.
221. Сабкаев А.А. Выбор скриптов поведения в процессе категоризации социальных объектов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – Том 6. – 2009. – №4. – с. 87-94.
222. Савков С.Н. Взросление в постнеклассическом социальном пространстве (социально-философский анализ). – Хабаровск, изд-во ХГТУ, 1999. – 70 с.
223. Савченко И.П. Молодежная политика как социальное управление. Монография. – Ростов-на Дону: СКНВ ВШ, 2002 – 312 с.
224. Сапогова Е.Е. Психология развития человека. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 460 с.
225. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в семье. Автореферат дис. ... д.пс.н. – Кострома, 2013. – 48 с.
226. Саралиева З. М., Балабанов С. С. Пожилой человек в центральной России // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – с. 54-65.
227. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. –Тб.: Мецниереба, 1989. – 208 с.

228. Сергиенко Е.А. Когнитивный возраст: структура и динамика // V Съезд ООО «Российское психологическое общество». Материалы участников съезда. Т. 1. – М.: РПО, 2012. – 496 с. – с. 161-162.
229. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. – СПб.: Речь, 2004. – 256 с.
230. Сизова М.А. Взаимосвязь межпоколенных отношений и функциональности семьи. Автореферат дис. ... к.пс.н. – Кострома, 2012. – 24 с.
231. Сикорская Л.С. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – с. 52-58.
232. Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – с. 37-49.
233. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности. – М.: Школа-пресс, 1995. – 384 с.
234. Смелзер Н. Социология. - М.: Феникс, 1998. – 688 с.
235. Смирнова Е.А. Риск конфликта между поколениями в современной России: семья, общество, государство. Итоговый научный отчет. – М., 2003. – 29 с.
236. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – с. 49-55.
237. Смолькин А. А. Социокультурная динамика отношения к старости. Автореферат дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2004. – 20 с.
238. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С.54-63.
239. Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 28. – С. 3. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.07.2013).
240. Сократова Е.В. Половозрастная идентификация детей с аутизмом в сочетании с умственной отсталостью // Ананьевские чтения-2005. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2005. – 640 с. – с. 456-458.
241. Солдатова Е. Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека. Автореферат дис. ... докт. психол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 43 с.
242. Солдатова Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Монография. Челябинск, изд-во ЮУрГУ, 2007. 221с.
243. Соловьёв О.В. Взаимодействие детей разного возраста в игре как фактор их социального развития: Дисс. канд... пед наук. – Ярославль, 1997. – 169с.
244. Сорокин П.А. Система социологии. Том 2: Социальная аналитика. Учение о строении сложных социальных агрегатов. – М.: Наука, 1993. – 688 с.
245. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г.В. Осипов. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 448 с.

246. Спасибенко С. Г. Проблема социализации пожилых и старых людей // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 2. – с. 129-149.
247. Степанова Е.И. Возраст как социальная проблема жизнедеятельности человека // Педагогика безопасности жизнедеятельности человека. Сборник научных трудов. Выпуск №3. / Под ред. Б.Ф. Кваши. – СПб.: МАНЭБ, МИНПИ, 2002. – 136 с. – с. 55-70.
248. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. – М.: Академический проект ИП РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 448 с.
249. Техтелева Н.В. Формирование представлений родителей о характере ребенка-дошкольника. Автореферат дис. ... к.пс.н. – Самара, 2008. – 21 с.
250. Толстых А. В. Возрасты жизни. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 221 с.
251. Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. – СПб.: Алетейя, 2000. – 288 с.
252. Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности. Хрестоматия. – Казань, 1998. – с. 51-69.
253. Томэ Г. Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. – М.: Наука, 1978. – 368 с. – С. 173-196.
254. Тюгашев Е.А., Попкова Т.В. Семьеведение. – Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2003. – 180 с.
255. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. – М.: Статистика, 1978. – 309 с.
256. Фельдштейн Д. И. Психология развивающейся личности. – М.-Воронеж: МПСИ, 1996. – 476 с.
257. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.
258. Фиофанова О.А. Проектирование модальностей взросления подростков в воспитательном пространстве города: теория и социальная практика. – М.: МГПУ, 2008. – 256 с.
259. Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь / Перевод М. К. Рыклина. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.
260. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем яз. – М.: АСТ, 2005. – 636 с.
261. Фрумин И.Д., Эльконин Б.Д. Образовательное пространство как пространство развития ("школа взросления") // Вопросы психологии. – 1993. – №1. – с. 3-15.
262. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб.: Прайм-Еврознак, издательский дом «Нева», М.: Олма-Пресс, 2002. – 448 с.
263. Хасан Б.И., Тюменева Ю.А. Противоречие двух периодизаций детского развития и попытка установления взаимосвязи между ними // Бюллетень клуба конфликтологов. – Вып.4. – Красноярск, 1995. – с.19-23.
264. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича. – М.: Прогресс, Традиция, 1997. – 416 с.

265. Хозина Ж. В. Социально-культурная активизация лиц третьего возраста как условие преодоления эйджизма (На примере Великобритании). Автореферат дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000. – 19 с.
266. Хомик В.С. Программы предупреждения вредных привычек у школьников США // Вопросы психологии. – 1988. – №6. – с.148-155.
267. Храмова О.В. Взаимодействие поколений в современной российской семье. Автореферат дис. ... к. социол.н. – Саратов, 2005. – 23 с.
268. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 400 с.
269. Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюер // Социальная психология и общество. – 2012. - №3. – с. 16-26.
270. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб. : Питер, 2003. – 288 с.
271. Чеботарева Е.Э. Борьба с морщинами как социальная теодицея // Философия старости: геронтология. Сборник материалов конференции. Серия «Symposium», выпуск 24. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – 126 с. – с. 59-61.
272. Чеканова Е.Б. Социальное конструирование старости в современном обществе. Автореферат дис. ... д.соц.н. – Саратов, 2005. – 45 с.
273. Чернышова Е.В. Социальное конструирование стереотипов старости: гендерный аспект // Вестник Поволжской академии госслужбы. – 2008. - №4. – с. 179-185.
274. Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур. Автореферат дис. ... к.пс.н. – Томск, 2002. – 22 с.
275. Шевченко Ю.С., Добридень В.П. Онтогенетически-ориентированная психотерапия (методика ИНТЭКС). Практическое пособие. – М.: Российское психологическое общество, 1998. – 157 с.
276. Шерозия А.Е. Сознательное, бессознательное психическое и система фундаментальных отношений личности // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4 томах. Т.3. – Тб.: Мецниереба, 1978. – 798 с. – С. 351-389.
277. Ширков Ю.Э. Социальная стратификация общества, данная нам в ощущениях: модель // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 1997. – № 4. – С. 51-55.
278. Ширков Ю.Э. Стратегии самокатегоризации в системе представлений о «своих» и «чужих». Автореферат дис. ...канд. психол.наук. – М., 2009. – 29 с.
279. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М.: изд-во ИП РАН, 1999. – 448 с.
280. Щеглова С.Н. Детство как социальный феномен: Концепция социального конструирования детства. Автореферат дис. ... д.соц.н. – М., 1999. – 32 с.

281. Щедровицкий Г. П. Игра и «детское общество». Выступление на дискуссии // Психология и педагогика игры дошкольника. М.: Учпедгиз, 1966. – 234 с.
282. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 1999. – 656 с.
283. Элиаде М. Аспекты мифа. / Пер. с фр. – М.: «Инвест - ППП», СТ «ППП», 1996. – 240 с.
284. Эльконин Д.Б. Детская психология. – М.: Учпедгиз, 1960. – 328 с.
285. Эткин А. М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами. // Социально-психологические исследования в психоневрологии. Под ред. Е. Ф. Бажина. – Л., 1980. – С. 110-114.
286. Юридический энциклопедический словарь / под ред. Буяновой М.О., Марченко М.И. – М.: Проспект, Велби, 2007. – 816 с.
287. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – 295 с. – С. 89-105.
288. Ядов В.А. Социальная идентификация личности. – М.: Институт социологии РАН, 1993. – 168 с.
289. Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности. – М.: ИНИОН, 1999. – 115 с.
290. Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. – М.: Прогресс-традиция, 2006. – 176 с.
291. Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. – М.: гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 224 с.
292. Abrams D., Eller A., Bryant J. An age apart: the effects of intergenerational contact and stereotype threat on performance and intergroup bias // Psychology and aging. – 2006. – Vol.21. – pp.691-702.
293. Anderson K. A. A test of the age stereotypes in interaction model within relational context // Dissertation Abstracts International Section A: Humanities and Social Sciences. – 2004. – Vol. 64. – № 8-A. – pp. 2703.
294. Arber S., Ginn J. Gender and later life: A sociological analysis of resources and constraints. – Sage, Newbury Park, CA, 1991. – 136 p.
295. Arbuckle J., Williams B. D. Students' Perceptions of Expressiveness: Age and Gender Effects on Teacher Evaluations // Sex Roles. – 2003. – Vol. 49. – Nos. 9/10, November. – pp. 507-517.
296. Arrondel L., Masson A. Altruism, exchange or indirect reciprocity: what do the data on family transfers show? // Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity / Kolm S.-C., Ythier J.M., eds. V. 2. Ch. 14. – Elsevier B.V., 2006. – pp. 971-1053.
297. Arrowsmith J. Theories and the practice of age discrimination: Evidence from personnel managers // Review of Employment Topics. – 2003. – Vol. 6. – No 1. – pp.1-54.
298. Atchley R. C. The aging self // Psychotherapy: theory, research and practice. – 1982. – Vol. 19. – No.4, winter. – pp. 388-397.

299. Augoustinos M., Innes J.M. Towards an Integration of Social Representations and Social Schema Theory// *British Journal of Social Psychology*. – 1990. – № 29. – P. 213-321.
300. Avolio B.J., Barrett G. V. Effects of Age Stereotyping in a Simulated Interview // *Psychology and Aging*. – 1987. – Vol. 2. – No. 1. – pp. 56-63.
301. Barak B., Mathur A., Lee K. Zhang Y. Perceptions of age-identity: A cross-cultural inner-age exploration // *Psychology and Marketing*. – 2008. – Vol. 18. – No. 10. – pp. 1003-1029.
302. Barrett A.E. Gendered experiences in midlife: Implications for age identity // *Journal of Aging Studies*. – 2005. – Vol.19. – No 2, May. – pp. 163-183
303. Baumeister R. Identity, cultural change and the struggle for self. – New York: Oxford University Press, 1986. – 245 p.
304. Bieman-Copland S., Ryan E.B. Social perceptions of failures in memory monitoring // *Psychology and aging*. – 2001. – Vol.16. – pp. 357-361.
305. Boduroglu A., Yoon C., Luo T. Age-related stereotypes: A comparison of American and Chinese cultures // *Gerontology*. – 2006. – Vol. 52. – № 5. – pp. 324-333.
306. Bonnesen J.L., Hummert M.L. Painful self-disclosures of older adults in relation to aging stereotypes and perceived motivations // *Journal of language and social psychology*. – 2002. – Vol. 21. – pp. 275-301.
307. Branco K.J., Williamson J. B. Stereotyping and the life cycle: Views of aging and the aged // *In the eye of the beholder: Contemporary issues in stereotyping* / A.G. Miller (Ed.). – New York: Praeger, 1982. – 482 p. – pp. 364-410.
308. Breckler S. J. Empirical validation of affect, behavior, and cognition as distinct components of attitude // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1984. – Vol. 47. – pp.1191-1205.
309. Butler R. N. Age-ism: Another form of bigotry // *The Gerontologist*. – 1969. – Vol. 9. – pp. 243-246
310. Cantor N., Mischel W. Prototypicality and personality: Effects on free recall and personality impressions // *Journal of Research in Personality*. – 1979. – Vol. 12. – pp. 4-52.
311. Chen Y., King B.E. Intra- and intergenerational communication satisfaction as a function of an individual's age and age stereotypes // *International Journal of Behavioral Development*. – 2002. – Vol. 26. – No. 6. – pp. 562–570.
312. Cleveland J.N., Landy F.J. The Effects of Person and Job Stereotypes on Two Personnel Decisions // *Journal of Applied Psychology*. – 1983. – Vol. 68. – No 4. – pp. 609-619.
313. Conwell Y. Suicide in the Elderly — Bias, Infirmary, and Suicide // *Crisis*. – 1995. – Vol. 16. – No4. – pp. 147-149.
314. Cooper J., Goethals G. The self-concept and old age // *Aging: Social change* / S. Kiesler, J. Morgan, V. Oppenheimer (Eds.). – New York: Academic Press, 1981. – 568 p. – pp. 431-452.
315. Cuddy A. J. C., Fiske S. T. Doddering but dear: process, content, and function in stereotyping of older persons // *Ageism. Stereotyping and Prejudice*

- against Older Persons /Edited by Todd D. Nelson. – N.Y.: Brandford book, 2002. – 388 p. – pp. 3-27.
316. Cuddy A.J.C., Norton M.I., Fiske S.T. This Old Stereotype: The Pervasiveness and Persistence of the Elderly Stereotype // *Journal of Social Issues*. – 2005. – Vol. 61. – No. 2. – pp. 267-285.
317. Daatland S. O. Age identifications // *Geropsychology: European perspectives for an aging world* (Fernández-Ballesteros, Rocío (Ed)). – Ashland, OH, US: Hogrefe & Huber Publishers, 2007. – 254 p. – pp. 31-48.
318. Dasgupta N., Greenwald A. G. On the malleability of automatic attitudes: Combating automatic prejudice with images of admired and disliked individuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2001. – Vol. 81. – pp. 800–814.
319. Dashefsky A., Shapiro H. *Ethnicity and Identity*. // *Ethnic Identity in Society*. / Ed. by A.Dashefsky. – Chicago: College Publishing Company, 1976. – 236 p. – pp. 5 – 11.
320. Davidson D., Zupei Luo, Fulton B. R. Stereotyped views of older adults in children from the People's Republic of China and from the United States // *Journal of Intergenerational Relationships*. – 2007. – Vol. 5. – Issue 4. – pp. 7-24.
321. De Martelaer K., De Knop P., Theeboom M., Van Heddegem L. The UN Convention As a Elaborating rights of Children In Sport // *Journal of leisirability*. – 2000. – Vol. 27. – No. 2. – pp. 3-10.
322. Demoulin S., Rodriguez-Torres R., Rodriguez-Perez A., Vaes J., Paladino M. P., Gaunt R., Cortes B., Leyens J-P. Emotional prejudice can lead to inhumanisation // *European Review of Social Psychology*. – 2004. – № 15. – pp. 259-296.
323. Desrichard O., Kopetz C. A threat in the elder: the impact of task-instructions, self-efficacy and performance expectations on memory performance in the elderly // *European journal of social psychology*. – 2005. – Vol.35. – pp. 537-552.
324. Eagly A. H., Chaiken S. Attitude structure and function // *The handbook of social psychology* (4th ed.). – New York: McGraw-Hill. In D. T., 1998. – 456 p. – pp. 269-322.
325. Eisenstadt S.N. *From Generation to Generation. Age Groups and Social Structure*. – New York: Free Press of Glencoe, 1956. – 398 p.
326. Elkind D. *The hurried child: growing up too fast too soon*. – Massachusetts: Perseus Publishing, 2001. – 344 p.
327. Erikson E.H. *The Concept of Identity in Race Relations: Notes and Queries*. // *Ethnic Identity in Society*. / Ed. by A.Dashefsky. – Chicago: College Publishing Company, 1976. – 236 p. – pp. 59-72.
328. Feldman J. M. Beyond attribution theory: Cognitive processes in performance appraisal // *Journal of Applied Psychology*. – 1981. – Vol. 66. – pp. 127-148.

329. Fiske S. T., Taylor S. *Social Cognition* (2nd ed.). - New York: McGraw-Hill, 1991. – 717 p.
330. Foner N. *Ages in conflict: A cross cultural perspective on inequality between old and young*. – New York: Columbia University Press, 1984. – 218 p.
331. Fry C. L. The life course as a cultural construct // *Invitation to the Life Course: Towards New Understandings of Later Life* / Settersten R. A. (ed.). – Baywood, Amityville, New York, 2003. – pp. 269–294.
332. Garstka T.A., Schmitt M.T. How young and older adults differ in their responses to perceived age discrimination // *Psychology and Aging*. – 2004. – Vol. 19. – No. 2. – pp. 326–335.
333. Gatz M., Pearson C. G. Ageism Revised and the Provision of Psychological Services // *American Psychologist*. – 1988. – Vol. 43. – No. 3. – pp. 184-188.
334. Gee G.C., Pavalko E.K., Long J. S. Age, Cohort and Perceived Age Discrimination: Using the Life Course to Assess Self-Reported Age Discrimination // *Social Forces*. – 2007. – №1. – pp. 265-290.
335. Gergen K., Schrader S., Gergen M. (eds.) *Constructing worlds together: Interpersonal communication as relational process*. – Boston: M.A.: Pearson, 2009. – 246 c.
336. Glover I., Branine M. *Ageism in work and employment*. – Ashgate, Aldershot. England. Publishing Ltd , 2001. – 164 p.
337. Grant L. Effects of ageism on individual and health care providers' responses to healthy aging // *Health and Social Work*. – 1996. – Vol. 21. – pp. 9-15.
338. Greenwald, A. G., Farnham, S. D. Using the Implicit Association Test to measure self-esteem and self-concept.// *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2000. – № 79. – pp. 1022-1038.
339. Griffiore R., Barboza G., Mastin T., Oehmke J., Schiamberg L., Ann Post L. Family members' reports of abuse in Michigan nursing homes // *Journal of elder abuse & neglect*. – 2009 (Apr.). – Vol. 21. – Issue 2. – pp. 105-114.
340. Gulliver P. Age differentiation // *International encyclopedia of the social sciences*. Vol.1. – NY.: Macmillan and Free Press, 1968. – 256 p. – pp. 157-162.
341. Hagestad G.O., Uhlenberg P. The Social Separation of Old and Young: A Root of Ageism // *Journal of Social Issues*. – 2005. – Vol. 61. - No. 2. – pp. 343-360.
342. Hartstone M., Augoustinos M. The minimal group paradigm: categorization in two versus three groups // *European Journal of Social Psychology*. – 1995. – Vol.25. – pp.179-193.
343. Harwood J. "Sharp!" Lurking Incoherence in a Television Portrayal of an Older Adult // *Journal of Language and Social Psychology*. – 2000. – Vol. 19. – No. 1. – pp.110-140.
344. Heckhausen J. Developmental Regulation Across Adulthood: Primary and Secondary Control of Age-Related Challenges // *Developmental Psychology*. – 1997. – Vol. 33. – No. 1. – pp. 176-187.

345. Hess T.M., Hinson J.T., Statham J.A. Explicit and implicit stereotype activation effects on memory: do age and awareness moderate the impact of priming? // *Psychology and aging*. – 2004. – Vol. 19. – pp. 495–505.
346. Hnilica K. Discrimination and subjective well-being: protective influences of membership in a discriminated category // *Central European Journal of Public Health*. – 2011. – Vol. 19, Issue 1. – p. 3-6.
347. Hockey J., James A. *Growing Up and Growing Older: ageing and dependency in the life course*. – London: Sage, 1993. – 198 p.
348. Hogg M., Williams K. From I to We: social identity and the collective self // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. – 2000. – Vol. 4. – No. 1. – pp. 81-97.
349. Holstein J., Gumbrium J. *Handbook of constructionist research*. – NY.: Guilford Press, 2007. – 210 p.
350. Horton S., Baker J., Pearce G. W., Deakin J.M. On the Malleability of Performance: Implications for Seniors // *Journal of Applied Gerontology*. – 2008. – No. 27 – pp. 446-466.
351. Hummert M. L., Garstka T. A., O'Brien L. T., Greenwald A.G., Mellott D. S. Using the Implicit Association Test to Measure Age Differences in Implicit Social Cognitions // *Psychology and Aging*. – 2002. – Vol. 17. – No. 3. – pp. 482–495.
352. Hummert M. L. A social cognitive perspective on age stereotypes // *Social cognition and aging* / T. M. Hess, F. Blanchard-Fields (Eds.). – San Diego, CA: Academic Press, Inc, 1999. – pp. 175–196.
353. Hummert M. L., Garstka T. A., Ryan E. B., Bonnesen J. L. The Role of Age Stereotypes in Interpersonal Communication // *Handbook of communication and aging research* / Nussbaum J.F. (Ed); Coupland J. (Ed). – Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. – 596 p. – pp. 91-114.
354. Hummert M. L., Shaner J. L., Garstka T. A., Henry C. Communication with older adults: The influence of age stereotypes, context and communicator age // *Human Communication Research*. – 1998. – Vol. 2. – No. 1, Sep. – pp. 124-151.
355. Hummert M.L., Garstka T. A., Shaner J. L. Stereotyping of Older Adults: The Role of Target Facial Cues and Perceiver Characteristics // *Psychology and Aging*. – 1997. – Vol. 12. – No. 1. – pp. 107-114.
356. Hummert M.L., Mazloff D., Henry C. Vocal characteristics of older adults and stereotyping // *Journal of Nonverbal Behavior*. – 1999. – Vol. 23. – No2, Summer. – pp. 111-132.
357. Hunter J. A. Inter-Group Evaluative Bias and Self-Esteem among Christians. // *Current Research In Social Psychology*. – 1998. – Vol. 3 (7). – pp. 74 – 87.
358. Intriери R. C., von Eye A., Kelly J. A. The aging semantic differential: A confirmatory factor analysis // *Gerontologist*. – 1995. – Vol. 35. – pp. 616–621.
359. James A., Quortrup A.P.J. *Constructing and reconstructing childhood. Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. – London, Washington: Falmer Press, 1997. – 257 p.

360. James J.W., Haley W.E. Age and Health Bias in Practicing Clinical Psychologists // *Psychology and Aging*. – 1995. – Vol. 10. – No. 4. – pp. 610-616.
361. Jelenec P., Steffens M.C. Implicit attitudes toward elderly women and men // *Current Research in Social Psychology*. – 2002. – Vol.7. – №16. – pp. 275-293.
362. Kane M., Green D. Perceptions of elders' substance abuse and resilience // *Gerontology & Geriatrics Education*. – 2009. – Vol. 30. – Issue 2. – pp. 164-183.
363. Kang S.K., Chasteen A.L. The development and validation of the Age-Based Rejection Sensitivity Questionnaire // *The Gerontologist*. – 2009 (Jun.). – Vol. 49 (3). – pp. 303-316.
364. Kelly G. A. *The psychology of personal constructs. V. 1: A theory of personality*. – N. Y.: Norton, 1955. – XVIII + 556 p.
365. Kimmel D. C. Ageism, Psychology, and Public Policy // *American Psychologist*. – 1988. – Vol. 43. – No. 3. – pp. 175-178.
366. Kite M. E., Deaux K., Miele M. Stereotypes of Young and Old: Does Age Outweigh Gender? // *Psychology and Aging*. – 1991. - Vol. 6. - No. 1. – pp. 19-27
367. Kite M. E., Wagner L. S. Attitudes toward older adults // *Ageism: stereotyping and prejudice against older persons* / T. D. Nelson (Ed.). – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – 388 p. – pp. 129–161.
368. Kluge A., Krings F. Attitudes Toward Older Workers and Human Resource Practices // *Swiss Journal of Psychology*. – 2008. – Vol. 67. – No 1 – pp. 61–64.
369. Koder D. A., Helmes E. Predictors of Working With Older Adults in an Australian Psychologist Sample: Revisiting the Influence of Contact // *Professional Psychology: Research and Practice*. – 2008. – Vol. 39. – No. 3. – pp. 276–282.
370. Kruse A. A., Schmitt E. A multidimensional scale for the measurement of agreement with age stereotypes and the salience of age in social interaction // *Ageing & Society*. – 2006 (May.). – Vol. 26. – Issue 3. – pp. 393-411.
371. Kun M., McPartland T. An empirical investigation of self-attitudes // *American Sociological Review*. – 1954. – Vol.19. – No. 1 – pp. 68-76.
372. Kunda Z. *Social Cognition: Making Sense of People*. – NY.: MIT Press, 1999. – 602 p.
373. Kuypers J.A., Bengston V.L. Perspectives of olderfamily // *Independent ageing* / Quinn W.H., Hugston G.A. (ed.). – Rockville: Aspen Publications, 1984. – pp. 3-19.
374. Kwong S., Sheree T., Heller R. Judging Older Targets' Discourse: How Do Age Stereotypes Influence Evaluations? // *Experimental Aging Research*. – 2004. – Vol. 30. – No. 1 Jan-Mar. – pp. 63-73.
375. Leeds-Hurwitz W (ed.). *Social approaches to communication*. – NY.: Guilford, 1995. – 346 p.

376. Levin D.T. Race as a visual feature: Using visual search and perceptual discrimination tasks to understand face categories and the cross-race recognition deficit // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 2000. – Vol. 39. – pp.559–574.
377. Levy B. R., Banaji M. R. Implicit ageism // *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons* /Nelson T. D. (Ed). – Cambridge, MA, US: The MIT Press, 2002. – 388 pp. – pp. 49-75.
378. Levy B. R., Hausdorff J. M., Hencke R., Wei J. Y. Reducing cardiovascular stress with positive self-stereotypes of aging // *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*. – 2000. - Vol. 55B. – pp. 205–213.
379. Levy B. R., Leifheit-Limson E. The stereotype-matching effect: greater influence on functioning when age stereotypes correspond to outcomes // *Psychology and Aging*. – 2009 (Mar.).– Vol 24(1). – pp. 230-233.
380. Levy B. R., Ryall A., Pilver C., Sheridan P., Wei J., Hausdorff J. M. Influence of african american elders' age stereotypes on their cardiovascular response to stress // *Anxiety, Stress & Coping*. –2008 (Jan.). – Vol. 21. – Issue 1. – pp. 85-93,
381. Levy B.R. Slade M. D., May J., Caracciolo E. Physical recovery after acute myocardial infarction: positive age self-stereotypes as a resource // *International Journal of Aging & Human Development*. – 2006. – Vol. 62. - No. 4. – pp. 285-301.
382. Levy B.R., Slade M.D., Gill T.M. Hearing decline predicted by elders' stereotypes // *Journals of gerontology. Series B: Psychological sciences & social sciences*. – 2006 (Mar.). – Vol. 61B. – Issue 2. – pp. 82-87.
383. Lichtenstein M.J., Pruski L.A., Marshall C.E., Blalock C.L., Lee S., Plaetke R. Sentence completion to assess children's views about aging // *Gerontologis* . – 2003. – vol. 43. – N 6. – pp.839-848.
384. McGuire S. L. Promoting positive attitudes toward aging: literature for young children // *Childhood Education*. – 1993. – Vol. 69. – pp. 3-12.
385. Meyer J. Levels of analysis: the life course as a cultural construction // M. W. Riley (Ed.). *Social Structures and Human Lives*. – London: Newbury Park, Sage, 1988. – 268 p. – P. 49-62.
386. Miller D.B., Lowenstein R., Winston R. Physicians' attitudes toward the ill aged and nursing homes // *Journal of American Geriatrics Society*. – 1976. – Vol. 24. – pp. 498-505.
387. Mueller-Johnson K., Toglia M.P., Sweeney C.D., Ceci S.J. The perceived credibility of older adults as witnesses and its relation to ageism // *Behavioral Sciences and the Law*. – 2007. – Vol.25. – pp.355-375.
388. Nelson T.D. Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // *Journal of Social Issues*. – 2005. – Vol. 61. – No. 2. – pp. 207-221.
389. Neugarten B. Adult personality: toward a psychology of the life cycle // *Middle Age and Aging* / Edited by Bernice Neugarten. – Chicago: The University of Chicago Press, 1968. – 276 p. – pp. 137-147.

390. O'Brien L. T., Hummert M. L. Memory performance of late middle-aged adults: contrasting self-stereotyping and stereotype threat accounts of assimilation to age stereotypes // *Social cognition*. – 2006 (Jun.). – Vol. 24. – Issue 3. – pp. 338-358.
391. Palmore E. The Ageism Survey. First Findings // *The Gerontologist*. – 2001. – Vol. 41. – No5. – pp. 572-575.
392. Pampel F. C. Aging, social inequality, and public policy. – Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1998. – 288 p.
393. Pasupathi M., Lockenhoff C.E. Ageist Behavior // *Ageism: Stereotyping and Prejudice against Older Persons* / T.D. Nelson (Ed.). – MIT Press: London, 2002. – 388 p. – pp. 201-246.
394. Pearce W. B. Making social worlds: A communication perspective. – Malden, MA: Blackwell Publishing, 2007. – 238 p.
395. Perdue C. W., Gurtman M. B. Evidence for the automaticity of ageism // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 1990. – Vol. 26. – pp. 199–216.
396. Perry E. L., Kulik C. T., Bourhis A.C. Moderating Effects of Personal and Contextual Factors in Age Discrimination // *Journal of Applied Psychology*. – 1996. – Vol. 81. – No. 6. – pp. 628-647.
397. Pinguat M. Good News About the Effects of Bad Old-Age Stereotypes // *Experimental Aging Research*. – 2002. – Vol. 28. – pp. 317-336.
398. Priestley M. Childhood disability and disabled childhoods: agendas for research // *Childhood*. – 1998. – Vol. 5. – № 2. – P. 207-223.
399. Pritchard R.D., Maxwell S.E., Jordan W. C. Interpreting Relationships Between Age and Promotion in Age-Discrimination Cases // *Journal of Applied Psychology*. – 1984. – Vol. 69. – No. 2. – pp. 199-206.
400. Ptacek P. H., Sander E. K. Age recognition from voice // *Journal of Speech and Hearing Research*. – 1966. – Vol. 9. – pp. 273-277.
401. Rados R.C. Stereotypes toward older people among young adults // *Dissertation Abstracts International Section A: Humanities and Social Sciences*. – 2004. – Vol. 64. – No. 8-A. – pp. 2835.
402. Railey M.W. Overview and highlights of a sociological perspective // *Human Development and the Life Course. Multidisciplinary perspectives* / B. Sorensen, F. Weinert, L. Sherrod (eds.). – Hillsdale, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1986. – 376 p. – pp. 153-175.
403. Revenson T. A. Compassionate Stereotyping of Elderly Patients by Physicians: Revising the Social Contact Hypothesis // *Psychology and Aging*. – 1989. – Vol. 4. – No. 2. – pp. 230-234.
404. Rijswijk van W., Ellemers N. Context effects on the application of stereotype content to multiple categorizable targets // *Personality and social psychology bulletin*. – 2002. – Vol. 28. – pp. 90-101.
405. Rodeheaver D. Ageism. // *Access modules in teaching the psychology of adult development and aging* / I. Parham, I. Siegler, L. Poon (Eds.). – New York: Springer, 1990. – pp.43-71.

406. Rodin J., Langer E. Aging labels: The decline of control and the fall of self-esteem // *Journal of Social Issues*. – 1980. – Vol. 36. – pp. 12-29.
407. Rokeach M. Beliefs, attitudes and values.– San Francisco: Jossey-Bass, 1968. – 246 p.
408. Rosen B., Jerclec T.H. The Influence of Age Stereotypes on Managerial Decisions // *Journal of Applied Psychology*. – 1976a. – Vol. 61. – No. 4. – pp.128-132.
409. Rosen B., Jerclee T.H. The Nature of Job- Related Age Stereotypes // *Journal of Applied Psychology*. – 1976b. – Vol. 61. – No. 2. – pp. 180-183.
410. Rosencrantz H. A., McNevin T. E. A factor analysis of attitudes toward the aged // *Gerontologist*. – 1969. – Vol. 9. – pp. 55–59.
411. Rothermund K., Brandtstedter J. Age stereotypes and self-views in later life: Evaluating rival assumptions // *International Journal of Behavioral Development*. – 2003. – Vol. 27. – No. 6. – pp. 549-554.
412. Rupp D.E., Vodanovich S. J., Crede M. The multidimensional nature of ageism: construct validity and group differences // *The journal of social psychology*. – 2005. – Vol. 145. – No 3. – pp. 335–362.
413. Ruppel S.E., Jenkins W.J., Griffin J. L., Kizer J.B. Are They Depressed or Just Old? A Study of Perceptions about the Elderly Suffering from Depression // *North American Journal of Psychology*. – 2010. – Vol. 12. – Issue 1. – pp. 31-42.
414. Saporta S. Old Maid and Dirty Old Man: The Language of Ageism // *American Speech: A Quarterly of Linguistic Usage*. – 1991. – Vol. 66. –№ 3. – pp. 333-334.
415. Savundranayagam M. Y., Ryan E.B. Social psychological aspects of communication and aging // *Annual Review of Applied Linguistics*. – 2008. – Vol. 28. – pp. 51-72.
416. Schaie K. W. Ageist Language in Psychological Research // *American Psychologist*. – 1993. – Vol. 48. – No. 1. – pp. 49-51.
417. Schmitt M.T., Branscombe N.R., Silvia P.J., Garcia D.M., Spears R. Categorizing at the group-level in response to intragroup social comparisons: A self-categorization theory integration of self-evaluation and social identity motives // *European journal of social psychology*. – 2006. – Vol. 36. – pp. 297-314.
418. Segrave K. Age discrimination by employers. – Jefferson: McFarland & Company, 2001. – 316 p.
419. Sehonfield D. Who is stereotyping whom and why? // *Gerontologist*. – 1982. – Vol. 2. – pp. 267-272.
420. Settin J. M. Clinical judgment in geropsychology practice // *Psychotherapy: theory, research and practice*. – 1982. – Vol. 19. – No. 4, winter. – pp. 397-405.
421. Sherif M. Group conflict and cooperation: Their social psychology. — L.: Routledge & Kegan Paul, 1966. – 192 p.
422. Sherman E., Schiffman L. G. Quality of life (QoL) assessment of older consumers: a retrospective review // *Journal of Business and Psychology*. – 1991. – Vol. 6. – pp. 107–19.

423. Slotterback C.S. Projections of aging: impact of generational differences and the aging process on perceptions of adults // *Psychology and Aging*. – 1996. – Vol.11. – pp. 552-559.
424. Sterns H., Miklos S. The aging worker in a changing environment: organizational and individual issues // *Journal of Vocational Behavior*. – 1995. – Vol.47 – pp. 248-268.
425. Steuer J. I. Psychotherapy with older women: ageism and sexism in traditional practice // *Psychotherapy: theory, research and practice*. – 1982. – Vol. 19. – No 4, winter. – pp. 429-437.
426. Tajfel H., Turner J. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. // *The Social Psychology of Intergroup Relations*. / Ed. by W.G.Austin and S.Worchel. – Monterey, Books Publishing Company, 1979. – pp. 33 – 49.
427. Taylor D.M., Moghaddam F.M. Social identity theory. // *Theories of intergroup relations: International social psychological perspectives (2nd ed.)* / Taylor D.M., Moghaddam F.M. (Eds.). – Praeger, Westport, CT, 1994. – pp. 61–94.
428. Traxler A.J. Let's get gerontologised: Developing a sensitivity to ageing. The multipurpose senior centre concept: A training manual for practitioners working with the ageing. – Illinois, 1980. – 246 p.
429. Treybig D.C. Language, children and attitudes toward the aged // *Gerontologist*. – 1974. – № 14. – pp. 14-75.
430. Turner J. C. Towards a cognitive redefinition of the social group. / H. Tajfel (Ed.) *Social identity and intergroup relations*. – Cambridge, UK: Cambridge University Press and Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982. – pp. 15-40.
431. Waldman D. A., Avolio B. J. A meta-analysis of age differences in job performance // *Journal of Applied Psychology*. – 1986. – Vol. 71. – pp. 33-38.
432. Ward R. A. The marginality and salience of being old: When is age relevant? // *The Gerontologist*. – 1984. – Vol. 24. – pp. 227–232/
433. Wehr T. Remembering and Knowing Personality Traits. Figure/Ground Asymmetries in Person-Related Retrieval Experience // *Experimental Psychology*. – 2008. - Vol. 55. - № 4. – pp. 243–250
434. Weiss D., Lang F. R. The two faces of age identity // *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*. – Vol 25(1),Mar. – 2012. – pp. 5-14.
435. Wentura D., Brandtstadter J. Age Stereotypes in Younger and Older Women: Analyses of Accommodative Shifts with a Sentence-Priming Task // *Experimental Psychology*. – 2003. – Vol. 50. - № 1. – pp. 16-26.
436. Whitbourne S. K., Hulicka I. M. Ageism in undergraduate psychology texts. // *American Psychologist*. – 1990. – № 45. – pp. 1127-1136.
437. Yoon C., Hasher L., Feinberg F., Rahhal T.A., Winocur G. Cross-cultural differences in memory: the role of culture-based stereotypes about aging // *Psychology and Aging*. – 2000. – Vol.15. – pp.694-704.

438. Zebrowitz L. A., Brandeis U., Waltham M.A. Aging stereotypes-- Internalization or inoculation? A commentary // *Journals of Gerontology: Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. – 2003. – Vol. 58B. – No. 4, Jul. – pp. 214-215.
439. Zebrowitz L. A., Montepare J. M. “Too young, too old”: Stigmatizing adolescents and elders // *The psychology of stigma* /T. K Heatherton, R. E. Kleck, M. R. Hebl, J. G. Hull. – NY: Guilford Publication, 2000. – pp. 334-373.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Описание опросника «Структура социальной идентичности»

Целью применения опросника является оценка уровня субъективного благополучия человека в сфере социальной идентичности. Опросник разработан совместно с И.С. Завалишевым. В основе опросника лежат результаты исследования R. Luhtanen и J. Crocker, согласно которым социальная идентичность следует оценивать посредством различных параметров, в частности, оценку членства в данной группе, личную оценку группы, общественную оценку группы, значимость группы в структуре самосознания человека²². Опросник включает в себя 64 вопроса, соотносимые с восемью компонентами социальной идентичности. Ниже приведены вопросы, характеризующие ее возрастную компоненту.

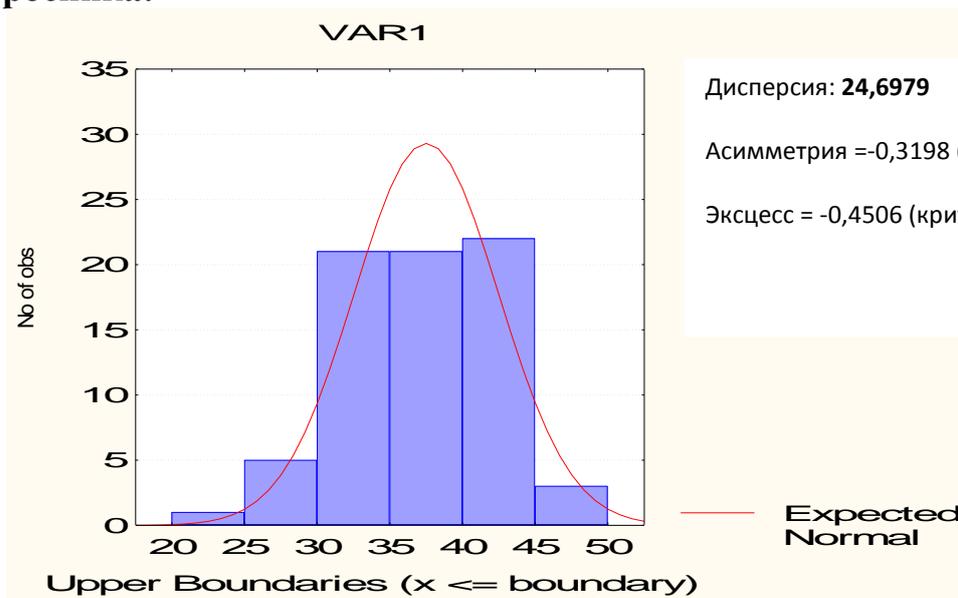
1. Я с гордостью называю свой возраст, когда меня о нем спрашивают
2. Считается, что люди моего возраста могут принести наибольшую пользу обществу
3. Другие люди хорошо относятся к людям моего возраста
4. Мне кажется, что я достойный представитель своей возрастной группы
5. Я чувствую, что могу быть полезным своим сверстникам
6. Для меня мой возраст не имеет большого значения
7. Я бы с удовольствием сменил свою возрастную группу
8. Мой возраст не отражает моих личностных особенностей

Инструкция. Оцените, пожалуйста, каждое высказывание по шкале от 1 до 7 в зависимости от Вашего согласия с ним (1 – абсолютно не согласен, 2 – не согласен, 3 – скорее не согласен, 4 – когда как, 5 – скорее согласен, чем нет, 6 – согласен, 7 – абсолютно согласен).

Обработка и интерпретация. Вопросы 1-5 являются прямыми, вопросы 6-8 – обратными. Минимальное значение по шкале «возрастная идентичность – 8 баллов, максимальное – 64 балла.

²² Luhtanen R., Crocker J. A collective self-esteem scale: Self-evaluation of one's social identity. // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1992. – №18. – pp. 302-318.

Ниже приведены некоторые **результаты психометрической проверки опросника**:

Внешняя валидность: r_s , $n=73$

Показатели	Межпоколенная толерантность (ВИКТИ)	Самооценка возрастной принадлежности (мет. Дембо-Рубинштейн), модификация
Возрастная идентичность	0,33	0,38

Ретестовая надежность: $r_s=771$, $n=71$ (двухнедельный интервал)

Микляева А.В.

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Монография

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, офис 105

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 17.06.2014. Формат 60×90/16.

Тираж 500 экз. Усл. печ. л.9,94. Заказ 214.